

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Центр языкового менеджмента и коммуникационного маркетинга ИГН
Центр обучения восточных и европейских языков ЭЛИТ
Институт гуманитарных наук

Terra scimus

Выпуск IX

Коллекция избранных трудов ученых
алтайской филологической научной школы

К 50-летию Алтайского государственного университета

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета

2023

УДК 800(063)
ББК 81.002я43
Т37

Главный редактор:

Халина Н.В., д-р филол. наук, профессор кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, Почетный работник высшей школы РФ.

Выпускающий редактор:

Янчевская К.А., канд. филол. наук, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета

Редакционная коллегия:

Denis Cunningham AM FACE, Managing Director, DACE Services, Lingupax Advisory Board Member FIPLV Honorary Former President & Secretary General Fédération Internationale des Professeurs de Langues Vivantes (FIPLV) (Австралия)

Авдеева Т. Ю., канд. филол. наук, директор Центра обучения Европейских и Восточных языков Elite, эксперт ЕГЭ по испанскому языку в Алтайском крае (зам. главного редактора) (Россия)

Мицумори Ю., представитель Japan Foundation (Япония)

Мансков С.А., Председатель Алтайского отделения Российского общества «Знание», консультант-эксперт по вопросам образования и культуры Общественной палаты Алтайского края, канд. филол. наук, доцент, директор детского технопарка «Кванториум 22»

Хираи Тоши, руководитель Международной школы балета S&N, Токио (Япония)

Ли Сеонг Ван, преподаватель Корейского религиозного университета (Южная Корея)

Чханг Кионгджун, преподаватель Корейского религиозного университета (Южная Корея)

Пивкина Н.Н., канд. филол. наук, доцент Национального научно-исследовательского университета «МЭИ»

Валюлина Е.В., канд. филол. наук, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета (Россия)

Жеребненко А.В., доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета (Россия)

Т 37

Terra scimus: коллекция избранных трудов ученых алтайской филологической научной школы. К 50-летию Алтайского государственного университета / под ред. Н.В. Халиной ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Вып. IX – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, – 172 с.

ISBN 978-5-7904-2767-1

В девятом выпуске издания «Terra scimus», приуроченном к 50-летию Алтайского государственного университета, опубликованы труды ученых алтайской филологической научной школы, составляющие коллекцию исследований, отобранных авторами в рамках проекта «Филологи: The Best». В предлагаемом вниманию выпуске представлены знаковые как для авторов, так и формируемой «алтайской территории смыслов», научные труды.

УДК 800(063)
ББК 81.002я43

ISBN 978-5-7904-2767-1

© Коллектив авторов, 2023
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2023

Содержание

Предисловие к алтайской «Азбуке филологических смыслов»	5
---	---

Раздел 1. От А до Д ('аз' – 'добро')

Аникин Д. В. ГРАФИКА В ТРУДАХ АЛЕКСАНДРА ФОН ГУМБОЛЬДТА	10
--	----

Гребнева М.П. ВИДЫ ЭКВИВАЛЕНТОВ ТЕКСТА В РЕДАКЦИЯХ ПОЭМЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»	22
---	----

Деминова М.А. ТРАНСМЕДИЙНЫЙ ПРОЕКТ: СТРАТЕГИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ИНТЕРАКТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТА «РБК PRO»)	26
--	----

Десятов В. В. АКМЕИСТИЧЕСКИЙ ХРАМ: ФРАГМЕНТЫ ДИАЛОГА НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА И ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА	33
---	----

Раздел 2. От К до Л ('како' – 'люди')

Карпухина В.Н. СОВРЕМЕННАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	56
---	----

Кинцель А.В. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	66
---	----

Куляпин А.И. «ЭТО БИОЛОГИЯ»: ПОЭТИКА ПОВЕСТИ ЯНА ЛАРРИ «НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРИКА И ВАЛИ»	72
--	----

Лукашевич Е.В. ДЕТКИ – ДЕТКАМ РОЗНЬ: ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ	80
--	----

Раздел 3. От М до Р ('мыслите' – 'рцы')

Манскова Е.А. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ СЛУЖБЫ НОВОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ РЕДАКЦИИ	88
---	----

Московкина Е.А. «ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»: ЭКФРАСИС В ПОЭТИКЕ ТРИЛОГИИ Д. И. РУБИНОЙ «ЛЮДИ ВОЗДУХА»	94
Пивкина Н.Н. (Н. Н. Столярова) ИССЛЕДОВАНИЕ НИЖНЕНЕМЕЦКОГО ГОВОРА С ДИСКУРСИВНЫХ ПОЗИЦИЙ	104
Попов Е.А. БЕСПОЛЕЗНЫЙ ТРУД: КОНЦЕПЦИЯ ДЭВИДА ГРЭБЕРА	110
Романова Е.Г. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ НА ЭСТРАДЕ. «ВУЛЬГАРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА» И ЭСТРАДНЫЙ ТЕАТР НИКОЛАЯ ЭРДМАНА	121
 Раздел 4. От С до Я ('слово' – 'я')	
Сафронова Е.Ю. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ «ОБЪЯСНЕНИЯ ПО ДЕЛУ ПЕТРАШЕВЦЕВ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	130
Халина Н.В. КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА ДЛЯ НОСИТЕЛЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ	138
Хребтова Т.С. ЭПИСТЕМНО-КОГНИТИВНЫЙ ТЕЗАУРУС Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА КАК ЧАСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	143
Чернышова Т.В. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ДИСКРЕДИТАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ	149
Чуканова Т.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЕЙ И КРИТЕРИЕВ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА	156
Явинская Ю.В. «ВЕЧНО БАБОЧКОЙ ЛЕТАТЬ...» УПОДОБЛЕНИЕ ОБРАЗОВ ЧЕЛОВЕКА И БАБОЧКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ	168

Предисловие к алтайской «Азбуке филологических смыслов»

Исследователь санскрита, интеллектуальной и литературной истории Индии и сравнительной интеллектуальной истории Шелдон Поллак в своем научном эссе «Филология будущего? Судьба мягкой науки в жестком мире»¹ размышляет о будущем филологии как науки в мире прагматических расчётов и нетерпеливого отношения к языку и текстам в истории. Как считает Ш. Поллак, вопрос существования филологии – это проблема выживания «самой способности людей читать свое прошлое и даже настоящее, сохраняя таким образом меру своей человечности»².

В своем эссе эксперт в области интеллектуальной истории проектирует четыре фокуса рассмотрения филологии: фокус исторической перспективы, фокус прагматического выбора университетов во время кризиса начала третьего тысячелетия; дискуссионный фокус, имеющий отношение к практике, переопределяющей границы дисциплины, и созданию иной – подлинно критической – филологии; имагологический фокус – «о том, что филология может значить как образ жизни – не о том, что значит стать профессиональным филологом, а о том, что значит жить филологически»³.

Статьи, публикуемые в X выпуске издания «Terra scimus», являются иллюстрацией пятого фокуса рассмотрения филологии – что собой представляет образ жизни мысли филологов, связавших свою деятельность с различными профессиональными дискурсами. В этом выпуске, приуроченном к 50-летию Алтайского государственного университета, опубликованы труды ученых алтайской филологической научной школы, составившие коллекцию исследований, отобранных авторами в рамках проекта «Филологи: The Best»: читательская аудитория получила возможность ознакомиться с собранием научных трудов, являющихся знаковыми как для авторов, так и «алтайской территории смыслов», а, следовательно, алтайской филологической научной школы.

Востребованность знаний филологов в различных дискурсах объяснима, видимо, не только тем, что подобно математике, как считает Ш. Поллак, филология используется в различных областях (или регионах) и составляет самостоятельный объект знания. Но и ежедневным присутствием в жизни общества «безмолвной филологии»: «идет ли дело о книгах, о газетных новостях, о судьбах и состоянии погоды»⁴. Ш. Поллак убежден, что филология растет «в изгнании»: «чем дальше вы находитесь в пространстве и времени от языка, тем

1 Поллак Ш. Филология будущего? Судьба мягкой науки в жестком мире // НЛО. – 2011. – №4. – <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4/filologiya-budushhego-sudba-myagkoj-nauki-v-zhestkom-mire.html?ysclid=lfz7rqss797786417> 02.04.2023. Pollock S. Future Philology? The Fate of a Soft Science in a Hard World. Оригинальная публикация в: Critical Inquiry 35. Summer 2009. P. 931–961.

2 Там же.

3 Там же.

4 Nietzsche F. Antichrist // Nietzsche F. Samtliche Werke. Vol. 6, S. 233. Рус. пер.: Ниц-ше Ф. Антихрист // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 678.

более интенсивно ваше активное филологическое внимание – и наоборот»¹.

Что значит 'жить филологически', видимо, лучше объяснить, обращаясь к трудам Ф. Ницше²: владеть искусством хорошо читать факты, располагать осмотрительностью в действии, терпением, серьезностью в самомалейшем, быть ответственным за честность познания. «Мы не можем самоустраниться из филологического акта и не должны позволить пространству, которое в действительности здесь отсутствует, разверзнуться между нашей жизнью и безжизненным прошлым, куда нерелективный историзм заманивает текст. Тексты не могут не применяться к нашим жизням».³ Филологический акт мыслит наш покой, покой социума, гармонизирует баланс рационального и эмоционального, не позволяя тому и другому преступить, пересечь границы иного, в ущерб этому иному.

Характер филологического акта в русской культуре познания и общения определяется особенностями азбукословия русской вселенной, ее основой – кириллической азбукой. «Азбука представляет собою не просто перечень несвязанных друг с другом слов, как все прочие системы письма, но – связанный осмысленный текст, который, вполне можно считать молитвой»⁴:

Аз Буки Веди Я буквы знаю (ведаю),

Глагол Добро Есте Слово есть достояние.

Живите Зело Земля Живите усердно, земля (земляне),

И Иже Како Люди И, как подобает людям,

Мыслите Нашъ Онъ Покои Размышляйте о нашем мироздании.

Рцы Слово Твердо Неси слово убеждённо (твёрдо):

Укъ Фъръгъ Херъ Знание -- дар Божий.

Цы Червь Шта Точи, червь, (вникай), чтобы

Еръ Юсь Ять Сущего свет понять⁵.

«Азбучные истины» стали для составителей выпуска основой систематизации отобраных материалов: порядок расположения публикации автора определяется начальной

буквой его фамилии. Таким образом, статьи оказались распределены по 4 разделам: От А до Д (Раздел 1), От К до Л (Раздел 2), От М до Р (Раздел 3), От С до Я (Раздел 4). Подобный порядок размещения публикаций, по сути своей, представляет некую форму семантической разметки алтайской «территории смыслов», демонстрирует филологическую идентичность территории, открывающуюся в филологическом акте – творении научного текста.

Согласно взглядам Делёза, Гваттари и Канетти, территория – это логико-семиотическая структура, обуславливающая обозначение границ с помощью знаков с последующим созданием механизма включения-исключения, структура, совпадающая с субъективностью, которая и представляет собой главную форму территории. В «Абecedарии» Делез приходит к выводу, что территория – это «область обладания», нечто, что имеет отношение к собственности⁶. Территория субъекта, в этом случае, представлена областью бытия, которой субъект владеет, и пространством внутри границ, определяющих его идентичность⁷. Базовой и основополагающей формой идентичности является субъективная идентичности, субъективность же является результатом создания территории: это результат территориального производства⁸.

В любом пространстве, задуманном как система, независимо от того, территориализовано оно или нет, акторы и агенты создают организации с определенными целями, в том числе, и культурными⁹. Созданные объединения порождают коллективные действия, связанные с частными интересами, которые могут способствовать продвижению данной системы действий и обеспечению положительной обратной связи по ней. Однако они также могут препятствовать его функционированию, вызывая тем самым отрицательную обратную связь. Многие системы действий, сформированные совокупностями акторов

6 Deleuze, G., 2004. The Logic of Sense, New York: Continuum
Deleuze, G., 1969. Logique du sens. Paris: Les Éditions de Minuit]
7 Simone Aurora . Territory and Subjectivity: the Philosophical
Nomadism of Deleuze and Canetti //Minerva - An Open Access
Journal of Philosophy 18 (2014): 1-26.

8 Там же.

9 Founding territorial sciences. Editors Pierre Beckouche, Claude
Grasland, France Guirin-Pace, Jean-Yves Moisseron. Collige
international des sciences du territoires (CIST), avril 2016 Photo
couverture : Hugues Pecout, Survol des lignes de Nasca au
Pйrou, 2011. Version française : Fonder les sciences du territoire,
Karthala, 2012.

1 Поллак Ш. Филология будущего? Судьба мягкой науки в жестком мире // НЛО. – 2011. – №4.

2 Nietzsche F. Antichrist // Nietzsche F. Samtliche Werke. Vol. 6, S. 233. Рус. пер.: Ниц-ше Ф. Антихрист // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 689.

3 Поллак Ш. Филология будущего? Судьба мягкой науки в жестком мире // НЛО. – 2011. – №4.

4 <https://otvet.mail.ru/question/4289269>.

5 Там же.

(т.е. агентов, наделенных властью над другими) и агентов-исполнителей (т.е. простых исполнителей), становятся пространственными и территориализированными, т.е. они превращают географическое пространство, присвоенное ими (юридически, экономически, эмоционально), в ресурс – реальность и репрезентацию, или, другими словами, саму суть своих действий¹.

Алтайская территория – особый ресурс, созданный интеллектуальными усилиями представителями алтайской филологической научной школы, истоками восходящей к научному творчеству проф. Иды Александровны Воробьевой и проф. Владимира Дмитриевича Морозова. Ей свойственна искренняя увлеченность предметом исследования, нацелленность на установление «истины в последней инстанции», способность превратить географическое пространства в территорию смыслов, привлекательную для интеллектуального обитания.

В одном из глубоких научных трудов 1846 года, посвященных изучению языков Азии, Европы, Африки и Америки², авторами

1 *Founding territorial sciences*. Editors Pierre Beckouche, Claude Grasland, France Guirin-Pace, Jean-Yves Moisson. *Collige international des sciences du territoires (CIST)*, avril 2016 Photo couverture : Hugues Pecout, *Survol des lignes de Nasca au Pйrou*, 2011. Version française : *Fonder les sciences du territoire*, Karthala, 2012.

2 *Philological Proofs of the Original Unity and Recent Origin of the Human Race Derived From a Comparison of the Languages*

вводится термин ‘филологические доказательства’, или ‘филологическая очевидность’, термин подтверждающий значимость и силу «мягкой науки» в прагматически ориентированном пространстве действий, неиссякаемую потребность в умении и мастерстве постигать постоянно обновляемый язык книги человечества. Филологическая очевидность – главное свойство, которое присуще как авторам, представляющим алтайскую филологическую научную школу, так и их научным трудам, публикуемым в IX выпуске издания «Terra scimus».

Для публикации мы попросили ученых отобрать, на их взгляд, их самую успешную научную статью, ранее уже опубликованную, которая фактически возглавляет список значимых, по мнению автора, публикаций. В предлагаемом вниманию выпуске, таким образом, опубликованы знаковые как для авторов, так и формируемой «алтайской территории смыслов» научные труды.

*Главный редактор
Наталья Халина*

of Asia, Europe, Africa, and America Being an Inquiry How Far the Differences in the Languages of the Globe are Referrable to Causes Now in Operation. By Arthur James Johnes, Esq. *Eam linguam (primævam) Hebræi suam dicunt, Syri suam, Verius asseritur primævam linguam nullibi puram extare, sed reliquias ejus esse in omnibus linguis.* GROTIUS—Annot. Genes, XI. London: John Russell Smith 4, Old Compton Street, Soho Square 1846

Раздел 1

От А до Д ('аз' - 'добро')

Д.В. Аникин

Графика в трудах Александра фон Гумбольдта

Впервые опубликовано: Образ жизни современного человека: традиции, культура, технологии: сборник статей/ Под ред. Н.В. Халиной. Барнаул, изд-во Алт. ун-та, 2019. – Вып. 2. – С.32-42.

Аннотация. А. фон Гумбольдт считал, что научное познание природы неотделимо от чувственного восприятия. Для целостного восприятия явлений природы наиболее подходят изображения, которые не только преодолевают ограниченность текстов и таблиц, но и взаимодополняют друг друга. В статье рассматриваются основные типы графики, использованной А. фон Гумбольдтом в его трудах, среди них выделяются: картины природы, тематические карты, инфографика и когнитивная графика. В контексте картин природы характеризуется картина-аллегория «HUMANITAS. LITERAE. FRUGES». В работе утверждается, что картина «Geographie des plantes equinoxiales...» относится к когнитивной графике, так как разработана для порождения у читателя «неожиданных аналогий», а следовательно – нового знания.

Ключевые слова: история науки географии, Александр фон Гумбольдт, исследование Центральной и Южной Америки, колонизация, научная графика, инфографика и визуализация данных, когнитивная графика

Аникин Денис Владимирович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
как иностранного как иностранного.

Алтайский государственный
университет (Барнаул)

E-mail: aden109@mail.ru

Творчество Александра фон Гумбольдта глубоко эстетично, это – эстетика нового в XIX веке позитивного естественнонаучного взгляда на мир. «Значительнейший вывод чувственного физического размышления состоит в том, чтобы в разнообразии узнать единство, в индивидуальном обнять все то, что нам передано открытиями прежних веков и настоящего времени, но так, чтобы, поверяя подробности, уметь отделять их, не падать под их массой и, помня возвышенное назначение человека, – завладеть духом природы, скрытым под покровом явлений. Этим путем наше стремление переходит за тесную границу чувственного мира; познавая природу, мы можем силою идей совладать с грубым материалом эмпирического наблюдения» [Гумбольдт, 1848, с. 3].

Новое содержание, транслируемое через творчество, потребовало от А. фон Гумбольдта и нового оформления. Неслучайно А. фон Гумбольдт так скрупулезно работал над стилем своих произведений: «Природа есть область свободы; чтобы живо изображать помыслы и чувствования, порождаемые прямым чувством природы, речь должна беспрестанно двигаться с тем достоинством и с той свободой, которую ей может сообщить только высокое искусство» [Гумбольдт, 1848, с.1]. Не менее важным, чем научная составляющая для А. фон Гумбольдта являлось их художественное оформление.

В 1808 увидело свет первое издание «Ansichten der Natur: mit wissenschaftlichen Erläuterungen» / «Картины природы: с научными объяснениями» [Humboldt, 1808], представляющее собою очерки – художественные зарисовки видов степей Венесуэлы и пустынь Перу и Мексики, порогов Ориноко и физиономики растений. Карти-

ны природы, рисуемые путешественником «поражают нас реалистичностью и пластичностью» [Мельниченко, 2015, с. 57]. Художественные достоинства очерков получили высокую оценку в научном сообществе в том числе и в России. Так, К.Ф. Рулье, редактор журнала «Вестник естественных наук, издаваемый Императорским Московским обществом испытателей природы» в статье «К портрету Гумбольдта» писал: «Точный, ясный язык, невероятное обилие фактов, строгая оценка частных и взаимных их отношений в одном стройном целом – словом, обилие вовсе неожиданных данных, глубокое мирозерцание при спокойном, часто до поэтического чувства восходящем, картинном изложении общего строя природы – поразили всех в новом труде опытного экспериментатора, смелого неутомимого путешественника, глубокого, всестороннего кабинетного ученого, истинного поэта-живописца и литератора – Александра фон Гумбольдта» [Рулье, 1856, с. 4]. «Картины природы...», однако, несмотря на свое название, не содержали графических иллюстраций.

Идея А. фон Гумбольдта научного объяснения сложных явлений природы и их взаимосвязи через художественные образы получило свое развитие в сочинении «Vues des Cordillères, et monumens des peuples indigènes de L'Amérique» / «Виды Кордильер и памят-

ники древних народов Америки», изданном в 1810 году [Humboldt, 1816]. Живописный атлас «Виды Кордильер...» содержит 69 гравюр, выполненных лучшими художниками Берлина, Рима и Парижа по зарисовкам А. фон Гумбольдта, созданных им во время путешествия по Америке. Гравюры содержат виды американской природы, а также изображения сооружений, памятников, иероглифов, религиозных и астрологических представлений индейцев Мексики и Перу. Для А. фон Гумбольдта значение этих гравюр не сводилось к простой иллюстрации описываемого, они были тщательно отобраны и включены в издание для создания определенного эстетического переживания как пути восприятия природных и исторических объектов [Zeeb, 2011, р. 109].

Глубоко аллегоричен фронтиспис к атласу «Atlas Geographique et Physique, pour Accompagner la Relation Historique» из «Humboldt and Bonpland's Voyage aux regions equinoxiales du Nouveau Continent fait en 1799, 1800, 1801, 1802, 1803 et 1804» (Париж, 1808–1834) [Humboldt, 1814-1834]. Этот фронтиспис был нарисован Франсуа Жераром в 1814 году, выгравирован Бартеlemi Жозеф Фулькран Роджером в 1815 году [Roger, 1815] и опубликован А. фон Гумбольдтом в XVIII томе в 1834 году [Kügelgen Kropfinger, 1983, р. 578-

Рис. 1. Вид на Чимборасо и на Каргуайрасо [Humboldt, 1814, р. 230]

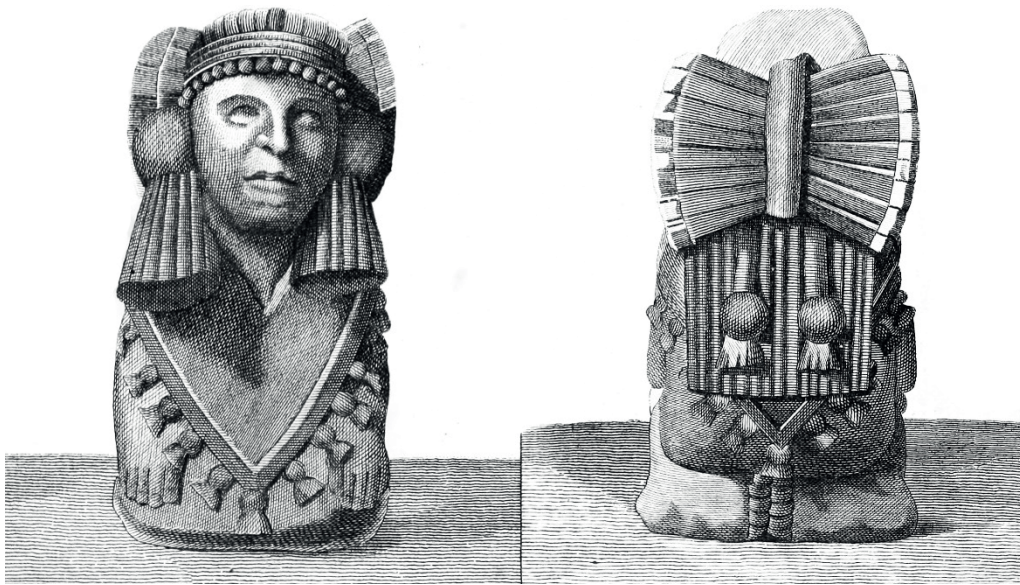

Рис. 2. Статуя ацтекской принцессы [Humboldt, 1814, p. 43]

Рис. 3. Пирамида Чолула [Humboldt, 1814, p.81]

579]. Согласно комментариям самого А. фон Гумбольдта на рисунке месье Жерара изображена Америка, утешаемая Минервой и Меркурием от бед завоевания [Humboldt, 1814, p. 35; 639].

На фоне величественного вулкана Чимборасо, считавшегося в начале XIX века самой высокой точкой Земли, по сравнению с которой расположенная в долине древняя пирамида туземцев Чолу-

ла – ничтожна, среди брошенного оружия и поверженных монументов изображена коленопреклоненная, потупившая взгляд долу Америка. Античные боги Старого света всматриваются глубоким взором в побежденную Америку, и Меркурий, олицетворение «торговли и надежной защиты», покровительственно охватывает ее левую руку (жест освобождения), а Минерва, «богиня мудрости и защитница правды»,

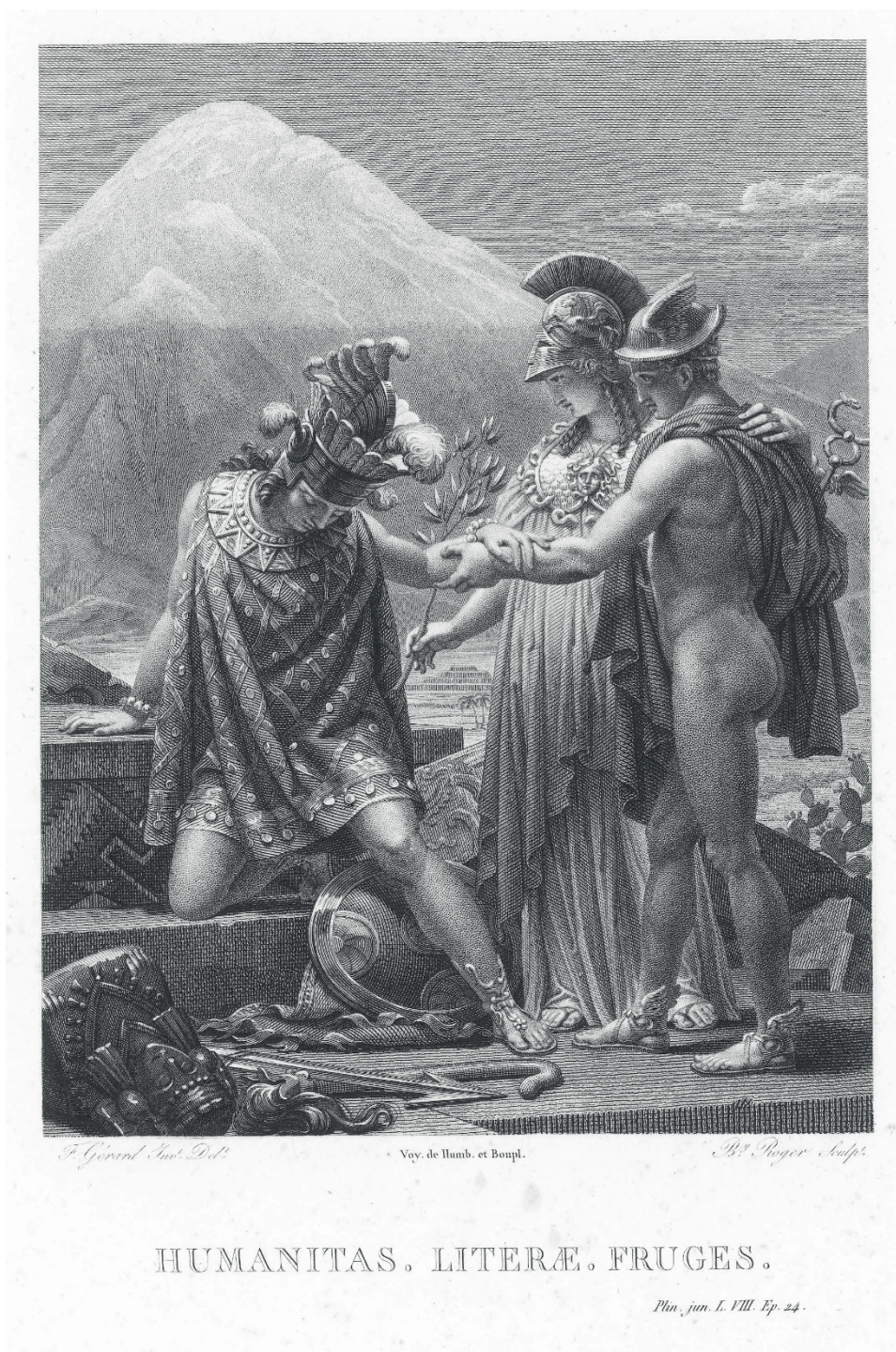

Рис. 4. Фронтиспис Ф. Жерара и Б. Рожера «Voy.[age] de Humb.[oldt] et Bonpl.[and]» [Humboldt, 1814-1834]

подает оливковую ветвь – символ «мира и свободы» [Kügelgen Kropfinger, 1983, p. 592-593]. Смысловый объем гравюре задается прямой отсылкой различных элементов изображения к графике и текстам из

«Виды Кордильер и памятники древних народов Америки» [Humboldt, 1816]: «Les armes, les costumes et les monumens sont d'une exacte fidélité. (Voyez l'Atlas pittoresque ou Vues des Cordillères et Monumens des

peuples indigènes, Pl. 1, 7, 9, 14, 16, 21, 38, 49) » [Humboldt, 1814, p. 639].

Под миниатюрой мы читаем: «HUMANITAS. LITERAE. FRUGES. Plin. Jun. L. VIII. Ep. 24». Эта надпись отсылает нас к строкам письма Плиния Младшего к Младшему Максиму, назначенному наместником провинции Ахайя: «Cogita te missum in provinciam Achaïam, illam veram et meram Graeciam, in qua primum humanitas litterae, etiam fruges inventae esse creduntur...» [Pliny, 1927, p. 168]. Александр фон Гумбольдт в Комментариях к 28 тому «Voyage aux régions équinoxiales...» переводит Humanitas как Цивилизация, Litterae как Письмо и Fruges – Пшеница, что в смысловом плане значительно уже, чем в письме Плиния Младшего, но достаточно, чтобы показать двойственность позиции: с одной стороны, Меркурий и Минерва утешают Америку, но, с другой – подчеркивается, что Америка обязана Старому свету за принесенные дары [Kügelgen Kropfinger, 1983, p. 597].

Одна из центральных идей творчества А. фон Гумбольдта состоит в том, что пространственное распределение выявляет сложную взаимосвязь явлений природы. Путешествуя по Южной Америке, исследователь тетрадь за тетрадью заполнял описаниями наблюдений, сводными таблицами и чертежами. Будучи вдохновлен гистограммами экономиста Вильяма Плейфера, А. фон Гумбольдт включил графики и гистограммы в свой отчет о путешествиях по Южной Америке [Romanowski, 2009, p. 174]. Он был впечатлен эффективностью графической подачи информации: «Все, что имеет протяженность и количество, может быть представлено геометрическими фигурами. Статистические проекции говорят с чувствами, не утомляя ум, и обладают тем преимуществом, что фиксируют внимание на действительно важных фактах» [Humboldt 1811, p. СIII]; «Графический способ важнее для разъяснения

самого явления, чем таблицы чисел. При первом способе значительные неправильности тотчас бросаются в глаза и дают возможность начертить среднюю линию; между тем как во втором случае глаз часто обманывается и часто принимает одну, весьма значительную неправильность за действительное maximum или minimum» [Гумбольдт, 1863, с. 150].

Тематические карты как карты, раскрывающие определенную тему и передающие пространственное размещение природных или социально-экономических явлений, характеризующие их в качественном и количественном отношении, были известны с середины XVII века, однако должного распространения не получили, так как их создание предполагает наличие большого количества данных. Такой объем данных смог собрать А. фон Гумбольдт, поэтому считается, что метод тематического картирования был им возрожден и выведен на качественно новый уровень. Важнейшим этапом становления тематической картографии является публикация карты с изотермическими линиями в 1817 году [Headrick, 2000, p. 130-131] (рис. 5).

От тематических карт, базой которых является математически обоснованная картографическая проекция, следует отличать инфографику, такой пространственной привязки к географическим объектам не имеющую и лишь ставящую целью быстро и доступно преподнести сложную информацию графическим способом.

Инфографика А. фон Гумбольдта в атласе к томам «Voyage aux régions équinoxiales...» восходит к статистическим чартам Вильяма Плейфера, однако была переосмыслена им с точки зрения потребностей географической науки (рис. 6).

Инфограмма «Limite inferieure des neiges perpetuelles a differentes latitudes» демонстрирует зависимость высоты снеговой линии от удаленности хребта от экватора и иллюстрирует широтную пояс-

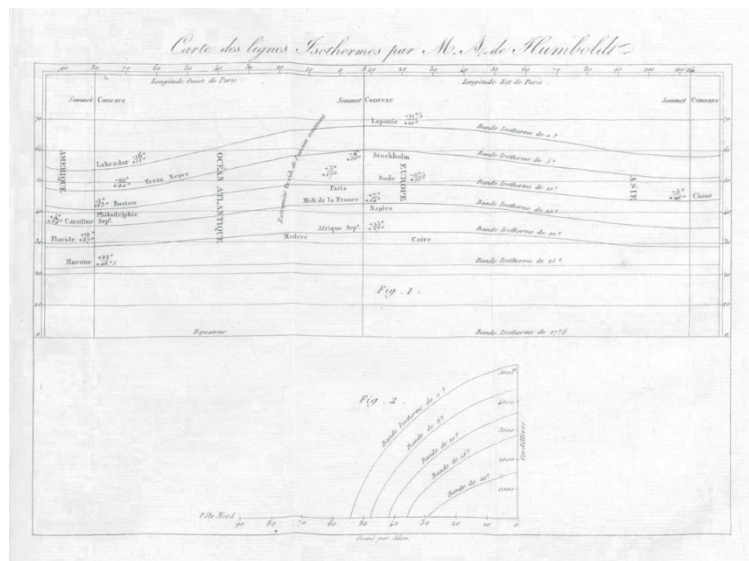

Рис. 5. Карта изотермических линий месье А. де Гумбольдта [Humboldt, 1817, p. 102-103]

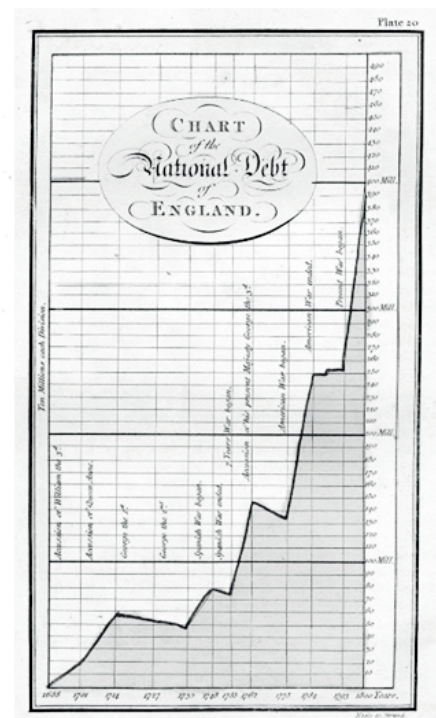
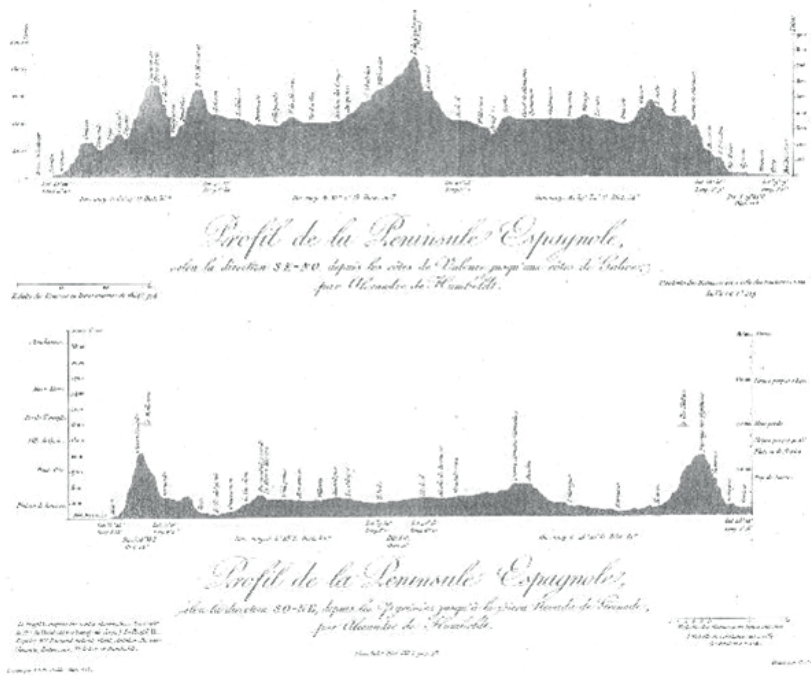

Рис. 6. Профили полуострова Эспаньола А. фон Гумбольдта [Humboldt, 1814-1834, Pl. III] и Гистограмма национального долга Англии В. Плейфэра [Playfair, 1801, Pl. 20]

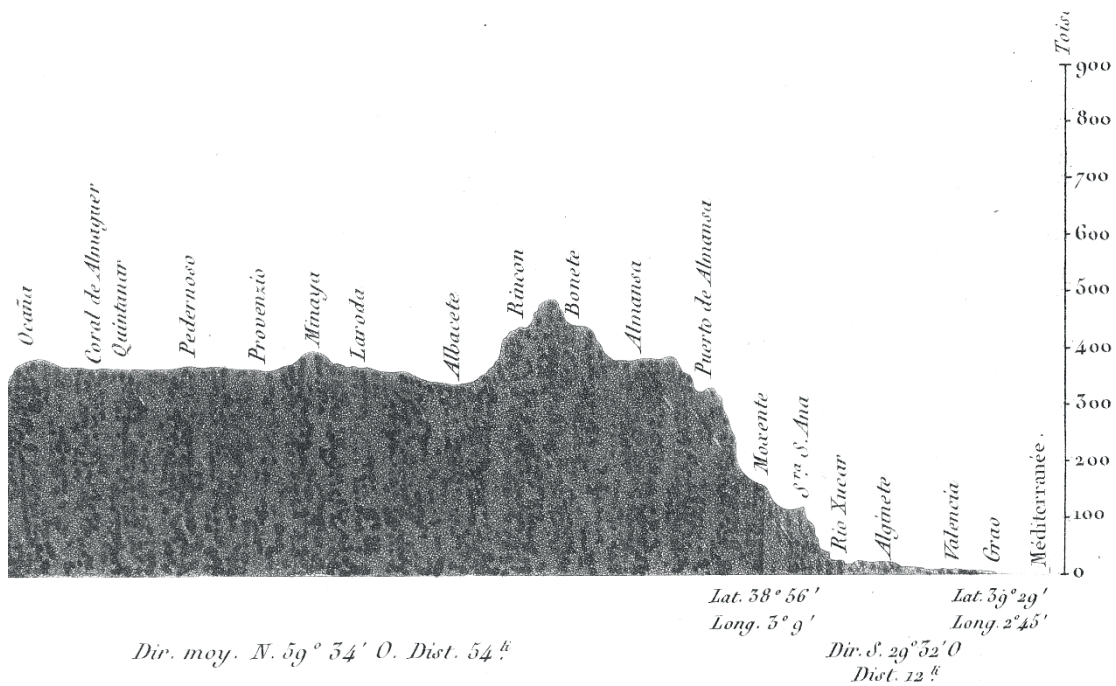

Рис. 7. Фрагмент профиля полуострова Эспаньола А. фон Гумбольдта [Humboldt, 1814-1834, Pl. III]

ность распределения температуры. Так А. фон Гумбольдт с помощью инфографики синтезирует значительный объем данных

о пространственном распределении температуры в лаконичной визуальной форме:

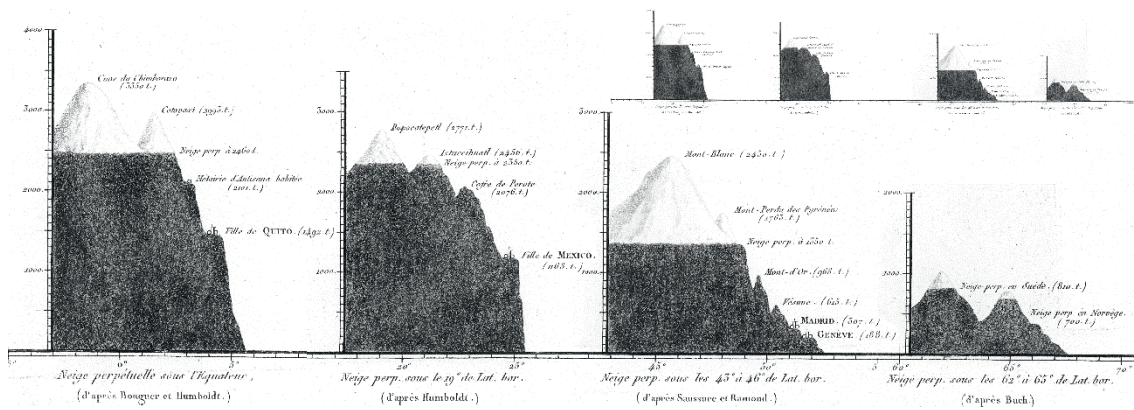
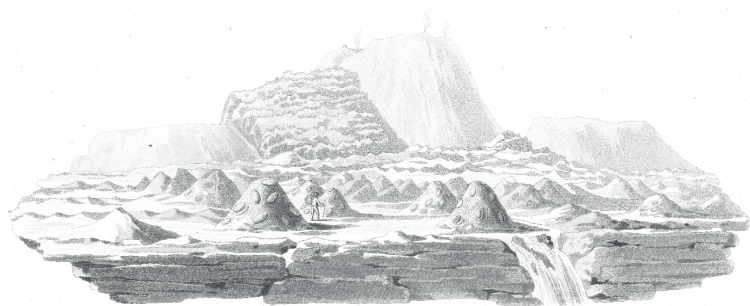

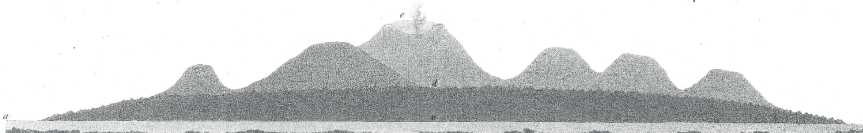
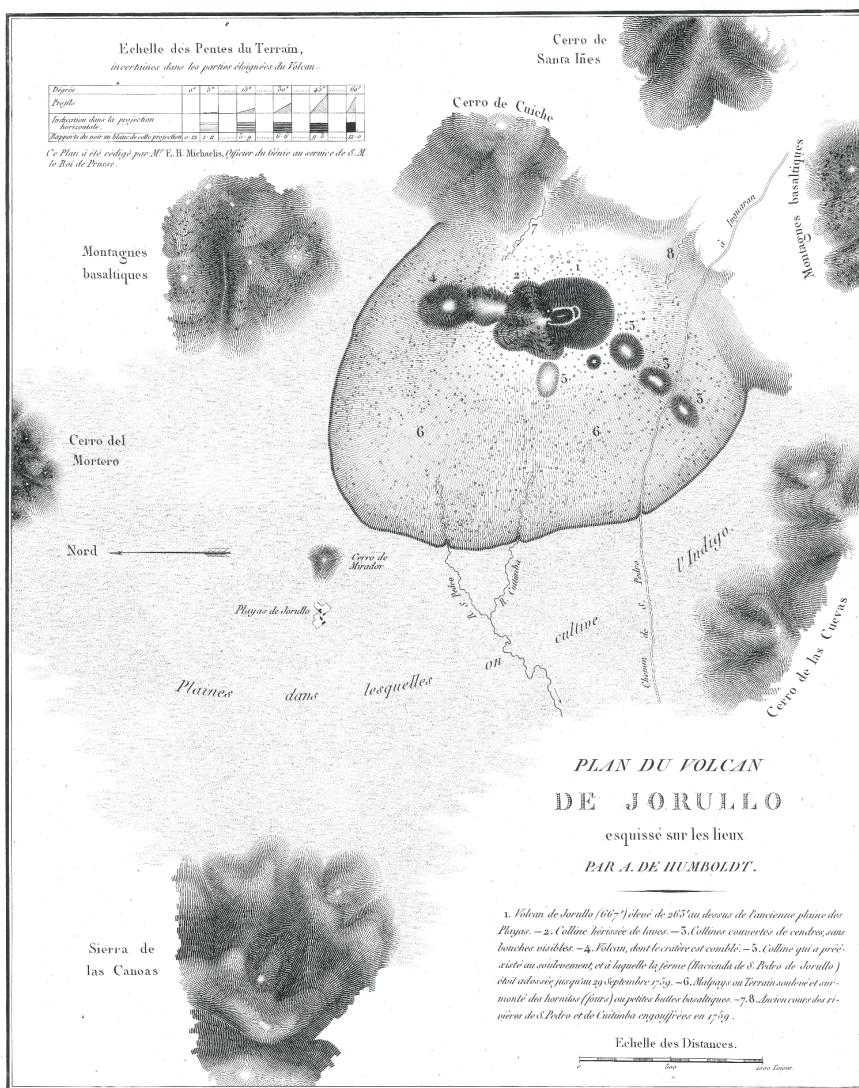
Рис. 8. Снеговая линия в разных широтах (фрагменты и общий вид широтного распределения в правом верхнем углу) [Humboldt, 1814-1834, Pl I]

А. фон Гумбольдт обращается к графическим формам альтернативным картам, так как ему недостаточно двухмерных карт для изображения трехмерной поверхности. Таков «Plan du volcan de Jorullo» / «План вулкана Хорульо», объединяющий в себе сразу три изображения:

карту, профиль и панораму (см. рис. 9). По мнению Жана-Марка Бизе, картографическое представление информативно, но абстрактно для читателя, лишает его конкретных представлений о ландшафте, пейзаж же, напротив – конкретен, но лишен аналитичности, тогда как панорамы

Le Terrain soulevé vu de l'Ouest.

Étendue de la masse soulevée. (Latitude 19° 9'; Longitude 1° 54' à l'Ocrid. de Mexico.)

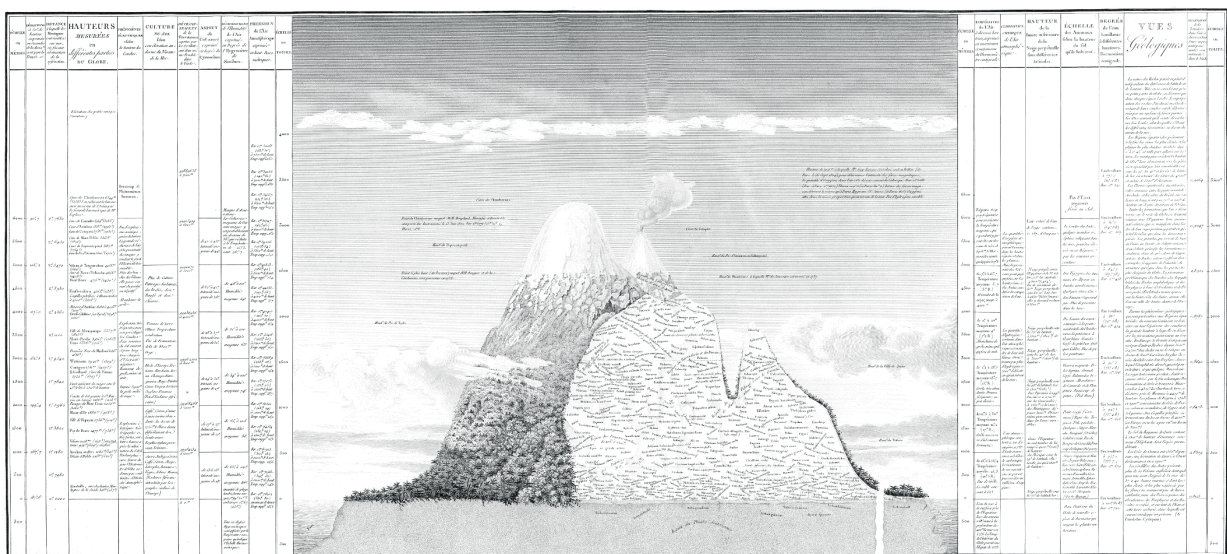
a. c. b. ancien niveau des Plaines. a. d. b. terrain soulevé en forme de roca servant de base aux nouveaux Volcans.

Рис. 9. План вулкана Хорульо [Humboldt, 1814-1834, Pl XXIX]

сочетают преимущества и карты, и пейзажа [Besse, 2017, p. 263]. Таким образом, панорамы А. фон Гумбольдта, сохраняют конкретику пейзажа, а чувственное восприятие объекта в целостности было по Гумбольдту необходимой составляющей его научного изучения, и аргументируют эстетическим переживанием научные представления исследователя.

Наивысшей точкой развития «инфографических» панорам нам представляет-

ся сводная панорама-таблица «Geographie des plantes equinoxiales. Tableau physique des Andes et pays voisins» / «География равноденственных растений. Картина природы Анд и соседних стран», приложение к «Essai sur la Geographie des plantes accompagne d'un tableau physique des regions equinoxiales» / «Опыт географии растений, совместно с картиной природы равноденственных стран» (1805) [Humboldt, 2009].

GÉOGRAPHIE DES PLANTES ÉQUINOXIALES.

Tableau physique des Andes et Pays voisins
 D'après les observations & les Mesures prises sur les lieux depuis le 20^{degré} de latitude boréale
 jusqu'au 30^{degré} de latitude australe en 1799, 1800, 1801, 1802 et 1803.

Рис. 10. География равноденственных растений. Картина природы Анд и соседних стран [Humboldt, 1805]

Перед нами – изображение профиля Анд в окружении обширных комментариев, обобщающее текст всего сочинения. Рисунок испещрен подробностями, но среди них нет лишних, несущих только декоративное значение. На панораме-таблице изображены горы, которые посетили А. фон Гумбольдт и Э. Бонплан, пространство рисунка изобилует названиями и числами, характеризующими, насколько высоко они поднялись, какие наблюдения и измерения выполнили, а на

профиле гор Анд, в соответствии с высотой и удалением от морского побережья указаны наименования растений, с которыми А. фон Гумбольдт и Э. Бонплан столкнулись, собрали и каталогизировали. Панорама-таблица показывает нам не только то, что видели исследователи, но и представляет результаты их труда в Андах в виде визуальной аналогии. А. фон Гумбольдт рассчитывал, что обилие фактического материала, к тому же упакованного графически, вызовет у внимательного читателя,

вникающего в детали его работы, «неожиданные аналогии», а значит приведет к новым открытиям [Humboldt, 2009, p. 79]. Полагаем, что цель данной графической работы А. фон Гумбольдта – способствовать рождению нового научного знания относит ее к категории когнитивной графики.

А. фон Гумбольдт – великий ученый и мыслитель, во многом, в том числе и в научной графике, опередивший свое время. Его творчество – беспрецедентный пример оперирования огромным количеством фактов, их мастерского сопоставления и обобщений, охватывающих весь Земной шар.

Рассмотрев графические работы в трудах А. фон Гумбольдта, мы выявили следующие их типы:

1. Картины природы – когда текст и изображение неразделимы и только вместе составляют одно произведение и передают знания. Картины природы направлены одновременно и на научное объяснение, и на художественное восприятие географического объекта. Данный тип реализован в сочинении «Vues des Cordillères, et monumens des peuples indigènes de L'Amérique» [Humboldt, 1816], к нему же отнесем Картину-аллегория «HUMANITAS. LITERAE. FRUGES» [Humboldt, 1814-1834].

2. Тематические карты, основанные на математически обоснованной картографической проекции и передающие пространственное размещение природных или социально-экономических явлений. К ним относятся такие работы как рассмотренная нами «Карта изотермических линий» [Humboldt, 1817] или «Карта изомагнитных линий».

3. Инфографика, ставящая целью быстро и доступно преподнести сложную информацию графическим способом. К инфографике относятся большинство графических работ в трудах А. фон Гумбольдта, например: «Illustrations de Voyage de Humboldt et Bonpland, première partie. Relation historique. Atlas géographique et physique du nouveau continent» [Humboldt, Humboldt, 1814-1834].

4. Когнитивная графика – выросла в работах А. фон Гумбольдта из инфографики и картин природы, ставит перед собою задачу поиска нового знания. Представлена сводной панорамой-таблицей «Geographie des plantes equinoxiales. Tableau physique des Andes et pays voisins» [Humboldt, 1805].

Не все из названных нами типов получили развитие в картографической традиции XIX века, востребованными географической наукой оказались типы 2 и 3. Тем не менее, вклад А. фон Гумбольдта в развитие научной графики в естествознании огромен. Выпуская богатые иллюстрированные фолианты, привлекая к работе десятки лучших художников и щедро оплачивая их труды, предъявляя высочайшие требования к графике, тщательно отбирая и перерабатывая ранее созданное, А. фон Гумбольдт создал индустрию научной графики в географии, а также оставил массу последователей. Наилучшей иллюстрацией того, как изменилось графическое содержание трудов по географии под влиянием А. фон Гумбольдта, нам представляется Атлас Траугота Бромме, посвященный работе всей жизни великого исследователя и путешественника – «Космосу» [Bromme, 1822].

Библиографический список

Гумбольдт, А. фон Вступительные размышления о различной степени наслаждения природой и об ученом исследовании законов Вселенной (Речь, произнесенная в большой зале Академии пения в Берлине в день открытия публичных чтений). // Гумбольдт, А. фон Космос. Опыт физического мироописания. Часть 1. – СПб., 1848. – С. 1 – 32.

Гумбольдт, А. фон Космос. Опыт физического мироописания. Часть IV. – Москва, 1863. – 514 с.

Мельниченко, Н. Н. Гумбольдт: Книга об учёном. – Москва: Libra Press, 2015. – 183 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.librapress.ru/2015/05/humboldt.html> (Дата обращения: 14.04.2019).

- Рулье, К.Ф. К портрету Гумбольдта. // Вестник естественных наук, издаваемый Императорским Московским обществом испытателей природы: со многими политипажами и 26 хромолитогравированными картинами. – 1856. – Т. 3. – № 1. – С. 1-5. [Электронный ресурс]. – URL: http://193.233.14.24/bookscd/ODM_2201/ (Дата обращения: 14.04.2019).
- Besse, J.-M. Alexandre de Humboldt et l'idée du panorama: entre cartographie et paysage. // *Landschaften und Kartographien der Humboldt'schen Wissenschaft*. – Hildesheim, Zürich, New York, 2017. – P. 263-280
- Bromme, T. Atlas zu Alex. v. Humboldt's Kosmos in zweiundvierzig Tafeln mit erläuterndem texte. – Stuttgart, 1851.
- Headrick, D. R. When information came of age: Technologies of knowledge in the age of reason and revolution, 1700-1850. – New York: Oxford University Press, 2000. – 246 p.
- Humboldt A. de Sur les Lignes isothermes. // *Annales de chimie et de physique*. – Paris, 1817. – Tome V. – P. 102-113. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6568603v/f109.image> (Дата обращения: 14.04.2019).
- Humboldt, A. de Researches, Concerning the Institutions and Monuments of the Ancient Inhabitants of America, with Descriptions and Views of Some of the Most Striking Scenes in the Cordilleras! Vol. 1. – London, 1814. – 411 p.
- Humboldt, A. Political Essay on the Kingdom of New Spain. – New York, 1811. – Vol. 1. – 310 p.
- Humboldt, A. von Ansichten der Natur: mit wissenschaftlichen Erläuterungen. – Tübingen, 1808. – 334 p.
- Humboldt, A. von Essay on the Geography of Plants; edited with an introduction by Stephen T. Jackson; translated by Sylvie Romanowski. – Chicago, London, 2009 – 274 p.
- Humboldt, A. von Voyage aux régions équinoxiales du nouveau continent: fait en 1799, 1800, 1801, 1802, 1803 et 1804, par Al. de Humboldt et A. Bonpland : avec deux atlas, qui renferment, l'un les vues des Cordillères et les monumens des peuples indigènes de l'Amérique, et l'autre des cartes géographiques et physiques. Tome Premier. – Paris, 1814 – 643 p.
- Humboldt, A. von Vues des Cordillères, et monumens des peuples indigènes de L'Amérique. – Paris, 1816. – 392 p.
- Humboldt, A. von, Bonpland, A. Geographie des Plantes Equinoxiales. Tableau Physique des Andes et Pays voisins, dresse d'après des observations et des mesures prises sur les lieux depuis le 10(degree) degre de latitude boreale jusqu'au 10(degree) de latitude australe en 1799, 1800, 1801, 1802 et 1803. Par Alexandre de Humboldt et Aime Bonpland. Esquisse et redige par M. de Humboldt dessine par Schonberger et Turpin a paris en 1805, grave par Bouquet, la lettre par Beauble, imprime par Langlois. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~280014~90053203:Geographie-des-Plantes-Equinoxiales> (Дата обращения: 14.04.2019).
- Humboldt, Alexander von Illustrations de Voyage de Humboldt et Bonpland, première partie. Relation historique. Atlas géographique et physique du nouveau continent. – Paris, 1814 1834. – 39 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b20000745/> (Дата обращения: 14.04.2019).
- Kügelgen Kropfinger, H. von El frontispicio de François Gérard para la obra de viaje de Humboldt y Bonpland // *Jahrbuch für Geschichte Lateinamerikas*. – 1983. – Т. 20. – № 1. – P. 575-616. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.degruyter.com/view/j/jbla.1983.20.issue-1/jbla.1983.20.1.575/jbla.1983.20.1.575.xml> (Дата обращения: 14.04.2019). DOI: <https://doi.org/10.7767/jbla.1983.20.1.575>
- Playfair, W. The commercial and political atlas, representing, by means of stained copper-plate charts, the progress of the commerce, revenues, expenditure, and debts of England, during the whole of the eighteenth century. The third edition. – London, 1801. – 98 p.
- Pliny, the Younger Letters, with an English translation by William Melmoth, rev. by W. M. L. Hutchinson. In two volumes. – Vol. 2. – London, New York, 1927 – 444 p.
- Roger, B. Humanitas, Literae, Fruges: Le Commerce et les Arts consolant l'Amérique des maux de la Conquête, ca. 1815 // Metropolitan Museum of Art [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/388973> (Дата обращения: 14.04.2019).
- Romanowski, S. Humboldt's Pictorial Science: An Analysis of the Tableau physique des Andes et pays voisins. // Humboldt, A. von Essay on the Geography of Plants; edited with an introduction by Stephen T. Jackson; translated by Sylvie Romanowski. – Chicago, London, 2009 – P. 157-198.

Zeeb, R. Sigrid Achenbach (Hg.): Kunst um Humboldt. Reisetudien aus Mittel-und Südamerika von Rugendas, Bellermann und Hildebrandt im Berliner Kupferstichkabinett //Journal für Kunstgeschichte. – 2011. – Т. 15. – № 2. – С. 108-119. [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/jfk/article/view/30893/24591> (Дата обращения: 14.04.2019). DOI: <https://doi.org/10.11588/jfk.2011.2.30893>

D. V. Anikin
Altai state University
Russia, Barnaul

THE GRAPHICS IN THE WORKS OF ALEXANDER VON HUMBOLDT

Abstract. A. von Humboldt believed that the scientific cognition of nature is inseparable from the sensory perception. The images are optimal for a holistic perception of natural phenomena, because they overcome the limitations of texts and tables and complement each other. The article discusses the main types of graphics used by A. von Humboldt in his works: tableaux of nature, topic maps, infographics and cognitive graphics. The tableau-allegory «Humanitas. Literae. Fruges.» is characterized in the context of the tableaux of nature. The paper argues that the tableau "Geographie des plantes equinoxiales ..." refers to cognitive graphics, as it is capable of suggesting "unexpected analogies" to the reader, which lead him to a new knowledges.

Keywords: history of geography, Alexander von Humboldt, exploration of Central & South America, colonization, scientific visualization, infographics and data visualization, cognitive graphics

М.П. Гребнева

Виды эквивалентов текста в редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»

Впервые опубликовано: Культура и текст. – 2022. – № 1. – С. 68 – 73. <https://journal-altspu.ru/kultura-i-tekst-2022-1-48>

Аннотация. В публикации рассмотрены разновидности эквивалентов текста в восьми редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»: нереализованные, невостребованные, имеющие переменный характер, замещающиеся за счет предыдущих и последующих вариантов, скрытые. Перечисленные типы эквивалентов текста не только свидетельствуют о графических особенностях лермонтовского стиха, но и позволяют выявить зашифрованную информацию, демонстрирующую характер работы автора над поэмой, подчеркнуть их особую продуктивную роль, указывающую на то, как постепенно изменялся «Демон», как с течением времени из романтической поэмы он превращался в стихотворную повесть.

Ключевые слова: эквиваленты текста и их виды: нереализованные, замещающиеся, невостребованные, переменные, скрытые

Гребнева Марина Павловна,
доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры об-
щей и прикладной филологии,
литературы и русского языка

Алтайский государственный
университет (Барнаул)

E-mail: grmarinagr@mail.ru

Наряду с автореминисценциями и реминисценциями [Аринштейн, 1985, с. 23 –48] одним из средств, показывающих взаимодействие редакций поэмы М.Ю. Лермонтова на уровне жанра и их эволюцию в плане стихотворного повествования, являются эквиваленты текста, определенные Ю.Н. Тыняновым как замещающие текст внесловесные эквиваленты [Тынянов, 1965, с. 43]. Их можно также назвать скрытыми автореминисценциями, подчеркивающими продуктивный характер творчества.

Эквиваленты текста предполагают, условно говоря, «предисловие» или «послесловие». В этой ситуации они так же, как и автореминисценции, выступают в качестве особого художественного приема, обращенного в будущее или прошлое творчество. Отточия, тире, перестановки и пропуски строк, которыми обычно обозначаются эквиваленты текста, могут быть обусловлены цензурными, автобиографическими и художественными причинами.

Проблема изучения внесловесных элементов текста связана, в частности, с творчеством А.С. Пушкина: со стихотворениями «К морю», «Полководец», «Ненастный день потух», «Недвижный страж», с поэмами «Кавказский пленник», «Руслан и Людмила», с романом в стихах «Евгений Онегин» и др. [Чумаков, 1970, с. 20 – 33; Тынянов, 1965, с. 24 – 76; Благой, 1971, с. 194 – 210; Борисова, 2007, с. 113 – 120].

Лермонтов использовал эквиваленты текста в стихотворениях «Веселый час», «К Гению», «Наполеон», «Когда последнее мгновенье» и других, а также в поэмах «Кавказский пленник», «Корсар», «Преступник», «Джюлио», «Ангел смерти», «Последний сын вольности», «Боярин Орша», «Монго», «Тамбовская казначейша» и, конечно, «Демон».

Однако, как отмечала И.Б. Борисова, «поэзия М.Ю. Лермонтова всегда активно изучалась и продолжает изучаться, но, насколько нам

известно, ни одна из работ не была посвящена ее графическому облику» [Борисова, 2014, с. 13].

В последнее время интерес к графическому облику лермонтовского текста продемонстрировали ставропольские исследователи [Штайн, Петренко, 549–553].

В шести редакциях поэмы из восьми встречаются эквиваленты текста. Исключением оказались первая и пятая редакции. Первая в силу того, что Лермонтов только начал работу над поэмой, а пятая благодаря ее переменному характеру для автора-повествователя и героя, благодаря наметившейся дистанции между ними и усилившемуся повествовательно-пародийному началу. Эквиваленты текста способствуют переходу от фрагментарности ранних редакций к последовательной повествовательности зрелых вариантов, так как они заполняют сюжетные и композиционные зияния, обращаясь к прошлому или будущему творчеству. Различается несколько видов замещающих текст внесловесных элементов в лермонтовской поэме «Демон».

Например, во втором варианте «Демона» описывается состояние героя, увидевшего монахиню: «Он искушить хотел – не мог, Не находил в себе искусства; Забыть – забвенья не дал бог, Любить – недоставало чувства»¹ [Лермонтов, 1962, Т. II, с. 553]. Приведенным строчкам в тексте предшествует два ряда точек, которые в третьей редакции исчезают, т.е. эквивалент оказывается нереализованным, хотя строфа дополняется двенадцатью новыми строчками, выпадающими в пятой редакции: «Что делать? – новые мечты И чуждые поныне муки! Так, демон, слыша эти звуки, Чудесно изменился ты. Ты плакал горькими слезами, Глядя на милый свой предмет, О том, что цепь лежит меж вами, Что пламя в мертвом сердце нет; Когда ты знал, что не принудит Его минута полюбить, Что даже скоро, может быть, Она твоею жертвой будет» (2, 571).

Эти строки в третьей редакции опережали бы события, предвещая сюжетные новации в восьмом варианте. Вообще последнее четверостишие выглядит странно в смысловом и грамматическом отношении. «Правильнее» было бы читать «Когда б ты знал, что не принудит...».

¹ Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страниц

В шестой редакции от рассматриваемой строфы остаются четыре строчки: «То был ли признак возрожденья?.. Он подойти хотел – не мог! Забыть? – Забвенья не дал бог – Да он и не взял бы забвенья!» (2, 614). Однако написанное во втором, третьем и пятом вариантах не пропало бесследно, так как в последнем варианте «Демона», после несколько видоизмененных строк шестой редакции: «То был ли признак возрожденья? Он слов коварных искушенья Найти в уме своем не мог... Забыть? – забвенья не дал бог: Да он и не взял бы забвенья!.. (2, 510), появляется ряд точек, свидетельствующий, на наш взгляд, о том, что часть строфы из пятой редакции может занять это место: «И удалиться он спешил От этой кельи, где впервые Нарушил клятвы роковые, Земной святыне уступил. Но прелесть звуков и виденья Остались на душе его, И в памяти сего мгновенья Уж не изгладит ничего!» (2, 594). В этом случае эквивалент текста предстает замещающимся за счет предыдущих вариантов текста, но Лермонтов использовал также и те внесловесные элементы, которые осуществлялись благодаря последующим наработкам.

Так, во второй редакции, говоря о монахини, автор-повествователь задается вопросом: «Любовь ли сердце испугала, Опасность ли – о том узнать Никто не думал испытать» (2, 554). После этих слов в тексте поэмы – ряд многоточий. Реализация эквивалента происходит достаточно полно благодаря истории Тамары шестой и восьмой редакций, которая включает в себя гибель жениха героини, ее любовь к духу и уход в монастырь. На это обстоятельство указывает, в частности, совпадение части строфы второй редакции с ее аналогом из восьмой. Тамара, как и монахиня, сидит у окна и ждет:

2 редакция

Как часто дева у окошка
Взирала на берег морской.
Печаль ее хотя немножко
В то время делалась живой. (2, 554-555)

8 редакция

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна

Сидит в раздумье одиноком
И смотрит в даль прилежным оком,
И целый день, вздыхая, ждет... (2, 521)

Работа над «Демоном» предполагала не только переработку старого материала, но и полный отказ от него. В этом случае мы имеем дело с **невостребованными** эквивалентами текста. Механизм их действия можно рассмотреть на примере характеристики образа Ангела во второй редакции поэмы: «И крылья легкие, как сон, За белыми плечьями сияли; Стан тонкий свеж и прям: таков Зеленый кипарис садов» (2, 564). Два ряда точек после этой цитаты образуют графический эквивалент текста. В третьей редакции две последние строки выпадают, и текст приобретает следующий вид: «И крылья легкие, как сон, За белыми плечьями сияли. И был небесный свод над ним Украшен радугой цветистой, И волы с пеной серебристой С каким-то трепетом живым К скалам теснились вековым» (2, 583). В пятой редакции приведенный вариант эквивалента текста сохраняется (2, 606), в шестой редакции он сокращен до одной строки «Спустился ангел легкокрылый» (2, 639), в восьмой редакции посланник бога лишается самостоятельного значения, оказывается одним из многих: «Один из ангелов святых Летел на крыльях золотых...» (2, 537). Пропуск строк можно объяснить тем, что нарочито подробная характеристика Ангела в конце поэмы была бессмысленной, тем более что она могла породить нежелательное сравнение с Демоном, а может быть, в какой-то степени напоминала описание жениха Тамары.

Наряду с невостребованными эквивалентами текста есть и такие, которые могут то появляться, то исчезать, т.е., они имеют **переменный** характер. Так, во второй редакции Лермонтов пишет о Демоне, блуждающем у стен монастыря и желающем проникнуть в келью монахини: «Он к ней прокрадется туда, Среди обители уснувшей; И там погубит на-

всегда Предмет любви своей минувшей!» (2, 559). После этих слов в этом варианте много-точий нет, зато они возникают в следующей, в третьей редакции. В пятом варианте они вновь исчезают, а в шестом, как и следует ожидать, появляются перед словами Тамары: «О! кто ты? Речь твоя опасна!» (2, 627).

Особый вид эквивалента текста – **скрытый**, связанный с пропуском строк без какого-либо графического их обозначения, как, например, в шестой редакции, где они еще есть, по сравнению с восьмой редакцией, где их уже нет:

6 редакция

Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветет,
Я тот, кого никто не любит
И все живущее клянет; (2, 628)

8 редакция

Я тот, чей взор надежду губит;
.....
Я тот, кого никто не любит;
.....(2, 525)

В данном случае, как нам представляется, неиспользованные строки шестой редакции оказываются тавтологичными, они не способствуют сжатости и выразительности стиха, поэтому Лермонтов от них отказывается.

Таким образом, разнообразные эквиваленты текста – нереализованные, невостребованные, имеющие переменный характер, замещающиеся за счет предыдущих и последующих вариантов, скрытые, свидетельствуют не только о графических особенностях лермонтовского стиха, но и о том, как постепенно изменялся замысел поэмы «Демон», как с течением времени из романтической поэмы он превращался в стихотворную повесть.

Библиографический список

- Аринштейн, Л.М. Реминисценции и автореминисценции в системе лермонтовской поэтики / Л.М. Аринштейн // Лермонтовский сборник. – Ленинград: Наука, 1985. – С. 23 – 48.
- Благой, Д.Д. «Бездна пространства» (О некоторых художественных приемах Пушкина) / Д.Д. Благой // Проблемы теории и истории литературы: Сб. ст. – Москва: МГУ, 1971. – С. 194 – 210.
- Борисова, И.М. О композиционных функциях графических формантов в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» / И.М. Борисова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 13 – 16.
- Борисова, И.М. Пушкин в истории графики русского классического стиха / И.М. Борисова // Пушкин и пушкинские традиции: Материалы Международной конференции, посвященной году А.С. Пушкина в Казахстане (7 - 8 декабря 2006 г.). Ч. 1. – Алматы: КазНПУ им. Абая. 2007. – С. 113 – 120.
- Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 2 / М.Ю. Лермонтов. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – 704 с.
- Тынянов, Ю.Н. Проблемы стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – Москва: Сов. писатель, 1965. – С. 24 – 76.
- Чумаков, Ю.Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» / Ю.Н. Чумаков // Пушкин и его современники: Ученые записки Ленинградск. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – Псков, 1970. – Т. 434. – С. 20 – 33.
- Штайн, К.Э., Петренко, Д.И. Графическая фактура прозаического и поэтического текста М.Ю. Лермонтова / К.Э. Петренко, Д.И. Штайн // Лермонтовский текст: Ставропольские исследования о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Т. 2. – Москва: Флинта, 2016. С. 549 – 553.

M. P. Grebneva
Altai state University
Russia, Barnaul

TYPES OF TEXT EQUIVALENTS IN EDITIONS OF THE POEM M.YU. LERMONTOVA «DEMON»

Abstract. The publication considers the varieties of text equivalents in eight editions of the poem by M.Yu. Lermontov's «Demon»: unrealized, unclaimed, having a variable character, replaced by previous and subsequent options, hidden. The listed types of text equivalents not only testify to the graphic features of Lermontov's verse, but also make it possible to reveal encrypted information demonstrating the nature of the author's work on the poem, to emphasize their special productive role, indicating how the «Demon» gradually changed, as over time from the romantic poems, he turned into a poetic story.

Key words: text equivalents and their types: unrealized, replaced, unclaimed, variables, hidden

М.А. Деминова

Трансмедийный проект: стратегия коммуникативного интерактива (на материале сайта «РБК PRO»)

Впервые опубликовано: Филология и человек . No 1. 2021. – С.20-31. DOI 10.14258/filichel(2021)1-02

Аннотация. Статья посвящена анализу трансмедийного проекта сайта «РБК Pro» как интерактивной площадки, на которой происходит формирование медийного продукта, обладающего определенной ценностью для целевой аудитории. Традиционные способы получения информации сегодня не привлекательны для аудитории. Новые запросы потребителей повлияли на появление формата трансмедиа. Должна была появиться новая культурная практика восприятия содержания средств массовой информации. Современные технологии коммуникации дают журналистике возможность представлять информацию не только с помощью традиционных средств, но и используя другие инструменты цифровой передачи данных. Использование инструментов трансмедиа явилось ответом журналистики на запросы аудитории. В данном исследовании выявлены виды коммуникативных стратегий, используемых для создания трансмедийного проекта «РБК Pro», систематизированы трансмедийные принципы и технологии продвижения медийного продукта, привлекательного для интерактивного взаимодействия с аудиторией. Новизной исследования является раскрытие эффекта мультиплицируемости организаторской функции СМИ, творчески реализующего современные технологии создания и продвижения медиаконтента.

Ключевые слова: трансмедийный проект, сторителлинг, медиаконтент, медиатекст, медийный продукт, мультимедийность, интерактивность.

Деминова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики

Алтайский государственный университет (Барнаул)

E-mail: m.deminova@mail.ru

Глобальной трансформации подверглась журналистика во всех направлениях – в производстве, распространении и использовании медиаконтента. На сегодняшнем этапе развития медиа ее аудитория уже привыкла, что помимо традиционного печатного текста на сайте издания есть фоторепортажи и колонки, онлайн-радио, видеорепортажи и звуковые новости. Телевизионное шоу в Сети, поддержанное блоготсетевым ведущим и помещенное на мультиэкран, мультимедийная статья с видео- и звуковыми фрагментами, инфографикой, контекстными ссылками – это современная реальность. Сегодня медиа включают в создание контента различные конвергентные элементы, то есть становятся трансмедийными [Meikle, Young, 2011].

В современном медиадискурсе конструируется особый мир, соединяющий рассказываемую историю с реальностью, создающий при этом эффект присутствия. Подобного рода феномен обусловлен запросами современной аудитории, которая не желает больше ограничиваться традиционными способами получения информации.

Термин трансмедиа в научной среде был введен в 2003 году Генри Дженкинсом. Он отмечает, что «в трансмедиа история разворачивается через несколько медиаплатформ, где каждый новый текст становится характерным и ценным дополнением к целому» [Jenkins, 2006, URL]. По мнению Дженкинса, трансмедийный сторителлинг – это процесс,

в котором фрагменты истории целенаправленно разделяются и преподносятся через множество платформ для создания единого сюжета. Эту тему развивали и такие зарубежные исследователи, как Д. Ламберт, Д. Лонг, Р. Праттен, К. Сколари, А. Филлипс [Lambert, 2003; Long, 2007; Phillips, 2012; Pratten, 2011; Scolari, 2009].

В пространстве зарубежных СМИ трансмедиа-феномен изучен достаточно хорошо, во многих случаях прослежен и систематизирован ряд специфических характеристик, типичных для трансмедиа сторителлинга в медиасреде. Но стоит отметить, что не все «признаки и черты», найденные зарубежными исследователями, можно переложить на российскую практику использования этой формы подачи информации.

Трансмедийный дискурс сегодня интересен многим исследователям, среди них Р. Р. Гамбарато, Л. А. Красий, Е. Г. Лапина-Кратасюк, О. В. Мороз, М. А. Пильгун, О. В. Рузанова, Н. Л. Соколова, А. С. Сумская [Гамбарато, Лапина-Кратасюк, Мороз, 2017; Gambarato, 2014; Красий, 2017; Пильгун, 2015; Рузанова, 2017; Соколова, 2011; Сумская, 2015]. Заметим, что в России трансмедиа-сторителлинг появился гораздо позже, чем за рубежом, и лишь последние пару лет эта практика активно внедряется в способы производства и продвижения новостного потока не только на федеральном уровне, но и на локальном.

Важно отметить, что переход от информирования к коммуницированию и как следствие – активизация участия аудитории в создании контента отмечается исследователями как наиважнейший результат творческого использования СМИ цифровых технологий производства и продвижения медиаконтента в глобальное пространство. Интернет объединил в себе интерактивность коммуникации, эффект присутствия коммуникантов и информационную насыщенность самого акта коммуникации. А.С. Сумская отмечает, что «современная аудитория (слушателей, зрителей, читателей) – требует доступ к контенту в любое время и на любой платформе. В условиях разнообразия медиапредложений современный пользователь, формируя картину дня или события, как правило, использует совокупность источников» [Сумская, 2015].

Дрю Дэвидсон, известный американский ученый, пишет о том, что трансмедиа в первую очередь характеризуются интерактивностью [Женченко, 2016]. В.Д. Мансурова считает, что деятельность современного журналиста «уже немыслима без потребителя, находящегося в активной позиции и в режиме online информирующего редакцию о своих реакциях на потребляемый продукт. Диктат потребителя оправдан свободой сетевой коммуникации. Более того, подчиненная роль журналиста в процессе «производство – потребление» обязывает его предусмотреть возможности коммодификации своего творческого продукта» [Мансурова, 2017].

Цель данного исследования – анализ коммуникативных стратегий трансмедийного проекта «РБК Pro» как интерактивной площадки, предлагающей аудитории медийный продукт, обладающий множественными функциями для организации и самоорганизации ее деятельности в онлайн- и оффлайн-пространстве.

Исследование основано на выборочном структурно-функциональном анализе материалов трансмедийного проекта интернет-портала «РБК Pro», представленного в период с марта по август 2020 года. Тематика материалов, их соотнесение с отраслями бизнеса, нацеленность на аудиторию, рекомендательный характер и вариативность реализуемых предложений представляют логическую схему интерактивной связи с аудиторией сайта. Структурно-семантический анализ медиаконтента «РБК Pro» базируется на классификационных признаках стратегий трансмедиа, предложенных Генри Дженкинсом.

Генри Дженкинс выделил главные стратегии трансмедиа-повествования, которые мы проанализируем на материале проекта «РБК Pro». Классификация Генри Дженкинса включает следующие параметры: распространяемость и проницаемость, непрерывность и множественность, вовлекаемость и экстрагируемость, сериальность, мироздание, субъективность, перформативность [Jenkins, 2009, URL]:

1. Распространяемость и проницаемость. Под распространяемостью понимается способность аудитории активно участвовать в рас-

пространении информации посредством социальных сетей и в процессе этого расширять его экономическую и культурную значимость. Проницаемость подразумевает способность истории заставить аудиторию подробнее изучить сюжет. Функции трансмедийных историй проявляются по-разному. Одни распространяются быстро и широко, но не вызывают у аудитории желания вникать в содержание, другие, напротив, обладают высоким потенциалом проницаемости. В социальных сетях «РБК Pro» ведет рубрику «Просто спросите эксперта», в которой подписчикам предоставлена возможность задать вопрос одному из ведущих экспертов-практиков из конкретного сегмента бизнеса – строительства, маркетинга, промышленности, ИТ и других. А также публикуются ответы, полезные рекомендации и инструкции от эксперта. Кроме того, «РБК Pro» запустил новый формат взаимодействия читателей с экспертами – вебинары. Во время вебинара аудитория имеет возможность задавать вопросы спикеру, а после получает запись и презентацию вебинара по электронной почте.

2. Непрерывность и множественность. Производитель проекта осознанно формирует «бесконечный контент», размещая информацию из разных источников. А аудитория в свою очередь мигрирует с платформы на платформу, дополняя свое представление о заинтересовавшей истории. Фильтрация контента по источникам помогает аудитории взаимодействовать с конкретной компанией или изданием через потребление информации. Например, сотрудничество «РБК Pro» с информационным агентством Bloomberg, обеспечивающим пользователей через сеть деловой и светской информацией, предлагает банк из более чем 200 публикаций различной направленности.

3. Вовлекаемость и экстрагируемость. С помощью развития и дополнения истории на разных площадках производители контента погружают потребителей в вымышленный мир, формируя таким образом сообщество постоянной аудитории. Множество источников информации, разнообразие отраслей делового мира, соотносимых с различными функциями, позволяют пользователям сайта «РБК Pro» погружаться в информационный поток по разным траекториям, увлекаясь историей и

углубляясь в сюжет, уделяя внимание деталям, периферии и контексту.

4. Сериальность. Сегментированность трансмедийного дискурса за счет введения новых сюжетов расширяет понимание аудиторией содержания истории. Погружение в нарратив, разделенный на отдельные части, усложняет задачу отслеживания повествования, но, с другой стороны, возбуждает креативную активность. Четкая структурированность медиаконтента сайта «РБК Pro» на интерактивные многосоставные истории позволяет пользователям обращаться к ним, как к сериалам. Многосерийных историй на сайте не мало – «Прогнозы 2020», «Бизнес-гуру», «Ошибки и провалы», «Новое», «Подборки», «Китайский бизнес», «Госрегулирование» и др. Принцип сериальности удерживает внимание аудитории, побуждая возвращаться к истории снова и снова. Полное погружение в контент возможно после последовательного изучения отдельных элементов истории (серий).

5. Мироздание. Трансмедийный дискурс помогает аудитории объединяться в сообщества по интересам, а также побуждает пользователей соучаствовать в создании контента, привязывая аудиторию к процессу создания, заставляя исследовать пространство, интерпретировать факты, события, давать прогнозы развитию сюжетов. «РБК Pro» – трансмедийный проект для профессионалов в бизнесе, которые хотят улучшить работу своей компании и индустрии. Пользователями проекта являются в основном предприниматели, управленцы, руководители предприятий, менеджеры. Все данные проверены, систематизированы и сконцентрированы на главном – «РБК» организует информационное пространство, своего рода микромир бизнес-идей, проектов, форм, прогнозов, исследований.

6. Субъективность. Идея трансмедиа предполагает расширение пространства истории за счет дополнительных платформ. Поэтому каждый пользователь формирует собственную траекторию интерпретации отдельных частей истории. Технологии трансмедиа позволяют проекту «РБК Pro» адресно настраиваться на каждого отдельно взятого пользователя. Поскольку контент проекта платный, то оказывается доступным по подписке только избран-

ным потребителям. Пользователь формирует свою рассылку, она приходит по электронной почте в определенное время.

7. Перформативность. В трансмедийных проектах благодаря Интернету создаются условия для сотрудничества и соучастия аудитории в создании трансмедийного дискурса. Проект «РБК Pro» через организованный механизм тегов и фильтров позволяет предоставлять информацию потребителю без использования поисковых систем и текстов рекламы.

Итак, трансмедийный проект «РБК Pro» характеризуется интерактивностью, последовательностью, сериальностью (серийностью), выстроенной вселенной со своим микромиром, плюс оригинальным контентом деловой информации.

Среди деловой аудитории интернет-ресурс «РБК Pro» востребован. Сайт позиционирует себя в качестве бизнес-консалтинга для предпринимателей и топ-менеджеров. Тематическое и технологическое разнообразие сайта свидетельствует о том, что менеджмент медиахолдинга учитывает возможности, которые приносит проекту прямой выход на аудиторию. Маркетинговая стратегия РБК, размывающая территориальные границы платформ «РБК», ведет к полному охвату аудитории, характеризующейся высокими медиапотребностями. Стратегия «РБК» основана на обращении к новейшим конвергентным технологиям.

Сосредоточиться на восприятии материала помогает четкая структурная организация сайта. При помощи интерактивных инструментов пользователям интернет-сайта предоставляется возможность настраивать ленту новостей под свои задачи, комбинируя фильтры и создавая уникальную экспертную информационную среду. Постоянные подписчики сайта в специальном разделе «Избранное» могут сохранять полезные для себя материалы. Адресное потребление информации осуществляется самими пользователями, которые формируют рассылку по темам. Участие пользователей в подобного рода интерактиве обеспечивается специальной авторской рассылкой с бизнес-идеями и трендами.

По мнению А.А. Никитенко, «основной тенденцией реализации интерактивности у сетевых версий деловых СМИ можно назвать

стремление персонализировать пользователя, сделать потребление им информации не анонимным, а адресным» [Никитенко, 2011, с. 252]. Интерактивность диктует логику взаимодействия с читателями, предоставляя, как выражаются производители проекта «РБК Pro», «инструменты для развития бизнеса и вдохновения».

Структурно-семантический анализ медиаконтента проекта «РБК Pro» показал, что проект включает в себя: огромное количество статей (61%), исследования (11%), инструкции/рекомендации (9%), прогнозы от экспертов (5%), дайджесты отраслевых СМИ (4%) и другую информацию в разнообразных упаковках. В каждой теме представлен анализ той или иной ситуации, явления или процесса в бизнесе. В подборках содержатся ответы на сложные запросы аудитории. Команда проекта формирует рабочие сценарии для решения проблем – с цифрами, кейсами и инструкциями.

Контент «РБК Pro» полностью протегирован. Лента материалов формируется на сайте в реальном времени, выборку по отраслям, типам материалов, функциям и источникам осуществляет сам пользователь. Основные теги каталогизируют информацию, во-первых, по отраслям: ретейл, строительство, пищевая промышленность, HoReCa, услуги, медицина, недвижимость, финансы, индустрия развлечений, сельское хозяйство, каждая из которых может быть конкретизирована в определенном направлении; во-вторых, фильтры дают возможность в интерактивном режиме выбирать функцию: менеджмент, маркетинг, право, продажи, интернет-торговля, логистика, госзаказ, клиентский сервис, закупки, инвестиции, инновации, дизайн и др.; в-третьих, настраиваемыми являются и теги в рубрике «Источники», которых насчитывается на сайте более 300, и, наконец, в рубрике «тип материала» аудитории предоставляется возможность выбирать «упаковку» и содержание информации: кейсы с историями конкретных компаний и проектов, прогнозы, инструкции, истории конкретных компаний, исследования, подборки, видеоблоги, трансляции с конференций, вебинары, интервью, дайджесты отраслевых западных и российских СМИ, статьи, обзорные материалы. Несмотря на то, что проект «РБК Pro»

позиционирует себя не как новостной интернет-портал, а как гид по отраслям российского бизнеса, материал сайта содержат в первую очередь новостные истории, а также обзоры специалистов рынка, результаты фундаментальных исследований, основные показатели экономического состояния предприятий, информацию по российским компаниям. Все материалы по заданной формуле отсортированы по релевантности: в начале ленты находятся материалы с самым большим количеством выбранных тегов, в конце выдачи – материалы с наименьшим количеством пересечений. Можно пересортировать материалы в хронологическом порядке. Привязанность материалов к определенным рубрикам подвижна, доминирует принцип, при котором материалы, объединенные событием, сюжетом, героем, конструируются в сюжеты из разных рубрик.

Основной текст истории сопровождается тематически смежными материалами при помощи гипертекстовых ссылок. В соответствии с индивидуальными потребностями потребителя гипертекст дает возможность множественного выбора в информационном потоке. Все

текстовые истории содержат элементы мультимедиа, такие тексты называют полимедийными [Лукина, Лосева, 2010]. Мультимедийные сюжеты являются креолизованными, соединяющими текст вербальный и невербальный с использованием визуальных элементов (фото, видео, графика) и звучащей речи.

Структурно-функциональный анализ материалов сайта «РБК Pro» показывает, что для реализации основной стратегии коммуникативного интерактива в проекте активно используются элементы мультимедиа и трансмедиа. Интерактивное взаимодействие с потребителем позволяет расширять границы медиаконтекста и способов его подачи, для этого используются современные конвергентные технологии.

Представим результаты анализа в таблице (табл. 1).

Итак, медиахолдинг «РБК» характеризуется как современное СМИ, активно использующее конвергентные механизмы управления вниманием и поведением аудитории. Медиапроект, реализуемый на его онлайн-платформах, характеризуется интерактивностью,

Таблица 1

Стратегия коммуникативного интерактива

Инструменты проекта	Прогнозируемая интерактивность
Фильтрация по отраслям, функциям и источникам	Настройка ленты под свои задачи, создание индивидуального пользовательского пространства
Тематическое и технологическое разнообразие сайта	Прямой выход на аудиторию, расширение аудитории, характеризующейся высокими медиапотребностями. Становятся популярными непрофильные для делового проекта политические и развлекательные темы.
Подробный разбор актуальных и практических вопросов бизнеса	Каждая подборка содержит ответ на сложный запрос целевой аудитории из мира бизнеса
Кейсы, исследования, прогнозы и бизнес-практики	Предлагаются сценарии для решения проблем – с цифрами, кейсами и инструкциями.
Дайджесты иностранных и российских отраслевых СМИ	Всестороннее удовлетворение потребностей целевой аудитории, погружение аудитории в самые важные актуальные на сегодняшний день проблемы
Переводы лучших материалов иностранных СМИ	Оперативное оповещение целевой аудитории о событиях делового мира за рубежом, обеспечение дополнительной информацией

последовательностью, серийностью, выстроенной вселенной со своим микромиром, плюс оригинальным контентом деловой информации. Ведущей стратегией проекта «РБК Pro» является трансмедийный контент и его продвижение в сетевом пространстве. Трансмедийный принцип разработки медиа-проекта предлагает реализацию нескольких функций одновременно: поддерживать и развивать интерактивность коммуникации; давать пользователю инструменты отбора, комбинирования и дополнения медиа-историй по своему желанию; максимально персонифицировать историю; поддерживать и по возможности повышать благожелательность целевой аудитории; стимулировать аудиторию к использованию одновременно нескольких каналов коммуникации.

Современные средства массовой информации совмещают в себе функции производства качественного медиапродукта и монетизации информации. Благодаря трансмедиа технологиям каналы массовой информации увеличили как онлайн, так и оффлайн активность. Одной из эффективных технологий выступает производство трансмедиа историй, заряженных стратегией коммуникативного интерактива. Трансмедиа повествование, как эффективный инструмент производства и распространения информации, позволяет информационной продукции стать еще более востребованной и разносторонней. Трансмедиа проекты расши-

ряются, видоизменяются, вовлекают в свое создание потребителя.

Результаты исследования дают повод говорить об активном использовании проектом «РБК Pro» стратегии коммуникативного интерактива с использованием различных трансмедийных технологий. Особенностью рассказываемых «РБК Pro» историй является не строго объективное представление события, а то, что СМИ дает возможность интерпретации. Творческие новации позволяют журналистам существенно расширить функциональную сферу своей деятельности, мультиплицируя – умножая и преобразая результаты коммуникативного интерактива с аудиторией.

Использование инструментов трансмедиа – ответ журналистики на актуальные запросы своей аудитории. Современные интернет-СМИ с энтузиазмом осваивают технологии трансформации контента в угоду потребителю. И практика современной отечественной журналистики уже демонстрирует образцы высокопрофессионального применения трансмедийных технологий. Трансформированный медиатекст выполняет не только функцию извлечения коммерческой выгоды от продажи медиапродукта, на чем настаивает медиаиндустрия, но и продуцирует вариативные имплицитные смыслы, перенося сложные проблемы в обыденность в человеческом представлений о должном и возможном путем интерпретации причин и последствий.

Библиографический список

- Гамбарато Р. Р., Лапина-Кратасюк Е. Г., Мороз О. В. Неуловимые концепции трансмедиаальности // Пано-рама российских трансмедиа: опыт картирования мультиплатформенных инициатив. 2017. С. 46.
- Женченко М. Эволюция терминов «мультимедиа», «кросс-медиа», «трансмедиа» в развитии цифрового сторителлинга // *Studia Medioznawcze*. 2016. № 4 (67) С. 113-119.
- Красий Л. А. Роль трансмедийных технологий в интернет-коммуникации // *Молодой исследователь Дона*. 2017. № 4 (7). С. 187-194.
- Лукина М. М., Лосева Н. Г. Контент интернет-СМИ // *Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика: материалы к обучающим семинарам*. 2010. Екатеринбург. С. 189.
- Мансурова В. Д. «Цифровая каллиграфия» современного журналиста: Власть Digital контента // *Вестник московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2017. № 4. С. 17-33.
- Никитенко А. А. Стратегии интерактивного взаимодействия в сетевых версиях печатных изданий // *Современная филология : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.)*. Уфа : Лето, 2011. – С. 250-254. – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/613/>.

- Пильгун М. А. Transmedia Storytelling: перспективы развития медиатекста // Медиаскоп. 2015. № 3. С. 43.
- Рузанова О. В. Трансмедиа: модель разборки [Текст] // Издательские решения, 2017. 73 с.
- Соколова Н. Л. Трансмедиа и «интерпретативные сообщества» // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3. С. 16–21.
- Сумская А. С. Теоретико-методологические основания продюсирования трансмедийных проектов [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 337-343. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23338714>.
- Gambarato R. Transmedia storytelling in analysis: The case of Final Punishment // Journal of Print and Media Technology Research. 2014. Vol. 3. No. 2. P. 95–106.
- Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide. New York: New York Univ. Press, 2006. 336 pp. [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/34091957/Henry_Jenkins_Convergence_culture_where_old_and_new_media_collide.
- Jenkins H. The Revenge of the Origami Unicorn: Seven Principles of Transmedia Storytelling. [Электронный ресурс] URL: henryjenkins.org/2009/12/the_revenge_of_the_origami_uni.
- Lambert J. Digital Storytelling Cookbook and Travelling Companion version, Digital Diner Press. 2003. P. 9-19.
- Long G.A. Transmedia Storytelling - Business, Aesthetics and Production at the Jim Henson Company. Master Thesis. Cambridge, 2007.
- Meikle G., Young Sh. Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life, Houndmills, Basingstoke, Hampshire, New York, Palgrave Macmillan, 2011, vi, 242 p.
- Phillips A. A Creator's Guide to Transmedia Storytelling: How to Captivate and Engage Audiences Across Multiple Platforms Hardcover. June 21, 2012. URL: <http://www.amazon.com/Creators-Guide-Transmedia-Storytelling-Captivate/dp/0071791523>.
- Pratten R. Getting Started in Transmedia Storytelling: A Practical Guide for Beginners. Seattle: CreateSpace, 2011. P. 13-15.
- Scolari C. A. Transmedia storytelling: Implicit consumers, narrative worlds, and branding in contemporary media production // International Journal of Communication. 2009. Vol. 3. № 4.

M.A. Deminova
Altai state University
Russia, Barnaul

TRANSMEDIA PROJECT: STRATEGY OF COMMUNICATIVE INTERACTIVE (BASED ON THE MATERIAL FROM THE «RBC PRO» WEBSITE)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transmedia project of the «RBC Pro» website as an interactive platform on which a media product is formed that has a certain value for the target audience. Traditional methods of obtaining information are not attractive to audiences today. New consumer demands have influenced the emergence of the transmedia format. A new cultural practice of perceiving media content was to emerge. Modern communication technologies give journalism the opportunity to present information through not only traditional means, but also using other digital data transfer tools. The use of transmedia tools was the answer of journalism to the demands of the audience. This study identifies the types of communication strategies used to create the «RBC Pro» transmedia project, systematizes the transmedia principles and technologies for promoting a media product that is attractive for interactive interaction with the audience. The novelty of the research is the disclosure of the multiplication effect of the organizing function of the media, which creatively implements modern technologies for creating and promoting media content.

Keywords: transmedia project, storytelling, mediacontent, mediatext, media product, multimedia, interactivity.

В. В. Десятов

Акмеистический храм: фрагменты диалога Николая Гумилева и Осипа Мандельштама

Впервые опубликовано: «Вопросы литературы», 2018, №3. С. 123-169. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-123-169

Аннотация. В статье выявляются и анализируются многочисленные аллюзии и цитаты, свидетельствующие об интенсивном диалоге двух поэтов-акмеистов. Материалом исследования послужили стихотворения, статьи О. Мандельштама и Н. Гумилева, а также поэмы и пьесы последнего – преимущественно тексты, содержащие образы храмов, в которых акмеизм определял себя не только на уровне поэтики, но и на уровне тематики.

Ключевые слова: Н. Гумилев, О. Мандельштам, акмеизм, адамизм, цитата, аллюзия, диалог, органическая поэтика.

Десятов Вячеслав Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка

Алтайский государственный университет (Барнаул)

Автор более ста публикаций, посвященных русской литературе XX–XXI веков, в том числе ряда статей о диалоге Н. Гумилева и О. Мандельштама

E-mail: galton67@yandex.ru

Тему строительства храма, затронутую О. Мандельштамом в стихотворении «Айя-София», можно назвать гумилевско-акмеистической¹.

Первые камни в фундамент акмеистического храма были заложены Гумилевым задолго до акмеизма, возникшего в 1912-м году. Создание храма изображается или обсуждается в целом ряде текстов Гумилева на протяжении всего его творческого пути: «Сказка о королях», «Иногда я бываю печален...» (сборник «Путь конквистадоров», 1905), «Он воздвигнул свой храм на горе...» (1906), «Колокол» (1908), статья «Наследие символизма и акмеизм» («Аполлон», 1913, № 1), «Пятистопные ямбы» (первая редакция, опубликованная в «Аполлоне», 1913, № 3), одноактная пьеса «Актеон» («Гиперборей», 1913, № 7), «Средневековье» (сб. «Колчан», 1915), драматическая поэма «Гондла» («Русская мысль», 1917, № 1), трагедия «Отравленная туника» (закончена в 1918 году), «Память» (сб. «Огненный столп», 1921).

В творчестве Мандельштама образ строящегося храма появился только в 1912-м (когда поэт примкнул к акмеизму). После публикации в «Аполлоне» (1913, № 3) подборки, по определению Гумилева, «действительно акмеистических стихов» [Богомолов 1991: 515], куда вошли мандельштамовский диптих («Айя-София», «Notre Dame») и первая редакция «Пятистопных ямбов», после публикации гумилевских статьи-манифеста и пьесы «Актеон» в том же году – сама тема строительства храма стала восприниматься как декларативно-акмеистическая. В манифесте «Наследие символизма и акмеизм» Гумилев писал: «Акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню» [Гумилев 1991: III, 17]. Обе части «храмового» диптиха Мандельштама («Айя-София» и «Notre Dame», на-

1 М. Кузмин считал, что акмеизм – «литературная школа, выдуманная одним лицом (в данном случае Гумилевым)...». Цит. по: [Клинг 2010: 315]. П. Лукницкий зафиксировал высказывание Анны Ахматовой, передающей мнение Н. Недоброво: «Акмеизм – это личные черты Николая Степановича» [Лукницкая 1990: 142].

писанные в 1912 году, были расположены на соседних страницах как в журнале «Аполлон», так и в сборнике «Камень», причем первое издание сборника ими завершалось) несколько раз отзываются в поэзии Гумилева. Иногда Гумилев ссылается одновременно на оба эти стихотворения. Такие случаи мы и рассмотрим ниже.

Гумилевскую пьесу в стихах «Актеон» М. Баскер пронизательно расценил как манифест акмеизма [Basker 1985; Баскер 2000: 114–154]. Камень, нужный царю Кадму для строительства храма, указывает, безусловно, на первую книгу Мандельштама (по предположению Р. Тименчика, название этой книги было подсказано Гумилевым [Мец и др. 1990: 279]). Мандельштам подчеркивает созвучие «Notre Dame – Адам» (прозрачно намекая на акмеизм-адамитизм). Гумилев в «Актеоне» сближает со словом «камень» созвучное ему имя «Кадм», которое к тому же служит парagramмами имени «Адам» и слова «акмэ». Действующим лицом пьесы становится богиня Диана, упомянутая в мандельштамовской «Айя-Софии»:

И всем пример – года Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Диана, таким образом, не препятствует строительству собора Святой Софии. В «Актеоне» заглавный герой и его отец, строитель храма Кадм, спорят о том, что предпочитают боги, а затем Диана, реализуя проклятие Кадма, наказывает Актеона.

Остроумна гумилевская двойная аллюзия на первые строки обеих частей «храмового» диптиха Мандельштама: «Этот камень / На площадь Судилища вы снесете...» Ср. начало «Notre Dame»: «Где римский судья судил¹ чужой народ – / Стоит базилика...» и начало «Айя-Софии»: «Айя-София – здесь остановиться / Судил Господь народам и царям!».

В трагедии «Отравленная туника» Гумилев изображает строительство константинопольского собора святой Софии, цитируя Мандельштама («...серафимов гулкое рыданье...»)

1 Курсив здесь и далее мой. – В.Д.

и полемизируя с ним:

Нынче
Еще одна воздвигнута колонна,
И главный мастер слышал серафимов,
Ликующих и сладостно поющих.

Гумилев не только читал стихотворение «Айя-София», но и редактировал его. Комментарий констатирует: «Здесь на авторский текст, соответствующий КЗ (третьему изданию сборника «Камень». – В.Д.), Гумилев, тогда заведовавший литературным отделом «Аполлона», нанес свои поправки, с которыми ст-ние и было напечатано в журн.: ст. 5 / И всем пример – года Юстиниана /, ст. 9 / Куда ж стремился твой строитель щедрый / Третья его поправка – / И богомольцев / вместо / И серафимов/ (ст. 19) в печатном тексте А («Аполлона». – В.Д.) не отражена» [Мец 2009, с. 535].

Первые две поправки, внесенные Гумилевым, имеют характер смысловой нюансировки, третья, скорее, – характер мировоззренческий. Не случайно вариант финала, предложенный Гумилевым: «И богомольцев гулкое рыданье / Не покоробит темных позолот», – в публикации не отразился, и спустя годы Гумилев как бы «исправил» текст Мандельштама уже в своем собственном произведении («И главный мастер слышал серафимов, / Ликующих и сладостно поющих»).

Далее Гумилев цитирует и «Notre Dame» (что было уже отмечено С. Шиндиным [Шиндин 2004: 195]):

Молчал он, только раз спросил меня,
Закопан ли, по скифскому преданью,
Под основаньем храма человек,
Чтобы незыблемо стояли стены
И трещины колонн не расщепляли...
.....
Ты знаешь этот храм, порфирородный?
По узким, шатким лестницам, мосткам,
Среди лесов, чудовищных, как ребра
Левиафана или Бегемота...²

В этом фрагменте «Отравленной туники» перед нами пример цитаты полигенетической² Ср. с мандельштамовским: «Но чем внимательней, твердыня Notre Dame, / Я изучал твои чудовищные ребра...»

(о полигенетизме цитат в поэзии серебряного века см.: [Минц 1999], [Тименчик 1975]). Вторым источником цитирования стало стихотворение Мандельштама «Петербургские строфы», вошедшее в «Камень» и посвященное Гумилеву:

Чудовищна – как броненосец в доке –
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой – посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крепкая *пурпура*,
Как власяница грубая, бедна.

Фрагмент этого стихотворения Гумилев приводил в рецензии на первое издание «Камня»: «Одной и той же любовью он любит “правоведа, широким жестом запахивающего шинель”, и Россию, которая “чудовищна – как броненосец в доке – отдыхает тяжело”»¹ [Гумилев 1991: III, 132].

Эпитет «чудовищный», применяемый Мандельштамом к храму и к государству, соответствует, как мы далее убедимся, развитию идейно-образной системы гумилевской трагедии. Вопрос о «скифском преданье» задает Трапезондский царь, который в этой же сцене (в этом же недостроенном храме) сводит счеты с жизнью, становясь строительной жертовой:

И вдруг, произнеся Христово имя,
Ступил вперед, за край стены, где воздух
Пронизан был полуденным пыланьем...

1 Чудовищный броненосец России из «Петербургских строф» трансформировался затем в стихотворении Мандельштама об умирании Петрополя «На страшной высоте блуждающий огонь...»: «Чудовищный корабль на страшной высоте...». Повторяющееся здесь словосочетание «на страшной высоте» Гумилев использовал в сцене самоубийства Трапезондского царя (четвертая сцена последнего, пятого действия «Отравленной туники»): «Мой спутник встал на *страшной высоте*...». Совпадает не только лексика, но и размер, и местоположение словосочетания в конце стиха (не говоря уже о теме смерти). Стихотворение Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь...» было опубликовано в газете «Вечерняя звезда» 6 марта 1918 года [Мец 2009: 564]. Гумилев в это время работал над «Отравленной туникой»: «Писалась “Отравленная туника” последовательно в трех европейских столицах: начата она осенью 1917 года в Париже, в январе – апреле 1918 года в Лондоне доведена до первой сцены последнего действия, а 3 июня 1918 года единственный вышедший номер петроградского еженедельника “Ирида” поместил извещение об окончании трагедии» [Щербачков 1991: 410].

Вспомним, во-первых, словосочетание «света торжество» из мандельштамовской «Айя-Софии». Во-вторых, как в этом стихотворении Мандельштама, так и в трагедии Гумилева строящийся собор Святой Софии – пространство встречи христианства с язычеством. Гумилев под язычниками-скифами («Закопан ли, по скифскому преданью, / Под основаньем храма человек...») понимает, вслед за авторами сборников «Скифы» и Александром Блоком², опубликовавшим стихотворение «Скифы» в начале 1918-го³, россиян. В плане «Отравленной туники» есть пункт, относящийся к Трапезондскому царю: «И Царь расск[азывает] Евнуху о слав[янском] об[ычае] класть при постройке человека благородной крови» [Струве 1991: 272]. Понятно, что Левиафан в революционную эпоху – тоже не только библейское чудовище, но и обозначение могущественного государства, восходящее к Томасу Гоббсу. В обращенных к Богу словах гумилевского Юстиниана «Миропомазанья великой тайной / Ты приказал мне царский труд, желая, / Чтоб мир стал храмом и над ним повисла, / Как купол, императорская власть...» производится подмена купола собора Святой Софии «куполом» императорской власти. Этой подменой подготавливается финальное превращение храма в чудовищный организм Левиафана, где совершается человеческое жертвоприношение (добровольное, но Юстиниан собирался Трапезондского царя убить).

В последней строфе «Айя-Софии» Мандельштам перенес семантику имени святой на сам храм: «И *мудрое* сферическое зданье...». В тексте Гумилева о мудрости святой или храма не упоминается, зато о мудрости коварного императора говорит вначале евнух («Ты мудр и благ»), затем Зоя («Отец, ты мудрый, знающий, ты кесарь...») и, наконец, сам Юстиниан.

Неантагонистический симбиоз литературных локусов⁴ («Айя-София», «Notre Dame»,

2 А может быть, и вслед за Мандельштамом, который в конце 1917 года опубликовал стихотворение «Кассандре», обращенное к Ахматовой: «Когда-нибудь в столице шалой, / На скифском празднике, на берегу Невы, / При звуках омерзительного бала / Сорвут платок с прекрасной головы».

3 Отзвук «Скифов» Блока («Ломать коням тяжелые крестцы...») слышен в стихотворении Гумилева «Ольга» (сб. «Огненный столп»): «Где ломали друг другу крестцы / С голубыми, свирепыми глазами / И жилистыми руками молодцы...».

4 О «системе пространственных взаимопроекции» внутри

«Петербургские строфы» Мандельштама), порожденный творческой волей Гумилева, имел предпосылки не только литературные. Все основные коллизии отношений внутри любовного треугольника Имр – Зоя – Трапезондский царь (включая финальное самоубийство последнего) Гумилев перенес в «Отравленную тунику» из своего раннего рассказа «Принцесса Зара» (1908). Сюжет этого рассказа автобиографичен [Баскер 1996]: сам Гумилев в молодости предпринял попытку самоубийства, узнав, что Анна Горенко предпочла ему другого. Следовательно, Трапезондский царь – еще один автопсихологический герой Гумилева.

Упомянутые выше локусы (Стамбул и актуализируемые мандельштамовскими реминисценциями Париж, Петербург) связаны со значительными событиями биографии Гумилева. Стамбульский собор Святой Софии Гумилев в апреле 1913 года видел своими глазами – в отличие от Мандельштама, но вскоре после создания им «Айя-Софии»¹. В Царском Селе Гумилев познакомился с Анной Горенко, а в Париже, в 1907 году, пытался покончить с собой [Степанов 1991: 355]. Там же, в Париже, Гумилев, возможно, общался с юным Мандельштамом.

Неизвестно, был ли знаком с «Отравленной туникой» и «Африканским дневником» Мандельштам: при жизни поэтов эти вещи не печатались. Но своими путевыми впечатлениями Гумилев мог делиться и в личном общении. К тому же «Отравленную тунику» Гумилев несколько раз публично читал и давал читать Ахматовой (только ли ей?): «"Отравленную тунику" Николай Степанович принес АА в 1919 году, летом...» [Лукницкая 1990: 221]. По форме пьеса представляет собой неоклассицистическую трагедию: единство времени и места, пять действий и т.д. Мандельштама должно было заинтересовать такое произведение, ведь он был увлечен Расином, и Гумилев высоко ценил стихотворение Мандельштама «Я не увижу знаменитой "Федры"...»² [Мец и др. 1990: 309]. Вероятно, Гуми-

рецептивного поля см.: [Меднис 2009].

¹ В Стамбуле Гумилев неоднократно бывал и до 1913 года, поэтому мог видеть Айя-Софию раньше (по крайней мере, снаружи), но первый дошедший до нас гумилевский текст («Африканский дневник»), в котором этот храм описывается, датирован 1913 годом.

² Первоначально Гумилев собирался назвать свое произ-

ведение «Феодора» [Щербаков 1991: 410]. «Театр Расина!» – патетически восклицает автор стихотворения «Я не увижу знаменитой "Федры"...». Гумилев в статье 1918 (?) года упоминает «театр Расина, театр Шекспира» и завершает ее фразами: «Ритму нашей жизни отвечает только трагедия. Мы выросли до Шекспира и Корнеля» [Гумилев 1991: III, 177, 179]. По воспоминанию С. Липкина, Мандельштам (уже после смерти Гумилева) «по-корнелевски высокогласно, чуть ли не как сам Тальма, произносил "Николай Степанович"» [Липкин 1997: 394].

леву хотелось показать другу-соратнику трагедию, содержавшую аллюзии на его стихи. Так или иначе, но после гибели Гумилева архитектурный физиологизм Мандельштама (ярко проявившийся в «Notre Dame» и статье «Утро акмеизма») трансформировался в том же направлении, какое было намечено «Отравленной туникой» [Шиндин 2004: 201]. Монументальная социальная архитектура стала восприниматься поэтом как древний идол, требующий человеческих жертв. В статье 1922 года «Гуманизм и современность» Мандельштам писал: «Бывают эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать, как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него» [Мандельштам 2010: 125]. На той же странице закономерно возникает гумилевская реминисценция: «Все чувствуют монументальность форм надвигающейся социальной архитектуры. Еще не видно горы, но она уже отбрасывает на нас свою тень...» Сравним начало стихотворения Гумилева «В пути» (сб. «Жемчуга», 1910):

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести;
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.

Следующее восьмистишие, в котором Мандельштам еще раз вспомнил Айя-Софию, датируется 1933 годом:

И клена зубчатая лапа
Купается в круглых углах,
И можно из бабочек крапа
Рисунки слагать на стенах.

Бывают мечети живые –
И я догадался сейчас:
Быть может, мы – Айя-София
С бесчисленным множеством глаз.

ведение «Феодора» [Щербаков 1991: 410]. «Театр Расина!» – патетически восклицает автор стихотворения «Я не увижу знаменитой "Федры"...». Гумилев в статье 1918 (?) года упоминает «театр Расина, театр Шекспира» и завершает ее фразами: «Ритму нашей жизни отвечает только трагедия. Мы выросли до Шекспира и Корнеля» [Гумилев 1991: III, 177, 179]. По воспоминанию С. Липкина, Мандельштам (уже после смерти Гумилева) «по-корнелевски высокогласно, чуть ли не как сам Тальма, произносил "Николай Степанович"» [Липкин 1997: 394].

Выражение *круглые углы* диктуется поэтикой снятия противопоставлений, последовательно воплощенной Мандельштамом во всем тексте стихотворения «Notre Dame» – манифесте акмеизма-адамизма. Первочеловек Адам, с которым новообращенный акмеист сравнивал собор Парижской Богоматери, становится в восьмистишии человечеством.

Определение «мечети живые» распространяет аналогию *Notre Dame – человек* на Айя-Софию. Собственно, это распространение было сделано Мандельштамом гораздо раньше – в статье «О природе слова» (1922): «По-прежнему будут стоять европейские кремли и акрополи, готические города, соборы, похожие на леса, и куполообразные сферические храмы, но люди будут смотреть на них, не понимая их, с бессмысленным испугом недоуменно спрашивая, какая сила их возвела и какая кровь течет в жилах окружающей их мощной архитектуры» [Мандельштам 2010: 73]. Здесь «готические города, соборы, похожие на леса» – автореминисценция из «Notre Dame» (где готический собор определялся как «непостижимый лес»), а «куполообразные сферические храмы» – напоминание об «Айя-Софии» («сферическое здание»). Статья была приурочена к десятилетию возникновения акмеизма, поэтому неудивительно, что Мандельштам вспоминает свои первые программно-акмеистические тексты 1912 года. По его мнению, благодаря акмеизму «случилось чудо для тех, кто живет внутри русской поэзии: новая кровь потекла по ее жилам» [Мандельштам 2010: 79]. Повторяющееся в статье выражение (кровь, текущая по жилам) устанавливает ассоциативную связь: *Notre Dame* и Айя-София – организм – «органическая поэтика» акмеистов.

Финальный образ восьмистишия обусловлен традиционным сближением глаза (ока) с окном («сорок окон» Айя-Софии). Однако в новом образе храма «глаз» не сорок, а «бесчисленное множество». Объяснение этому находится в первой строфе: на стены мечети как бы переносится крап с крыльев бабочек. Мандельштамовское «Путешествие в Армению» (1933) содержит такое описание бабочки: «Ее глазастые крылья были из прекрасного старого адмиральского шелка, который по-

бывал и в Чесме, и при Трафальгаре. И вдруг я поймал себя на диком желании взглянуть на природу нарисованными глазами этого чудовища» [Мандельштам 2010: 331]. (Заметим присутствие и в этом тексте турецкой темы: в Чесменской бухте произошло сражение между российским и турецким флотом). «Дикое желание» реализуется в художественной реальности восьмистишия: «чудовище» скрещивается с живым собором. По мысли М. Гаспарова, «в купольной Айя-Софии многоочитые шестикрылые серафимы на стенах подобны крылатым бабочкам» [Гаспаров 2001: 52]. С другой стороны, образ зрячей Айя-Софии подготовлен сравнением в «московско-цветаевском» цикле Мандельштама 1916 года: «И в дугах каменных Успенского собора / Мне брови чудятся, высокие, дугой»...

Между частями «Восьмистиший» существует смысловая соотнесенность, о которой писала уже вдова поэта: «Мне кажется, что есть связь между “Бабочкой” и “Айя-Софией” – два вида живого: бабочка-умиранка и люди в целом, соборность человеческого познания в этом бесчисленном множестве глаз (глаз для О.М. – орудие мысли)» [Н. Мандельштам 1992: 434]. Н. Мандельштам имеет в виду восьмистишие 1933 года «О, бабочка, о, мусульманка...» (Образ бабочки-мусульманки закономерно скрещивается¹ с образом мечети). На наш взгляд, восьмистишие «И клена зубчатая лапа...» также связано по смыслу с «Шестого чувства крошечный придаток...»: в том и другом стихотворении речь идет о необычных трансформациях органов зрения («теменной глазок», «множество глаз»).

Г. Левинтон и Н. Богомолов выявили гумилевские аллюзии «Путешествия в Армению», анализируя, в частности, следующий фрагмент главы «Вокруг натуралистов»:

Персидская миниатюра косит испуганным грациозным миндалевидным оком.

Безгрешная и чувственная, она лучше всего убеждает в том, что жизнь – драгоценный неотъемлемый дар.

Люблю мусульманские эмали и камен!

Продолжая мое сравнение, я скажу: горячее конское око красавицы косо и милостиво

¹ Это слово, как и слово «симбиоз», кажется уместным в разговоре об «органической» поэзии акмеистов.

нисходит к читателю» [Мандельштам 2010: 333–334].

Упоминание «эмалей и камней», утверждает Г. Левинтон, «не оставляет сомнения в гумилевском подтексте этого описания, ср. темы смерти, любви (“острой и упорной”), чистоты и т. п. в “Персидской миниатюре” Гумилева (и, разумеется, “принц, поднявший еле-еле / Миндалевидные глаза / На взлет девических качелей”))» [Левинтон 1995: 604].

К такому же выводу приходит и Н. Богомолов:

Весь этот отрывок основан на образах поэзии Гумилева. Достаточно вспомнить, что «Персидская миниатюра» – название одного из стихотворений сборника «Огненный столп», и тогда «миндалевидное око» без труда опознается как цитата из этого стихотворения:

И небо, точно бирюза,
И принц, поднявший еле-еле
Миндалевидные глаза
На взлет девических качелей.

После этого уже не нужно особых усилий, чтобы вспомнить, откуда попали в прозу Мандельштама «эмали и камни»: в 1914 году Гумилев издал полный перевод книги Т. Готье «Эмали и камни», предварительно объявив творчество этого поэта одним из краеугольных камней акмеизма [Богомолов 2004: 114].

Относительно «Персидской миниатюры» следует добавить, что цитируя вторую строфу этого стихотворения, Мандельштам наверняка помнил и первую строфу: «Когда я кончу наконец / Игру в cache-cache¹ со смертью хмурой, / То сделает меня Творец / Персидскою миниатюрой». Возможно, желанием посмертного воплощения, выраженным в последней книге Гумилева, объясняется то, что миниатюра Мандельштама «косит» – воспроизводя наиболее приметную черту внешнего облика основателя акмеизма, о которой писал он сам: «Мой предок был татарин косоглазый», «Тот раб косоглазый и с черепом узким». С другой

же стороны, «миндалевидные» глаза вызывают ассоциацию с фамилией Мандельштама, этимология которой была ему известна [Ти-менчик 2009: 440, 470–471]. Таким образом, косящее миндалевидное око словно принадлежит двум акмеистам одновременно.

Упомянутые Мандельштамом тексты – «Персидская миниатюра», «Эмали и камни» – связаны друг с другом идеей «сродства» людей, животных, явлений природы, произведений искусства, зданий. Согласно Т. Готье, все они постоянно перевоплощаются друг в друга. За «Предисловьем» в «Эмалях и камнях» идет стихотворение «Тайное сродство. Пантеистический мадригал», которое завершается строфой (в переводе Гумилева):

Вы, странных полная предвестий,
Какой фронтон, какой поток,
Сад или собор нас знали вместе,
Голубку, мрамор, перл, цветок?

А в последней строфе «Персидской миниатюры» Гумилев говорит о своей – скорее женской, чем мужской – мечте:

И вот когда я утолю
Без упоенья, без страданья
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье.

Этой мечтой можно объяснить перевоплощение традиционно мужественного Гумилева в «красавицу», изображенную на персидской миниатюре, о которой пишет Мандельштам².

В «Айя-Софии» Мандельштам откликнулся на другое стихотворение Готье, переведенное Гумилевым:

Все прах. – Одно, ликуя,

² До Мандельштама подобный отклик на персидские мотивы Гумилева уже имел место в поэзии участника Цеха поэтов Всеволода Рождественского. Его сонет (вошедший в книгу 1921 года «Золотое веретено») посвящен Гумилеву, но начинается обращением к женщине. В сонете упоминаются Кавказ и персидские миниатюры: «О, удержи коня, тюльпан Ширази, / Я пыльный дервиш на твоём пути, / И я остановил тебя – прости! – / Для легкого, как ласточка, рассказа. // Мне снилось – в виноградниках Кавказа / Изгнанницей не хочешь ты цвести, / И юноша пришел тебя спасти – / Храни его Аллах от злого глаза! // В четырнадцатиградусный мороз / Увидел я, садовник вечных роз, / Твои персидские миниатюры, // И душно мне от северной тоски, / Когда, кружась, на мех медвежьей шкуры / Засохшие ложатся лепестки» [Образ Гумилева... 65].

¹ Прятки (фр.).

Искусство не умрет.
Статуя
Переживет народ.

Этот перевод впервые был опубликован в «Аполлоне» (1911, № 9), а затем вошел в книгу Гумилева «Чужое небо» (1912). Не напоминает ли он о фрагменте стихотворения «Айя-София», датированного 28 октября 1912 года: «И мудрое сферическое зданье / Народы и века переживет...»?

Если предположить, что Мандельштам был знаком с текстом «Отравленной туники», то «мы», воплотившееся в живой мечети восьмистишия 1933 года, следует понимать как включающее в себя Гумилева¹, чья «геройская смерть», по выражению О. Ронена, «стала новым краеугольным камнем акмеистической “храмовой легенды”» [Ронен 1992: 527]. Ведь в обратной перспективе самопожертвование автопсихологического героя «Отравленной туники» выглядит предвестием судьбы или даже программой действий самого автора. Если же думать, что «Отравленная туника» осталось не известной Мандельштаму, то приходится признать еще более впечатляющие примеры сочувствия и со-мыслия двух поэтов (как раз такие, которые подразумеваются строкой «Быть может, мы – Айя-София»).

Вернемся к реакциям Гумилева на мандельштамовский манифест акмеизма «Notre Dame». Приведем его третью строфу:

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом – дуб и всюду царь – отвес.

Рифма *лес – отвес* из «Notre Dame» (где «первый» крестовый свод сравнивался с первым человеком Адамом) пригодилась Гумилеву² для построения «первобытного храма»

1 Н. Мандельштам писала: «С гибелью Гумилева рухнуло “мы”, кончилось содружество» [Н. Мандельштам 1990: 63]. И далее еще раз: «Больше у Мандельштама не было “мы”. Даже говоря о нас двоих, он употреблял не “мы”, а “мы с тобой”: “Мы с тобой на кухне посидим” и “Куда как страшно нам с тобой”... Равноправное “мы” – союз “мужей”, куда входила одна женщина, распался с гибелью Гумилева, и с ним остался только непрекращающийся воображаемый разговор» [Н. Мандельштам 1990: 65].

2 Всякий раз, говоря о заимствовании какого-либо образа,

в поэме «Мик», которая писалась в 1913 – начале 1914 годов, а полностью опубликована была в 1918-м:

Еще три дня, и их глазам³
Предстал, как первобытный храм,
Скалистый и крутой *отвес*,
Поросший редкою сосной,
Вершиной вставший до небес,
Упершийся в *дремучий лес*
Своею каменной пятой.
.....
Я, и ложась навеки в гроб,
Осмелился бы утверждать,
Что это был ни дать ни взять
Американский небоскреб.
В восторге крикнул павиан,
Что это город обезьян.

«Каменная пята» горы, похожей на «первобытный храм», продолжает физиологические метафоры Мандельштама, увидевшего в Notre Dame мышцы и ребра. Далее в «Мике» французская готика выходит на поверхность текста: «Перед готическим окном, / Где увидел впервые свет / Луи в жилище родовом».

В мандельштамовском «Утре акмеизма» сразу после фразы о Notre Dame идет сравнение «дремучего леса» с физиологией человеческого организма: «Notre Dame есть праздник физиологии, ее дионисийский разгул. Мы не хотим развлекать себя прогулкой в лесу символов, потому что у нас есть более девственный, более *дремучий лес* – божественная физиология, бесконечная сложность нашего темного организма» [Мандельштам 2010: 25].

Гумилевское сравнение «первобытного храма» с американским небоскребом выглядит, на первый взгляд, неожиданным. Но определенная логика тут есть, и подсказана она тем же Мандельштамом. Небоскребы упоминаются в мандельштамовской «Американке», датированной 1913 годом, причем само это стихотворение – отклик на гумилевскую пьесу «Дон Жуан в Египте» [Лекманов 2000:

рифмы или сравнения, мы исходим из факта, что в творчестве данного автора такого образа, рифмы, сравнения не было до их появления в текстах второго участника диалога. Например, рифмой *лес – отвес* Гумилев до Мандельштама не пользовался.

3 В том числе глазам французского мальчика Луи (что существенно для дальнейшего хода наших рассуждений)

71–72]. Финал «Американки», где заглавная героиня «сожалеет, отчего / Людовик больше не на троне», параллелен продолжению повествования в «Мике»: «племя вольных обезьян», чье жилище так похоже на американский небоскреб, легко соглашается расстаться с вольностью, избирая (пародия на американские выборы президента¹) своим *королем* французского мальчика по имени *Луи*.

Сравнение гор с соборами, на котором строится мандельштамовский шедевр 1919 года «В хрустальном омуте какая крутизна!», идет, в свою очередь, от автора поэмы «Мик». Убеждает нас в этом следующий (не отмеченный комментаторами) факт: стихотворение «В хрустальном омуте...» по своей форме полностью конгруэнтно адамистическому манифесту Мандельштама. Одинаковы размер (шестистопный ямб), схема рифмовки (мЖЖм) и количество стрóf (четыре). Таким образом, новое стихотворение, влитое в форму «Notre Dame», вбирает в себя и гумилевский ответ на «Notre Dame».

Кроме того, «сиенские горы» с их «крутизной», «сумасшедшими скалами», «ключами и рубищами» апостольских церквей и «роздыхом псалмопевца» Мандельштам изобразил по контрасту с гумилевскими «Норвежскими горами» (сборник «Костер», 1918):

Я ничего не понимаю, горы:
Ваш гимн поет кощунство иль псалом,
И вы, смотрясь в холодные озера,
Молитвой заняты иль колдовством?

Здесь с криками чудовищных глумлений,
Как сатана на огненном коне,
Пер Гюнт летал на бешеном олене
По самой неприступной крутизне.

Колдовству и глумлению сатанинских, адских норвежских гор Гумилева Мандельштам противопоставляет «благодать» сиенских «христианских гор». Гумилев, как обычно, не доверяет музыке: пение норвежских гор оказывается не псалмом, а кощунством. Но, полемизируя с Гумилевым в одном, Мандельштам поддерживает его в другом. Описания христианского храма в «Notre Dame» и «Утре

¹ Эту ситуацию Гумилев перевернет в «Либерии» (сб. «Шатер»), где президентом людей на пять дней станет обезьяна.

акмеизма» имели, по сути, внерелигиозный характер, который сохранил и Гумилев в рассмотренном выше фрагменте поэмы «Мик», хотя религиозная составляющая этой поэмы весьма существенна. Во время мировой войны мировоззрение Мандельштама и, в особенности, Гумилева значительно приблизилось к христианскому. Стихотворение «В хрустальном омуте...» звучит почти как credo: после того, как официальной идеологией стал атеизм, Мандельштам воспекает «ключи и рубища апостольских церквей».

Возможно, автор апеллирует здесь и еще к одному тексту Гумилева – стихотворению «Ворота рая» (сб. «Жемчуга», 1910): «Возле – нищий, словно гость непрошенный, / И ключи у пояса его <...> И апостол Петр в дырявом рубище, / Слово нищий, бледен и убог» [Гумилев 1991, т. 1, с. 104, 105]. У Мандельштама слово «ключи» играет своими значениями.

Едва различимый рефлекс поэмы «Мик» угадывается в начале «Нашедшего подкову» (1923): «Глядим на лес и говорим: / Вот лес корабельный, мачтовый / <...> Под соленою пятою ветра устоит отвес, пригнанный к пляшущей палубе...». Комплекс лексем «лес», «отвес» и «пята» (к тому же в контексте темы мореплавания) напоминает о поэмах Гумилева; этот же комплекс, только в более полном виде, воспроизводится «Грифельной одой» (которая тоже была написана в 1923 году и тоже содержит образ подковы).

Д. Сегал так интерпретирует «Грифельную оду»: «“Ночь”, свободная от всего злободневного и сиюминутного, помогала поэту услышать уже заглушенные и запрещенные голоса своих замученных друзей-поэтов (Гумилев), голос мировой античной и христианской культуры» [Сегал 2006: 319]. Как показал О. Ронен, сам образ «ночи-коршунницы» в «Грифельной оде» восходит к Гумилеву – к стихотворению «Суэцкий канал» («А когда на пески, / Ночь, как коршун, посядет...») [Ронен 1983: 142]). Гумилевым навеяны и предыдущие стихи «Грифельной оды»: здесь Мандельштам снова, как в «Notre Dame», рифмует лес с отвесом, упоминая церкви и города животных. Следовательно, подтекстом «Грифельной оды», как и стихотворения «В хрустальном омуте...», является поэма «Мик» (входящая,

вместе с «Суэцким каналом», в число «африканских», имеющих отношение к «адамизму», текстов Гумилева):

Крутые козьи города,
Кремней могучее слоенье,
И все-таки еще гряда –
Овечьи церкви и селенья!
Им проповедует *отвес*,
Вода их учит, точит время –
И воздуха прозрачный *лес*
Уже давно пресыщен всеми.

Как мертвый шершень возле сот,
День пестрый выметен с позором,
И ночь-коршунница несет
Горящий мел и грифель кормит.

Каждый образ Гумилева претерпевает здесь определенный семантический «сдвиг»: «И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мертвые слова» превращается в «мертвого шершня возле сот»; «крутой отвес» («город обезьян») – в «крутые козьи города»; обезьяний «первобытный храм» – в «овечьи церкви». Неизменными остаются общий смысл и некоторые формальные элементы: рифма, размер. А в другом фрагменте «Грифельной оды» подвергается небольшому «сдвигу» и гумилевский образ «*пяты*» горы: «Блажен, кто завязал ремень / *Подошве* гор на твердой почве». Подошва горы – не авторское, а довольно устойчивое лексическое сочетание (в отличие от гумилевской «*пяты*» горы), однако Мандельштам не просто освежает антропоморфизацию горы, но и сакрализует образ (отсылки к словам Иоанна Предтечи о Христе, а также к ситуации Нагорной проповеди отмечались неоднократно), то есть гора становится опять же неким «первобытным храмом»-мессией.

В сборнике Гумилева «Колчан» соседствуют два стихотворения храмовой тематики: «Средневековье» и «Падуанский собор». В первом из них изображается строительство каменного храма, во втором – готовый собор, что служит прозрачной отсылкой к храмовому диптиху в мандельштамовском «Камне» («Айя-София» – строительство, «Notre Dame» – законченное здание).

Стихотворение «Падуанский собор», по утверждению А. Ахматовой, было написано в Италии (то есть весной 1912 года. – В.Д.), «но сильно переделано» позднее и опубликовано впервые в сборнике 1915 года «Колчан» [Богомолов 1991: 519]. Мандельштаму в строении собора Notre Dame видятся нервы, ребра, мышцы: «Как некогда Адам, распластывая нервы, / Играет мышцами крестовый легкий свод». При жизни поэтов не публиковалась ранняя редакция первой строфы, но и она, скорее всего, была известна Гумилеву, поскольку новые стихи тогда постоянно обсуждались в «Цехе поэтов» или просто между друзьями-акмеистами:

Ажурных галерей заманчивый пролет –
И, *жилы* вытянув и напрягая нервы,
Как некогда Адам, таинственный и первый,
Играет мышцами крестовый легкий свод.

М. Рубинс отметила, что Гумилев, подобно Мандельштаму, прибегает к физиологическому сравнению в описании падуанского собора [Рубинс 2003: 220]. Действительно, прежде, до текстов Мандельштама, подобных сравнений в творчестве Гумилева не было, но «Падуанский собор» оказался построен на них целиком:

Растет и падает напев органа
И вновь растет полнее и страшней,
Как будто кровь, бунтующая пьяно
В гранитных венах сумрачных церквей.

От пурпура, от мучеников томных,
От белизны их обнаженных тел,
Бежать бы из-под этих сводов темных,
Пока соблазн душой не овладел.

В глухой таверне старого квартала
Сесть на террасе и спросить вина,
Там от воды приморского канала
Совсем зеленой кажется стена.

Скорей! Одно последнее усилие!
Но вдруг слабеешь, выходя на двор, –
Готические башни, словно крылья,
Католицизм в лазури распростер.

В статье «Утро акмеизма» (которая по каким-то причинам не была опубликована в период становления новой группы) Мандельштам писал: «То, что в XIII веке казалось логическим развитием понятия организма – готический собор, – ныне эстетически действует как чудовищное – Notre Dame, – есть праздник физиологии, ее дионисийский разгул» [Мандельштам 2010: 25]. Именно этот дионисийский разгул («кровь, бунтующая пьяно»), неприемлемый для акмеиста-аполлониста, и отпугивает первоначально Гумилева от падуанского собора, расценивается как «искушение», «соблазн». Даже бегство не способно избавить от дионисийского бунта *пьяной* крови: «Сесть на террасе и спросить вина». И лишь вид готических башен собора, подобных крыльям¹, соблазну противостоит. (Это определенно соотносится с утверждением Мандельштама в статье «Утро акмеизма»: «Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить» [Мандельштам 2010: 26]). Кажется, «Падуанский собор» Гумилева помогает понять, почему дионисийское «Утро акмеизма» не появилось в журнале «Аполлон»².

С другой стороны, гумилевское сравнение башен собора с крыльями напоминает стихотворения Мандельштама «Пешеход» («И колокольни я люблю полет!»), «Паденье – неизменный спутник страха...» (оба написаны в 1912 году и впервые опубликованы в 1913-м). А сравнение «напева органа» с «бунтующей пьяно» кровью вызывает в памяти стихотво-

1 В соответствии с духом акмеистической «светлой иронии» поэт, видимо, обыгрывает, подвергая русификации, название города – Падуа (ср. «растет и падает напев органа»): речь идет о «соблазне» *падения*, который в финале преодолевается, сменяется духовным взлетом. Ср. определение храма в программном гумилевском «Средневековье» (предшествующем в «Колчане» «Падуанскому собору»): «гранитнокрылый».

2 Неизвестно, когда эта статья Мандельштама была завершена. Предположим (вместе с современными комментаторами [Мец и др. 2010: 483]), что в начале 1914 года. Заканчивается «Утро акмеизма» неточной цитатой из С. Городецкого: «научимся носить "легче и вольнее подвижные оковы бытия"». У Городецкого: «...вольней и веселее / Носить... » [Мец и др. 1990: 337]. Стихотворение «Дождь», которое Гумилев написал весной 1915-го, заканчивается полигенетической цитатой из соратников-акмеистов: «И душе, несчастнейшей из пленниц, / Так и легче, и вольней». Немного ранее, в конце 1914 года, Гумилев уже цитировал это же стихотворение Городецкого: «Но прелесть ясная живет в сознание, / Что хрупки так оковы бытия, / Как будто женственно все мирозданье / И управляю им всецело я». Из этих стихов тоже понятно, что «оковы бытия» для акмеиста – не проблема.

рение «Бах» (1913): «Разноголосица какая / В трактирах буйных и церквах <...> Органа много-госложный крик...».

Композиция «Падуанского собора» возвращает нас к «Notre Dame»: вначале лирический субъект того и другого стихотворения находится внутри храма и лишь затем бросает на него взгляд снаружи, как бы видя его впервые: «Но выдает себя снаружи тайный план!»

В целом храмовый диптих в «Колчане» является результатом рефлексии Гумилева над «храмовыми» (то есть – акмеистическими) текстами Мандельштама. Добавим, что начальные строки «Падуанского собора» («Да, этот храм и дивен, и печален, / Он — искушение, радость и гроза») отражают мандельштамовское упразднение традиционных смысловых оппозиций, характерное для семантической архитектуры «Notre Dame». Даже само название «Падуанский собор» отсылает к «храмовым» стихам Мандельштама, поскольку он регулярно посвящал тому или иному известному собору целое стихотворение: «Айя-София», «Notre Dame», «На площадь выбежав, свободен...» (1914, о Казанском соборе) и, позднее – «В разноголосице девического хора...» (1916, об Успенском соборе), «Люблю под сводами седая тишины...» (1921, об Исаакиевском) и др. В поэзии же Гумилева «Падуанский собор» – единственный текст, полностью посвященный конкретному реальному храму. В данном направлении – по пути акмеистической точности – Мандельштам пошел дальше основателя акмеизма. «Гроза» во второй строке «Падуанского собора» соответствует второй строфе мандельштамовского стихотворения «Encyclica»: «И голубь не боится грома, / Которым церковь говорит». Впрочем, где в данном случае гром, а где его эхо, разобрать трудно: «Encyclica» была написана в 1914 году и опубликована в 1915-м. Эти строки Мандельштама Гумилев будет цитировать в рецензии на второе издание «Камня» (1916) [Гумилев 1991: III, 160].

Сборник «Колчан» (с «Падуанским собором») вышел в конце 1915 года. А в следующем, 1916-м, году Мандельштам написал два стихотворения, в которых отразился гумилевский «Падуанский собор». Одно из них – знаменитая «Соломинка»: «В огромной комнате

тяжелая Нева, / И голубая кровь струится из *гранита*». Косвенным подтверждением соотнесенности текста «Соломинки» в сознании Мандельштама с Гумилевым служит не только Нева, анаграммирующая слова «вена» (ср. с «гранитными венами» у Гумилева), но и обнаруженная Н. Харджиевым цитата из статьи Т. Готье о Бодлере, в которой приводится ряд имен романтических героинь – «Ленор, Лигейя, Серафита», и тот факт, что Готье, не особенно близкий Мандельштаму, фигурировал в его сознании как любимый автор Гумилева («И Теофиля принял в сонм богов»).

В другом стихотворении 1916 года Мандельштам сопоставляет и противопоставляет два вида опьянения:

О, этот воздух, *смутой пьяный*,
На черной площади Кремля!
Качают шаткий мир смутьяны,
Тревожно пахнут тополя.

.....

А в запечатанных *соборах*,
Где и прохладно, и *темно*,
Как в нежных глиняных амфорах,
Играет русское *вино*.

Успенский, *дивно* округленный,
Весь удивленье райских дуг...

Процитируем «Падуанский собор» еще раз: «Да, этот храм и *дивен*, и печален... Как будто кровь, *бунтующая пьяно* / В гранитных венах *сумрачных церквей*... Бежать бы из-под этих сводов *темных*... Сесть на террасе и спросить *вина*...». Впрочем, в период утверждения акмеизма Гумилев был склонен противопоставлять акмеистическую трезвость символистскому дионисийству – недаром, рецензируя первое издание «Камня» (1913), он особенно выделил стихотворение, в котором автор отказывается от «дионисийства» ради «трезвой беседы»:

Дев полуночных отвага,
И безумных звезд разбег,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлег.

Кто, скажите, мне сознание

Виноградом замутит,
Если явь — Петра создание,
Медный всадник и гранит?

И гораздо лучше бреда
Воспаленной головы —
Звезды, трезвая беседа,
Ветер западный с Невы.

Такое же противопоставление спокойствия, трезвости бреду воспаленной головы стало принципиальным в гумилевской пьесе 1913 года «Актеон», содержащей полемику с дионисийством символистов [Баскер 2000: 126–129]: заглавный герой «говорит восторженно, как в бреду» – в отличие от своего спокойного отца Кадма, строящего храм и город Фивы. Этот гумилевский царь-строитель, не брезгующий физическим трудом (собственно-ручно выворачивающий из земли огромный камень), аналогичен царю-создателю Санкт-Петербурга – Петру, чье имя в переводе с греческого означает «скала, каменная глыба». (Сопоставление гумилевского Кадма с Петром Первым делает и английский исследователь, говоря о мандельштамовском «Адмиралтействе» [Баскер 2000: 131].)

Прямая цитата из Гумилева в черновике стихотворения «О, этот воздух, смутой пьяной...» уничтожает остатки сомнений относительно наличия здесь диалога двух поэтов. В мандельштамовской строке «Архангельский – *чье имя пенье*» заимствуется часть строки «И ты, о нежная, *чье имя – пенье*» из «Канцон», вошедших в «Колчан». Трудно оспорить и синтаксическо-лексический параллелизм начала мандельштамовского черновика («О государстве слишком раннем / *Еще печалится земля*») с началом той же второй канцоны Гумилева:

Об Адонисе с лунной красотой,
О Гиацинте тонком, о Нарциссе
И о Данае, туче золотой,
Еще грустят аттические выси...

Правя черновик, Мандельштам ушел от слишком очевидных цитат из стихотворения своего старшего товарища. Как видим, Г. Иванов был не так уж далек от истины, когда

писал об отношениях Мандельштама и Гумилева: «В дореволюционный период сильнее всего на него влиял Гумилев. Их отношения в творческом плане (в повседневной жизни их связывала ничем не омраченная дружба) были настоящая любовь-ненависть. “Я борюсь с ним, как Иаков с Богом”, – говорил Мандельштам. <...> Странно сказать, почти все лучшие, кристально-просветленные, неподражаемые стихи Мандельштама написаны как бы немного по внушению цеховому, вернее гумилевскому» [Г. Иванов 1994: 618, 619].

Знаменитая мандельштамовская «Бессонница» тоже содержит переключку со второй гумилевской канцоной, где обнаруживаются и море, и Гомер, и любовь, и стаи кочующих (то есть летящих в «чужие рубежи») журавлей:

Грустят валы ямбических морей,
И журавлей кочующие стаи,
И пальма, о которой Одиссей
Рассказывал смущенной Навзикае.

Сравнение людей (кораблей) с журавлиной стаей могло попасть в «Бессонницу» непосредственно из «Илиады» [Террас 1995: 20–21] или из «Божественной комедии» [Нильссон 1995: 68] – говорить о параллелях с текстом Гумилева не было бы оснований, если бы не повторялся целый комплекс мотивов и если бы стихотворения двух поэтов не создавались почти одновременно. Вторая канцона написана Гумилевым 15 апреля 1915 года [Лукницкий 2010: 412], «Бессонница» же писалась Мандельштамом летом 1915-го в Коктебеле. Мандельштам и в дальнейшем (на протяжении всего своего творческого пути) несколько раз цитировал вторую канцону из гумилевского «Колчана».

Точная цитата из второй канцоны в черновике стихотворения «О, этот воздух...» помогает обнаружить гумилевский след и в соседнем тексте Мандельштама – в первой части «московско-соборного» диптиха, начало которой аккумулирует в себе и «хор девичий» из «Беатриче», и «нежный храм» из стихотворения «В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы...» (оба текста вошли в гумилевский сборник 1910 года «Жемчуга»):

В разноголосице *девического хора*
Все *церкви нежные* поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся высокие, дугой.

А строка Мандельштама «Все церкви *нежные поют* на голос свой» переключается все с той же второй канцоной из «Колчана»: «Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь... / И ты, о *нежная*, чье имя – *пенье*, / Чье тело – музыка, и ты идешь / На беспощадное исчезновение». Первые слова этой строфы Гумилева отразятся в финале стихотворения, которое Мандельштам напишет, узнав о гибели друга: «Чище *смерть*, соленее беда, / И земля *правдивей* и страшнее». Пять авторов классической работы полагают, что прилагательные здесь должны были бы (не будь это текстом Мандельштама) поменяться местами: «Часто в последовательности атрибутивных синтагм прилагательные “перепутаны” (*вода... чернее, чище смерть, соленее беда, а земля – правдивей и страшнее*). В таких конструкциях происходит обмен смысловыми признаками, образуются новые смысловые поля» [Левин, Сегал, Тименчик, Топоров, Цивьян 2001: 297].

Именно такие *новые смысловые поля* образуются в переключках Мандельштама и Гумилева при формировании их индивидуальных художественных концепций акмеистического храмостроительства.

Изначально в поэзии юного Гумилева тема создания нового храма была связана с неоязычеством – ницшеанским дионисийством. Прекрасные и могучие молодые короли («Сказка о королях») заявляют: «В вечных песнях, в вечном танце / Мы воздвигнем новый храм. / Пусть пьянящие багрянцы / Точно окна будут нам» (1905). Однако стихотворение того же года «Иногда я бываю печален...», которое уже нельзя назвать однозначно ницшеанским, также разрабатывает тему храма – и здесь уже возникают понятия, в гумилевском сознании с данной темой тесно взаимосвязанные. Это труд, борьба, мессианизм, печаль, самопожертвование, грядущая радость:

Иногда я бываю печален,
Я, забытый, покинутый бог,
Созидающий в груди развалин

Старых храмов — грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста:
Не навек ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною неясно,
Где-то там, в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.

«Брат усталый и бледный, трудися!
Принеси себя в жертву земле,
Если хочешь, чтоб горные выси
Загорелись в полуночной мгле.

Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми,
Дни безмолвной и жгучей печали
В свое мощное сердце возьми.

Жертвой будь голубой, предрассветной...
В темных безднах беззвучно сгори...
...И ты будешь Звездой Обетной,
Возвещающей близость зари».

«Печален» первой строки повторится в той же позиции (конец первого стиха), но уже по отношению к храму в «Падуанском соборе» (1915): «Да, этот храм и дивен, и печален», — а в поздней «Памяти» (1921) строитель храма будет «угрюмым».

Известный мессианизм Гумилева питается одновременно ницшеанством и христианством. «Порывисто-страстный» голос «в высоте голубой» должен, казалось бы, принадлежать гумилевскому Заратустре, поскольку тот — «Сын голубой высоты» («Песнь Заратустры»), также вошедшая в сборник 1905 года «Путь конквистадоров») и называет своих последователей «братьями». Строка «Принеси себя в жертву земле» явно восходит к «Предисловию Заратустры» в знаменитой книге Ницше: «Я люблю тех, кто не ищет за звездами основания, чтобы погибнуть и сделаться жертвою: а *приносит себя в жертву земле*, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека» [Ницше 1990: 14]¹. Но гумилевский 1 Гумилев читал Ницше в переводе, видимо, Ю. Антоновского — см.: [Лукницкая 1990: 37].

Заратустра провозглашал: «Горе обнявшим печаль!», новый же «голос», напротив, призывает зодчего: «Дни безмолвной и жгучей печали / В свое мощное сердце возьми». «Груде развалин» старых храмов соответствует «опустевший дом» в следующем (и последнем в сборнике) псевдогоготическом стихотворении «По стенам опустевшего дома...». Но если в «Иногда...» бог — «забытый», то в «По стенам...» он уже убитый: жалкие, больные гномы, убившие своего хозяина, — это образы, полемически напоминающие о ницшеанском сюжете (*бог, убитый человеком*). Полемика с тезисом «Бог умер!» будет продолжена Гумилевым в манифесте акмеизма: «Здесь Бог становится Богом Живым, потому что человек почувствовал себя достойным такого Бога» [Гумилев 1991: III, 18]. Однако акмеистический пафос возвращения с «чужого неба» на землю навеян не в последнюю очередь ницшеанством, как и константная для Гумилева мысль о возможности свободной смерти.

В драматической поэме «Гондла» заглавный герой, мечтавший о построении христианских храмов, приносит себя в жертву, закалываясь ради того, чтобы обратиться в новую веру язычников-исландцев. «Произнеся Христово имя», бросается вниз со страшной высоты строящегося собора Святой Софии Трапезондский царь: так в «Отравленной тунике» возрождается представление о «строительной жертве», выраженное Гумилевым впервые в стихотворении «Иногда я бываю печален...».

Мандельштаму же оказалась близкой не только тема создания, но и тема *воссоздания* храма. По поводу «Айя-Софии» еще не совсем верно было бы говорить о воссоздании как таковом, но строители константинопольского собора используют элементы античного храма Дианы в Эфесе: «Сто семь зеленых мраморных столбов». Непосредственно о воссоздании храма (вызывающего ассоциацию с Соломоновым) говорится в стихотворении «Среди священников левитом молодым...» (1917): «И храм разрушенный угрюмо созидался». Справедливой представляется нам мысль, что эта строка отозвалась позднее в стихотворении Гумилева «Память»: «Я — угрюмый и упрямый зодчий / Храма, восстающего во мгле» [Мец 2009: 561].

Начальный стих второй строфы «Трудно храмы воздвигнуть из пепла» вместе со следующим ниже «Брат усталый и бледный, трудися!» впервые обозначают тему, которая так же, как тема зодчества, станет программно-акмеистической: в манифесте нового поэтического направления Гумилев будет писать о «сравнительной “прекрасной трудности” двух течений: акмеистом *труднее* быть, чем символистом, как *труднее* построить собор, чем башню» [Гумилев 1991: III, 17]. Ряд продолжают образы труженика-строителя Кадма в пьесе «Актеон», масонов первой редакции «Пятистопных ямбов» («И вместе нам работать веселей»), «Средневековья» («В ночи работали масоны»)¹. С гумилевским призывом к «прекрасной трудности» несомненно перекликается финал «Notre Dame»: «...из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам» – особенно если учесть, что два манифеста акмеизма писались почти одновременно.

Написанные в период утверждения акмеизма «Пятистопные ямбы» (1913) синтезируют элементы двух текстов о создании храма в «Пути конквистадоров»: из «Сказки о королях» берется дружеское «мы» и *радость* созидания («Нас много здесь собралось с молотками, / И вместе нам работать веселей; / Одна любовь сковала нас цепями, / Что адаманта тверже и светлей»), но отвергается ницшеанское дионисийство. Вместо него утверждается *адамитизм* («мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь»), на который прозрачно намекает *твердый и светлый адамант*.

История России и мира не позволила расцвести акмеистической радости. В поздних произведениях Гумилева («Отравленная туника», «Заблудившийся трамвай», «Память») автопсихологический либо лирический герой угрюм. В «Памяти» на смену акмеистическому местоимению «мы» приходит «я», но индивидуальный мессианизм пересекается теперь с православным:

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

1 О соотношении творчества акмеистов и масонства см.: [Ronen 1983: 122–125, 194–199]; [Богомолов 1991: 516–517]; [Богомолов 1992: 46–51]; [Йованович 1992: 32–46]; [Баскерв 2000: 134–140] и др.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

«Угрюмое» одиночество зодчего не абсолютно еще и потому, что текст содержит указанную аллюзию на стихотворение Мандельштама, со-трудника-созидателя.

В эволюции образа гумилевского храма выявляются три основных этапа. На каждом из них храм тесно связан с земным, природным миром. Интересно, однако, проследить, как четко и системно отражаются в поэзии Гумилева изменения его мировоззрения. Первый этап («Путь конквистадоров» – «Жемчуга») предполагает, что храмом, собственно, и должен быть земной мир, природа, океан: «Природа будет храм»; «Невестой вашей будет Вечность, / А храмом – мир»; «Вы все, паладины Зеленого Храма...».

На втором, акмеистическом этапе уже вполне осознаётся, что храм связывает землю и небо. В первой, «масонской», редакции «Пятистопных ямбов» (1913) зодчий-акмеист «набожно возводит стены храма, / Угодно-го земле и небесам». Несмотря на эту набожность зодчего, земля все-таки называется раньше неба. Во второй, «православной» редакции (1915) лирический герой Гумилева мечтает уйти в монастырь, но не в любой, а в стоящий на берегу моря: «Смотреть на ширь воды и неба ширь!» Ширь воды у автора «Капитанов» и «Открытия Америки» опять-таки предшествует здесь шире неба.

На третьем этапе («Костер» – «Огненный столп») храм принадлежит преимущественно небу: «Храм Твой, Господи, в небесах, / Но земля тоже твой приют»; «Верной твердынею православья / Врезан Исакий в вышине»; «Я возревновал о славе Отчей, / Как на небесах, и на земле». Окончательная формула отношений между небом и землей заимствуется из молитвы. Неопределенности, «неясности» представлений о высшей силе на первом этапе («И тогда надо мною *неясно* / *Где-то там*, в высоте голубой, / *Чей-то* голос порывисто-страстный...») противопоставляется ясность третьего, «твердого», «верного» и «упрямого» этапа: «Крест над церковью взне-

сен, / Символ власти ясной, Отческой» («Городок», сборник «Костер»); «взойдут, ясны / Стены Нового Иерусалима».

Имеет свои образно-тематические константы, не всегда совпадающие с гумилевскими, и корпус «храмовых» текстов Мандельштама. Первая из них – адамистическая игра: «Стоит базилика – и, радостный и первый, / Как некогда Адам, распластывая нервы, / Играет мышцами крестовый легкий свод». Представление об адамизме как радостной игре имеет своим истоком протоакмеистические стихотворения Гумилева «Сон Адама» («Тенистые отмели манят для игр. / И в полдень, пьяны запахом камеди, / Кувыркаются рыжие медведи. / И в юном мире юноша Адам, / Я улыбаюсь птицам и плодам, / И знаю я, что вечером, играя, / Пройдет Христос-младенец по водам, / Блеснет сиянье розового рая») и «Баллада». Игра мыслится райским или предвосхищающим райское состоянием.

«Пятистопные ямбы» содержат игру слов, о которой мы упоминали (адамантизм – адамизм). Подобной игрой слов, звуков, значений многое определяется в храмовом диптихе мандельштамовского «Камня». Например, подразумеваемые рифмы Notre Dame – Адам – создам (– Мандельштам), превращение нервюров в «нервы», сквозная аллитерация текста «Notre Dame» сочетанием звуков «ст» (этих сочетаний целых 15), которая намекает на слово «строительство» (его нет в стихотворении, но оно, вместе с однокоренными, много раз повторяется в «Утре акмеизма»). Аналогичным образом строится текст «Айя-Софии»: сквозная аллитерация на звуки «сф» («И всем векам – пример Юстиниана», «Позволила эфесская Диана», «И мудрое сферическое зданье», «И серафимов гулкое рыданье»), игра лексических значений: архитектурные паруса – паруса корабельные («На парусах, под куполом, четыре / Архангела» после стиха «Прекрасен храм, купающийся в мире» с его ассоциативным подтекстом «купающийся в море»), сближение созвучных слов (купол – купающийся) и слов, близких по смыслу в контексте адамизма (купаться – играть; вспомним еще раз гумилевскую строку «Тенистые отмели манят для игр»), перевод названия храма (София – «мудрое»), значение имени Юстиниан (справед-

ливый), соотносящееся с акмеистическими идеями суда («судил Господь», «судия судил», «площадь Судилища», акмеизм как «суд над поэзией») и правоты: «Правый / Перед собой, не знаю я обид» (первая редакция «Пятистопных ямбов»); «Виллон поведал нам о жизни, нимало не сомневающейся в самой себе» [Гумилев 1991: III, 19–20]; «Зодчий говорит: я строю, значит, я прав. Сознание своей правоты нам дороже всего в поэзии...» [Мандельштам 2010: 23].

«Игра» и однокоренные слова часто появляются в «храмовых» стихах Мандельштама: «Все причащаются, играют и поют» («Вот дароносица, как солнце золотое...», 1915), «Играет русское вино» («О, этот воздух, смутой пьяный...», 1916), «С разрезанною розой в колесе / Играли рыбы» («Я видел озеро, стоявшее отвесно», 1937). Христианское искусство, писал Мандельштам в статье «Скрябин и христианство» (1917?) – это «<r>адостное богобщение, как бы игра Отца с детьми, жмурки и прятки духа» [Мандельштам 2010, с. 37].

Особый вид вербальной игры Мандельштама – насыщение «храмовых» текстов словами, начинающимися с буквы «а»: Айя-София, апсиды, архангелы («Айя-София»), арки («Notre Dame»), Адам, акмеизм, архитектура, «А = А» («Утро акмеизма»), апостольское созвучье («Encyclica», 1914), снова архангелы, акрополь, Аврора («В разноголосице...», 1916), Архангельский собор («О, этот воздух...», 1916), апостольские церкви («В хрустальном омуте...», 1919), амбары («Люблю под сводами...», 1921). Некоторые слова на «а» в тексте отсутствуют, но подразумеваются, например, имя девственницы Артемиды-Дианы (сестры-близнеца Аполлона) в «Айя-Софии»: символистскому дионисийству акмеисты противопоставляют не только аполлонизм, но и целомудренный «артемидизм»-«дианизм».

Понятно, что обилие начального «а» в «храмовых» (то есть, акмеистических) стихах Мандельштама обусловлено архитектурностью акмеизма-адамизма. В этот ряд вписывается также «Адмиралтейство» (1913). А сами анафорические варианты наименования нового поэтического течения были, видимо, предопределены особым значением буквы «а» для Гумилева: Анна Ахматова, журнал

«Аполлон», Африка, Америка... Подразумеваемый общий смысл настойчивого звукового повтора – идея новизны, чистоты, начала: «а», «альфа» как первая буква. Статья «Утро акмеизма» заканчивается призывом: «Будем же доказывать свою правоту так, чтобы в ответ нам содрогалась вся цепь причин и следствий от альфы до омеги...» [Мандельштам 2010: 26]. Конкретизациями общей идеи *начала* у двух акмеистов становятся адамизм, утро, весна, чистота, девственность, детство.

1. Адамизм. Адам может пониматься как библейский, африканский, первобытный или будущий. В первом варианте «Пятистопных ямбов» «ветшающему Адаму» противопоставляется Адам новый, символизируемый адамантом. Африканские увлечения Гумилева адамизму предшествовали. Адамизму как свежему, первобытному мироощущению соответствует акмеистический «каменный век» слова, поскольку в акмеизме слово впервые «вступает в каменный век своего существования» [Мандельштам 2010: 23].

2. Начало дня, утро. В стихах Гумилева храм строится чаще всего ночью, «во мгле» («Память»), и этот труд является залогом будущего рассвета: «В темных безднах беззвучно сгори <...> И ты будешь Звездой Обетной, / Возвещающей близость зари» («Иногда я бываю печален...»), «В ночи работали масоны» («Средневековье»). Для Мандельштама-акмеиста утро уже наступило: «Когда показывают восемь / Часы собора-исполина...» (1912?), «Утро акмеизма», «явление Авроры» («В разноголосице...»).

3. Начало годового природного цикла: «Земных зеленых весен красота» («Пятистопные ямбы», 1913), «Творят закон святого сева» («Средневековье»), «Точно благовест Твой, весна / По веселым идет полям» («Храм Твой, Господи, в небесах...», 1917).

4. Чистота, девственность, *целомудренность*: целомудренность Дианы, гармонирующая с *мудростью* здания Айя-Софии, образ Дианы в «Актеоне» и упрек в нецеломудренности, брошенный Гумилевым символистам («Наследие символизма и акмеизм»), «целомудренно построенный ковчег» («Адмиралтейство»), «В разноголосице девического хора...».

Противопоставление «девичьего» хора дионисийским менадам было уже в гумилевских «Жемчугах» (1910): «И чтоб не хор менад, а хор девичий / Пел красоту твоих печальных губ». А свои задачи «новый Адам» не забывал и в период «Костра» (1918): «Лишь девственные наименованья / Поэтам разрешаются отсель».

5. Начало жизни: «Пройдет Христос-младенец по водам» («Баллада», 1910); «Мария держит Сына Своего, / Кудрявого, с румянцем благородным, / Такие дети в ночь под Рождество, / Наверно, сняты женщинам бесплодным» («Фра Беато Анджелико», 1912); «Детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания – вот то, что нам дает неведомое» («Наследие символизма и акмеизм», 1913); «...Мы смело можем быть как дети, / Любить друг друга, Женевьева» («Средневековье», 1915).

Согласно Мандельштаму, храм музыкален и динамичен: «Разве готика не торжество динамики?» [Мандельштам 2010: 20]. Гумилевский храм динамичен скорее в том смысле, что он строится, растет («Всё выше храм, торжественный и дивный») и, обладая крыльями, способен взлететь. Живой храм Мандельштама «играет мышцами» («Notre Dame»), бегаёт («На площадь выбежав, свободен...») и т.д. Музыкальность свойственна раннеакмеистическому храму Гумилева («В нем дышит ладан и поет орган»), но вскоре поэт отказывается от этого варианта текста «Пятистопных ямбов», а в «Падуанском соборе» уже расценивает «напев органа» как «искушенье». В годы войны мировоззрение Гумилева приблизилось к православию, в храмах которого допустимо пение, но нет места музыкальным инструментам. Для Мандельштама «христианское искусство свободно» («Скрябин и христианство»), он вновь и вновь наполняет свои храмы музыкой – органной, колокольной или хоровой: «Бах», «Реймс и Кёльн», «Вот дароносица, как солнце золотое...», «В разноголосице девического хора...», «В хрустальном омуте какая крутизна!», «Люблю под сводами седья тишины...».

В годы лишений и голода открывается способность «Господнего слова» и храма ста-

новиться хлебом. Раньше это чувствует фронтовик Гумилев: «...Мы не ели четыре дня. // Но не надо яства земного / В этот страшный и светлый час, / Оттого, что Господне слово / Лучше хлеба питает нас». Мандельштам понимает это в голодные послереволюционные годы: «Словно хлебные Софии / С херувимского стола / Круглым жаром налитые / Подымают купола» («Как растет хлебов опара...», 1922). Так развиваются образы стихотворения, написанного Мандельштамом годом ранее: «Соборы вечные Софии и Петра, / Амбары воздуха и света, / Зернохранилища вселенского добра / И риги Нового завета»¹ («Люблю под сводами...», 1921). Кроме «зерна глубокой, полной веры» храмы Мандельштама содержат вино («О, этот воздух...», 1916) и мед («Все чуждо нам в столице непотребной...», 1918; «Армения», 1930).

Для обоих поэтов важной была акмеистическая идея *равновесия*. Оба неоднократно писали о нем в своих статьях («Наследие символизма и акмеизм», «Франсуа Виллон», «Утро акмеизма»). Это понятие связано почти со всеми элементами акмеистической картины мира [Лекманов 2000: 55–89, 121–122]. «Храмовым» же стихам двух акмеистов свойствен мотив блаженного, «великолепного» зависания или подвешенности. Впервые мотив появляется у Гумилева в стихотворении 1911 года «Я верил, я думал...»:

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой... висит и приветно звенит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

Видимо, это стихотворение понравилось не только А. Блоку, но и Мандельштаму. Образу пагоды в гумилевском тексте предшествует тема неизбежного страшного падения лирического героя, которая варьируется во многих стихах раннего Мандельштама; образ сердца – фарфорового колокольчика тоже должен был заинтересовать творца миниатюрно-игрушечных художественных миров, 1 Ср. строку в сонете «Судный день», посвященном Гумилевым Вячеславу Иванову: «И станет храмом брошенная рига».

не верящего в то, что сам он «настоящий», а эмалевое небо уже появлялось в мандельштамовском стихотворении 1909 года «На бледно-голубой эмали...». Кроме того, нельзя не услышать «перезвон» между гумилевским сердцем-колокольчиком и финалом стихотворения Мандельштама «Скудный луч, холодной мерою...», написанного в том же 1911 году. Текст Гумилева завершается словами «легкие, легкие звоны» (сердца), стихотворение Мандельштама – строкой «Дум туманный перезвон». В следующем, 1912 году Мандельштам пишет сонет «Пешеход», финал которого полемичен по отношению к стихотворению «Я верил, я думал...» с его онейрической отменой падения в «Бездну»: «И вся моя душа – в колоколах, / Но музыка от бездны не спасет»².

В «храмовых» стихах Мандельштама мотив блаженно-прекрасной подвешенности развивается с 1912 года: «Ведь купол твой, по слову очевидца, / Как на цепи подвешен к небесам» («Айя-София»), «Вот дароносица, как солнце золотое, / Повисла в воздухе – великолепный миг» (1915), «И сумасшедших скал ключие соборы / Повисли в воздухе, где шерсть и тишина. // С висячей лестницы пророков и царей / Спускается орган <...>» («В хрустальном омуте...», 1919).

Мироощущение Мандельштама двигалось от «легкого креста» («Воздух пасмурный влажен и гулок...», 1911) через образ легкого храма – «Играет мышцами крестовый легкий свод» («Notre Dame», 1912), «И распластался храм Господень, / Как легкий крестовик-паяк...» («На площадь выбежав, свободен...», 1914) – к ощущению бремени социально-исторической тяжести, которая потребовала от человека новой твердости, твердости алмаза (статья «О природе слова», 1922). Спустя десять лет после возникновения акмеизма, после мировой войны и революции, Мандельштам констатирует, насколько своевремен-

² Следующим во втором «Камне» идет сонет «Казино», где снова «бездна» и снова — гумилевская: «Ложится якорь на морское дно, / И бездыханная, как полотно, / Душа висит над бездною проклятой». Эта «бездна проклятая» взята из поэмы «Открытие Америки» (поэмы, которую Мандельштам уже цитировал в своей «Раковине»): «Солнце в бездне моется проклятой». Мандельштам подчеркивает изменение смысла цитируемого словосочетания, поскольку у Гумилева — бездна морская, а в «Казино» «бездная проклятая» появляется после упоминания *морского дна*. Ср. в той же поэме: «Парусов чинили полотно».

ным был гумилевский призыв к адамистическому мужественно твердому взгляду на жизнь [Мандельштам 2010: 80].

Проявлением акмеистической точности стали в поэзии Мандельштама цифры (которых лишены «храмовые» стихи основателя акмеизма): «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912), «Сто семь зеленых мраморных столбов», «сорок окон», «четыре архангела» («Айя-София», 1912), «Когда показывают восемь / Часы собора-исполина...» (1912?), «Лишь цифры значатся псалмов», «Что звук? Шестнадцатые доли» («Бах», 1913), «И пяти-главые московские соборы» («В разногололице...», 1916), «Глазели внутрь трех лающих порталов...» («Я видел озеро, стоявшее отвесно...», 1937) и т.д.

Первое издание «Камня» акцентировало соотнесенность с цифрами именно «храмовых» стихов: только в диптихе «Айя-София» – «Notre Dame» автор пронумеровал строфы. Этой нумерацией подчеркиваются в диптихе смысловые параллели между строфами одного порядкового номера. Так, в первой строфе обеих частей диптиха говорится о «куполе», «своде»: верхняя строфа является визуальным аналогом верхней части храма. Стихотворение-храм, в отличие от храма обычного, начинается создаваться не снизу, а сверху, поэтому купол, свод первоначально словно «подвешен к небесам», держится благодаря усилию поэта (акмеиста-адамиста, играющего мышцами). Вторая строфа в обеих частях диптиха посвящена опорной части храма: «мраморные столбы» (колонны) в «Айя-Софии», «подпружные арки» собора Notre Dame. Третья строфа обоих стихотворений характеризует душу и рассудок создателей двух храмов: «Куда ж стремился твой строитель щедрый, / Когда, душой и помысломъ высок...», «*Души готической рассудочная пропасть*». Особое значение имеет четвертая строфа. Именно в четвертой строфе «Айя-Софии» упоминаются 40 окон и 4 архангела – то есть цифра 4 данной строфой так или иначе актуализируется трижды. При этом в обеих четвертых строфах диптиха говорится о «прекрасном» — исходя из чего можно предположить архитектурно-эстетическую семантику, стоящую для акмеистов за цифрой 4.

С цифрами связаны акмеистические темы времени (противопоставленного вечности), мастерства, измерения. Мандельштам-акмеист «Развеселился наконец, / Измерил духа совершенство...» (1912?). Акмеистов было шесть, поэтому, вероятно, обе программно-акмеистические статьи Мандельштама, «Утро акмеизма» и «Франсуа Виллон», состоят из шести частей, шестистишием является рубежное для поэта стихотворение «Нет, не луна, а светлый циферблат...», из шестистиший состоят гумилевские «Пятистопные ямбы», шестистишным ямбом написаны «Notre Dame» и «дмиралтейство».

В «Утре акмеизма» Мандельштам сравнил поэта с математиком: «Зрелище математика, не задумываясь возводящего в квадрат какое-нибудь десятизначное число, наполняет нас некоторым удивлением. Но слишком часто мы упускаем из виду, что поэт возводит явление в десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает» [Мандельштам 2010: 22]. Попробуем взглянуть под этим углом зрения лишь на один – математический – аспект уплотненной реальности стихотворения «Айя-София». Если суммировать числительные, которые в нем присутствуют, получим число 151 («сто семь» плюс «сорок» плюс «четыре»). Это количество псалмов в Псалтири¹ греческого (и русского православного) варианта Библии. Псалмы, псалмопевец – значимая часть как «храмовых» стихов Мандельштама («Крутое “Верую” и псалмопевца роздых»; «Замечательные луковицы-стекла – / Прозорливцу дар от псалмопевца...»), так и акмеистических текстов Гумилева: «Все спокойно под небом ясным; / Вот, окончив псалом последний, / Возвращаются дети в красном / По домам от поздней обедни» («Пиза»); «Здесь священник в рясе дырявой / Умиленно поет псалом» («Смерть»); «Капли в лужах плещутся размерней / И бормочут свой псалом, / Как монашенки в часы вечерни, / Торопливым голоском. // Слава, слава небу в тучах черных!» («Дождь»); «Я ничего не понимаю, горы: / Ваш гимн поет кощунство иль псалом..» («Норвежские 1 «Хвала, хваление, хвалебная песнь» [Библейская энциклопедия 1990: 584].

горы»). В поздней статье «Читатель» Гумилев апеллирует к «псалмопевцу», в статье «Анатомия стихотворения» (1921) называет богослужение «конденсированной поэзией» и анализирует варианты славословия «аллилуйя» [Гумилев 1991: III, 23, 27–28]. Даже далекая от ликований Анна Ахматова гордилась тем, что превратила мужчину в «царя Давида» (который считается автором большей части Псалтири): «Молчит, а ликует, как царь Давид» («Со дня Купальницы-Аграфены...», 1913).

Акмеист – это псалмопевец, славящий не только Творца, но и его творение, о чем писал в 1913 году С. Городецкий, обращаясь к Гумилеву-«Адаму» в посвященном ему восьмистишии: «Подвиг новый – / Всему живому петь хвалы» [Городецкий 1987: 309]. Гумилев ответил ему в рецензии на сборник «Цветущий посох»: «Сергей Городецкий уже нашел возможность благословить всё; это деятельное любование – лучшее открытие нашего молодого века» [Гумилев 1991: III, 137], – откликаясь на другое восьмистишие соратника по акмеизму, содержащее строку «Миру хвалу мы поем!». Пел хвалу миру и еще один акмеист – В. Нарбут, автор сборника «Аллилуйя» (1912). В этом свете число 151, обнаруженное нами в подтексте «Айя-Софии», выглядит далеко не случайным.

В четвертой строфе «Айя-Софии» Мандельштам, как уже отмечалось, утверждал: «На парусах, под куполом, четыре / Архангела – прекраснее всего». У Гумилева было устойчивое пристрастие к числу «четыре». В манифесте он, например, писал о четырех «стихиях» акмеизма [Гумилев 1991: III, 19–20]. Храм, согласно акмеистам, причастен всем четырем природным стихиям: земле / камню, огню / свету, воздуху / небу и воде.

Со стихией воды храм и Гумилевым, и Мандельштамом связывался еще до акмеизма. Традиционным образом храма-корабля Мандельштам пользовался в 1910 году («Убиты медью вечерней...»): «И храм, как корабль огромный, / Несется в пучине веков». Гумилев чуть раньше назвал «Зеленым Храмом» мировой океан («Капитаны», 1909), а Мандельштам в период акмеизма гумилевское сравнение перевернул: «Еще вопрос, что более подвижно,

более текуче – готический собор или океанская зыбь» (статья «Франсуа Виллон» [Мандельштам 2010: 20]). Собор не готический – купается в мире («Айя-София»). Храм является источником неисчерпаемого струящегося веселия («Вот дароносица...», 1915). И позднее: «Я христианства пью холодный горный воздух» («В хрустальном омуте...», 1919), «И в ветхом неводе генисаретский мрак» («Люблю под сводами...», 1921), «Я видел озеро, стоявшее отвесно...» (1937).

Стихией огня / света охвачены зодчие и храмы Гумилева: «В темных безднах беззвучно сгори...» («Иногда я бываю печален...»), «облак переливный / Свечей и солнца – радужный туман» («Пятистопные ямбы», 1913), «Горели огненные знаки» («Средневековье», 1915), «воздух / Пронизан был полуденным пылающим» («Отравленная туника», 1918), «Сердце будет пламенем палимо» («Память», 1921). У Мандельштама чаще речь идет о света торжестве («Айя-София»), вечном полдне («Вот дароносица...»), но есть и «огонь»: «Повсюду скрытое горенье, / В кувшинах спрятанный огонь» («О, этот воздух, смутой пьяный...»).

О земле / камне и о воздухе / небе писать, вероятно, излишне. В «Адмиралтействе» Мандельштам сформулировал: «Нам четырех стихий приязненно господство, / Но создал пятую свободный человек», понимая под пятой стихией красоту, прекрасное: «Прекрасен храм, купающийся в мире», «И я когда-нибудь прекрасное создам», «Но в старом Кёльне тоже есть собор, / Неконченный и все-таки прекрасный...» («Реймс и Кёльн», 1914).

Как видим, акмеистический собор не только совмещает все четыре природные стихии, но и собирает четыре вида живого: Божественное («Здесь Бог становится Богом Живым» [Гумилев 1991: III, 18]), человеческое (как мужское, так и женское), животное (от легких насекомых до чудовищных гарпий, Левиафана, Бегемота), растительное (от цветов до дуба), – становясь, таким образом, выражением полноты Бытия.

Библиографический список

- Баскер М. «Далекое озеро Чад» Николая Гумилева (К эволюции акмеистической поэтики) // Гумилевские чтения. Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 1996. С. 125-137.
- Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000.
- Библейская энциклопедия. М.: Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990.
- Богомоллов Н.А. Батюшков, Мандельштам, Гумилев. Заметки к теме // Богомоллов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 104-118.
- Богомоллов Н.А. Вокруг «серебряного века». Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Богомоллов Н.А. Окультные мотивы в творчестве Гумилева. De Visu. 1992. № 10. С. 46–51.
- Богомоллов Н.А. Примечания // Гумилев Н. Сочинения в 3 томах. Т. 1. М.: «Художественная литература», 1991. С. 477-577.
- Гаспаров М.Л. «Восьмистишия» Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.). М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2001. С. 47-54.
- Городецкий С. Избранные произведения в 2 тт. Т. 1. Стихотворения. М.: «Художественная литература», 1987.
- Гумилев Н. Соч. в 3 тт. Т. 3. М.: «Художественная литература», 1991.
- Иванов Г. Осип Мандельштам // Иванов Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М.: «Согласие», 1994. С. 615-628.
- Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992. С. 32–46.
- Клинг О. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010.
- Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта... С. 282-316.
- Левинтон Г.А. Ремизовский подтекст в «Четвертой прозе» // Лотмановский сборник. [Вып. 1]. М.: ИЦ «Гарант», 1995. С. 596-610.
- Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Издательство «Водолей», 2000.
- Липкин С.И. Квадрига. М.: Издательство «Аграф, Издательство «Книжный сад», 1997.
- Лукницкая В.К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990.
- Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилева. (Под общей редакцией Ю.В. Зобнина). СПб.: «Наука», 2010.
- Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М.: «Московский рабочий», 1990.
- Мандельштам Н.Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Мандельштам О. Стихотворения. М.: Республика, 1992. С. 394-494.
- Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем в 3 тт. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011.
- Меднис Н.Е. Феномен наложения локусов в русской литературе XIX – начала XX века // Диалог культур: поэтика локального текста. Материалы международной научной конференции. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского университета, 2009. С. 34-46.
- Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. М., 2009. С. 517-735.
- Мец А.Г., Василенко С.В., Фрейдин Ю.Л. Комментарий // Мандельштам О. Камень. Л.: «Наука», 1990. С. 286-309.
- Мец А.Г., Лоэст Ф., Добрицин А.А., Нерлер П.М., Степанова Л.Г., Левинтон Г.А. Комментарии // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. М., 2010. С. 471-744.

- Минц З.Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока // Минц З.Г. Поэтика Александра Блока. СПб.: «Искусство-СПБ», 1999. С. 362-388.
- Нильссон Н.А. «Бессонница» // Мандельштам и античность. Сборник статей под ред. О.А. Лекманова. М.: «Радикс», 1995. С. 65-76.
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Перевод Ю.М. Антоновского. М.: Издательство Московского Университета, 1990.
- Образ Гумилева в советской и эмигрантской поэзии. (Составление, предисловие, комментарии В. Крейда). М.: «Молодая гвардия», 2004.
- Ронен О. Осип Мандельштам // Мандельштам О. Стихотворения. М., 1992. С. 495-538.
- Рубинс М. «Пластическая радость красоты». Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб.: Академический проект, 2003.
- Сегал Д. Литература как охранная грамота. М.: Водолей Publishers, 2006.
- Степанов Е. Николай Гумилев. Хроника // Гумилев Н. Сочинения в 3 тт. Т. 3. М., 1991. С. 344-429.
- Струве Г.П. Примечания к пьесам // Гумилев Н. Собр. соч. в 4 тт. Т. 3. Вашингтон: Издательство книжного магазина Victor Kamkin, Inc., 1966 – М.: «Терра» - «Terra», 1991. С. 229-292.
- Террас В.И. Классические мотивы в поэзии Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность. С. 12-32.
- Тименчик Р.Д. Принципы цитирования у Ахматовой в сопоставлении с Блоком // Тезисы 1 Всесоюзной (3) конференции «Творчество А.А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 124-127.
- Тименчик Р.Д. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: «Гешарим», Москва: «Мосты культуры», [2009].
- Шиндин С.Г. Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Гумилева: К рецепции образа Айя-Софии в культуре «Серебряного века» // В.Я. Брюсов и русский модернизм. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 194-203.
- Щербаков Р.Л. Примечания // Гумилев Н. Соч. В 3 тт. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1991. С. 395-477.
- Basker M. Gumilyov's: «Akteon»: A Forgotten Manifesto of Acmeism // The Slavonic and East European Review. Vol. 63. 1985. № 4. Pp. 498-517.
- Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem: The Magnes Press / Hebrew University, 1983.
- Steiner P. Poem as Manifesto: Mandel'shtam's "Notre Dame" // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 3. Pp. 239-256.

V. V. Desyatov
Altai State University
Russia, Barnaul

ACMEISTIC TEMPLE: FRAGMENTS OF A DIALOGUE BETWEEN NIKOLAI GUMILEV AND OSIP MANDELSTAM

Abstract. In the article numerous allusions and direct citations that reciprocally reveal an intensive dialogue between the two Acmeist poets are pointed out and examined. The data are extracted from O. Mandelstam's and N. Gumilev's poems and articles, as well as the latter's narrative poems and plays: mostly texts with references to temples, with which Acmeists strongly identified their creative work on poetic as well as thematic levels. Since the erection of a temple is a recurrent image in Gumilev's works throughout his lifetime, it is easy to assume that Mandelstam's poems like Notre Dame, Hagia Sophia [Aya-Sofiya], and others can be seen as responses to the leader of Acmeists from his loyal disciple. Mandelstam tends to follow Gumilev's lead in this dialogue, developing and detailing his 'architectural philologism'. However, he also sympathizes with the idea of rebuilding a temple, the topic becoming even more pronounced after Gumilev's untimely death.

Keywords: N. Gumilev, O. Mandelstam, Acmeism, quote, allusion, dialogue, organic poetics.

Раздел 2

От К до Л ('како' - 'люди')

В. Н. Карпухина

Современная детская литература в политически корректном дискурсе: лингвоаксиологический аспект

Аннотация. Статья посвящена функционированию текстов новейшей детской литературы в политически корректном дискурсе современного общества. Объектом исследования служат тексты русскоязычной и англоязычной детской литературы, предмет исследования – лингвоаксиологические изменения данных текстов в рамках политически корректного дискурса. Основная цель статьи – рассмотреть тексты новейшей детской литературы, зачастую выступающие сегодня в качестве успешного коммерческого проекта в массовой культуре и формирующие релятивные аксиологические установки мультикультурного общества у целевой аудитории. В статье рассматриваются некоторые из основных (конститутивных) компонентов политически корректного дискурса, формирующих новую аксиологическую шкалу в текстах современной детской литературы. В работе выдвигается гипотеза о том, что в русской лингвокультуре политкорректный дискурс пока практически не функционирует. Исследование показало, что современная русскоязычная детская литература пока только входит в политически корректный дискурс, тогда как англоязычная детская литература активно функционирует в рамках данного дискурса. В результате исследования было выявлено, что такие современные авторы детской литературы на русском языке, как Борис Акунин и Глория Му, в текстах «Детской книги» и «Детской книги для девочек» используют нарративные стратегии, выявляющие непрямую ироническую оценку по отношению к ситуациям, дискурсивным формулам и правилам их функционирования в политически корректном дискурсе современного многополярного общества. В классических традициях русскоязычной детской литературы, обновленных в игровых ситуациях постмодернизма, Борис Акунин и Глория Му показывают релятивность аксиологической шкалы современного поликультурного социума, иронически представляя феномен политкорректности с критической точки зрения персонажей-подростков.

Ключевые слова: политически корректный дискурс, современная детская литература, лингвоаксиология.

Карпухина Виктория Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков

Алтайский государственный университет (Барнаул)

E-mail: vkarpuhina@yandex.ru

Новые аксиологические установки политически корректного дискурса в современном мультикультурном обществе существенно влияют на лингвоаксиологические характеристики современной детской литературы и, в частности, на ее язык. Статья посвящена функционированию текстов новейшей детской литературы в политически корректном дискурсе современного общества. Объектом исследования служат тексты русскоязычной и англоязычной детской литературы, предмет исследования – лингвоаксиологические изменения данных текстов в рамках политически корректного дискурса. Основная цель статьи – рассмотреть тексты новейшей детской литературы, зачастую выступающие сегодня в качестве успешного коммерческого проекта в массовой культуре и формирующие релятивные аксиологические установки мультикультурного общества у целевой аудитории. В качестве материала исследования выступают «Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times» Дж. Ф. Гарнера [Garner, 1994] и несколько переводов данных сказок на русский язык, выполненные С. Сивко (под ред. А. Олексенко), С.Г.

Тер-Минасовой, А.Г. Гурочкиной; «The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit», заново пересказанные Дж. Лестером [The Tales of Uncle Remus, 2014]; «Детская книга» и «Детская книга для девочек» Бориса Акунина и Глории Му [Акунин, 2007аб; Му, 2012].

С. Г. Тер-Минасова, определяя возможности использования языка в рамках политически корректного дискурса, считает, что зарождение тенденции к политкорректному функционированию языка в многонациональном и поликультурном американском обществе было неслучайным: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и / или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [Тер-Минасова, 2000, с. 215]. Именно в британской и американской лингвокультурах в 1970-80-х гг. наблюдается наиболее активный интерес к использованию того идеологического инструмента манипулирования целевой аудиторией, который позднее назовут «политически корректным языком» (ср.: [Lakoff, 1975; Butler, 1990; Segel, 2006; Moller, 2016; Wikström, 2016; Karpukhina, Kuznetsova, 2017; Леонтович, 2007; Гришаева, Цурикова, 2008; Гурочкина, 2009; Гендер в британской..., 2011]).

Политически корректный дискурс изначально в качестве жанровых разновидностей включал подтипы медийного дискурса и был ориентирован, скорее, на публицистические тексты. Однако в конце XX – начале XXI веков его специфический язык (так называемые дискурсивные формулы) и его сюжеты начинают проникать в смежные по семиотическим функциям с медийными текстами кинематографические тексты (см.: [Гендер в британской..., 2011, с. 139-169; Карасик, 2019]) и в тексты художественной литературы. Далее рассмотрим некоторые из основных (конститутивных) компонентов политически корректного дискурса, формирующих новую аксиологическую шкалу в текстах современной детской литературы. К таким компонен-

там относятся участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии и дискурсивные формулы политически корректного дискурса (более подробно о данных компонентах и признаках институционального дискурса см.: [Карасик, 1999; Карасик, 2019]). Исследователи справедливо полагают, что в русской лингвокультуре политкорректный дискурс пока практически не функционирует: «В результате постоянного интереса к человеческой личности как центру западной идеологии, на который направлены усилия и политики, и экономики, и культуры, английский язык и добрее, и гуманнее, и вежливее к человеку, чем – увы! – русский язык. С нашей идеологией коллективизма и игнорирования индивидуализма (само это слово имеет в русском языке негативные коннотации) трудно ожидать чего-то другого. Русский язык, как правило, не обременяет себя соображениями гуманности и чуткости по отношению к отдельному человеку» [Тер-Минасова, 2000, с. 223]. Функционирование же политически корректного дискурса в англоязычном мире на сегодняшний день чаще предстает объектом иронических или саркастических пародий на использование его дискурсивных формул или манипулятивных стратегий: «Политическая корректность как направление развития языка вызвала много вопросов, критики, сомнений. Бесспорно, что в живом языке все попытки создать стилистически нейтральные “заповедники” разбиваются о способность слов приобретать в новых условиях новые коннотации, часто негативные» [Тер-Минасова, 2000, с. 222].

Подобной блестящей пародией на медийные тексты феминистской, антирасистской и пр. направленности стали «Политкорректные сказки на сон грядущий» Дж. Ф. Гарнера [Garner, 1994]. Пересказывая знаменитые детские сказки всех времен и народов с использованием ключевых дискурсивных формул политкорректного дискурса и порой меняя привычные сюжетные схемы в саркастически представляемых «манипулятивных» целях политкорректного дискурса, Гарнер доводит до абсурда новую аксиологическую шкалу современного мультикультурного общества.

Например, одна из основных стратегий феминистского дискурса, направленная на

нарочитое избегание в речи / тексте лексем *мужчина, женщина, девочка, мальчик*, пародируется Гарнером в зачине сказки «Little Red Riding Hood» («Красная Шапочка»): *There was once a young person named Red Riding Hood who lived with her mother on the edge of a large wood* [Garner, 1994]. Ср. данный фрагмент в переводе на русский язык: *Давным-давно существовала юная личность по имени Красная Шапочка, которая жила со своей матерью на самом краю большого леса* (пер. С. Сивко)¹. В данном случае феминистская формула *a young person* 'юная личность', адекватно переданная на русский язык, показывает иронию по отношению к аксиологической толерантности политкорректного дискурса (ср. изменения, происходящие в английском языке на уровне обращений к женщине и намеренного феминистского «изъятия» из английского языка «сексистских» морфем, указывающих на половую принадлежность человека: *chairman* 'председатель' > *chairperson*; *spokesman* 'депутат' > *spokes person*; *cameraman* 'оператор' > *camera operator* [Тер-Минасова, 2000, с. 216]). Подобная же формула в следующем фрагменте «Красной Шапочки», описывающем действия Волка после того, как он проглотил бабушку, отсылает к аксиологическим приоритетам феминистского дискурса: *Then, unhampered by rigid, traditionalist notions of what was masculine or feminine, he put on Grandma's night clothes and crawled into bed* [Garner, 1994]. – *И затем, явно не стесненный традиционалистским подходом к тому, что такое мужское, а что такое женское, Серый Волк натянул бабушкину ночную сорочку и забрался в кровать* (пер. С. Сивко). Якобы присутствующее во фрагменте нарратива «осуждение» Волка за его трансгендерное переодевание (*cross-dressing*) работает на создание комического эффекта.

Еще более саркастическим оказывается введение в традиционный текст сказки дискурсивных формул из «экологически ориентированного» политкорректного дискурса. Подобная пародийная ситуация наблюдается в зачине сказки «Three Little Pigs» («Три поро-

сенка»): *Once there were three little pigs who lived together in mutual respect and in harmony with their environment. Using materials that were indigenous to the area, they each built a beautiful house* [Garner, 1994]. Ср. данный фрагмент в переводах на русский язык: *Жили-были когда-то три поросенка. Они совместно проживали во взаимном уважении и в гармонии с окружающей средой. Используя экологически чистые материалы, характерные для той местности, каждый из них построил себе по красивому домику* (пер. С. Сивко); *Жили-были однажды три поросенка, которые жили в атмосфере взаимоуважения и гармонии с окружающим миром* (пер. А. Г. Гурочкиной)²; *Жили-были три поросенка, во взаимном понимании и полной гармонии с окружающей средой. Используя природные материалы своего края, каждый из них построил себе по чудному домику* (пер. С. Г. Тер-Минасовой)³. При этом лишь в первом из переводов, выполненном С. Сивко, и отчасти в переводе С. Г. Тер-Минасовой наблюдается абсолютно адекватная передача дискурсивных формул «экологически ориентированного» русскоязычного политкорректного дискурса (*окружающая среда, экологически чистые материалы*). В остальных фрагментах переводов представлены лишь приблизительные эквиваленты дискурсивных формул (*окружающий мир, природные материалы своего края*), что существенно уменьшает комический эффект зачина сказки Гарнера. Релятивность аксиологической шкалы экологически ориентированного политкорректного дискурса пародируется в новой версии сказки: жить в гармонии с окружающей средой – хорошо, так же, как и правильно и хорошо строить жилище из местных экологически чистых материалов. Ирония Гарнера, однако, сводит данное утверждение к «пустой» политкорректной дискурсивной формуле. В качестве незыблемых ценностей экологически ори-

² Здесь и далее перевод А. Г. Гурочкиной цитируется по: Гурочкина А. Г. Политкорректная сказка как трансформированный комический текст // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009. С. 777-786.

³ Здесь и далее перевод С. Г. Тер-Минасовой цитируется по: Тер-Минасова С. Г. Политическая корректность, или языковой такт // Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php (дата обращения 07.08.2018).

¹ Здесь и далее перевод С. Сивко (под ред. А. Олексенко) цитируется по: Гарнер Дж. Ф. Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1> (дата обращения 07.08.2018).

ентированного политкорректного дискурса признаются не только экологически чистые материалы, но и полезные для здоровья продукты: *Red Riding Hood entered the cottage and said, "Grandma, I have brought you some fat-free, sodium-free snacks to salute you in your role of a wise and nurturing matriarch"* [Garner, 1994]. – *Войдя в дом бабушки, Красная Шапочка обратилась к ней: «Бабушка, я принесла тебе не содержащие жиров и карбоната натрия бутерброды, дабы приветствовать тебя в качестве мудрой и образованной главы рода»* (пер. С. Сивко); *Красная Шапочка вошла в дом и сказала: «Бабушка, я принесла тебе обезжиренные гостинцы, не содержащие нитратов»* (пер. С. Г. Тер-Минасовой). Комический эффект возникает в данном случае за счет подмены объектов, составляющих содержимое корзинки Красной Шапочки: вместо присутствующих в ситуативном фрейме сказки Шарля Перро *пирожков* там оказываются некие «полезные для здоровья» *бутерброды / гостинцы*. Однако трижды упоминаемые в речи матери и Красной Шапочки экологически правильные для употребления продукты не только не приносят пользы, но и не используются по назначению, что также усиливает комический эффект при их упоминании.

Введение в ситуативный фрейм сказки новых объектов и новых действующих лиц и событий, происходящих с ними, позволяет Гарнеру одновременно использовать две ключевые лингвоаксиологические стратегии – модернизации и остранения текста (о действии данных стратегий при переводе текстов см.: [Карпухина, 2013; 2015]). Например, в традиционную последовательность событий, происходящих с домиками трех поросят, включается дополнительный событийный фрагмент с новыми действующими лицами, соплеменниками волка-разрушителя: *Where the house of sticks had stood, other wolves built a time-share condoresort complex for vacationing wolves, with each unit a fiberglass reconstruction of the house of sticks, as well as native curioshops, snorkeling, and dolphin shows* [Garner, 1994]. – *На месте же валежного домика другие волки организовали таймшер – оздоровительный комплекс для отдыхающих волков, где каждое бунгало воспроизводило погибший домик, но*

выполнено было из стеклопластика, – и понатыкали вокруг лавчонки туземных диковин, бассейны для дайвинга и дельфинарии (пер. С. Сивко). Реалии новейшего времени (*таймшер, оздоровительный комплекс, стеклопластик, дайвинг, дельфинарий*) пересоздают хронотопическую отнесенность ситуативного фрейма сказки о трех поросятах, работая на эффект остранения текста и одновременно создавая комический эффект модернизации при его восприятии. «Безусловные» ценности прогресса в мультикультурном обществе (сам волк, сдувая один из домиков поросят, рассуждает: *«They are so childlike in their ways. It will be a shame to see them go, but progress cannot be stopped»* [Garner, 1994]. – *«Ну прямо как дети, ей-богу! Хотя и будет капельку неловко наблюдать их уход, но ведь прогресс неумолим, и остановить его нельзя!»* (пер. С. Сивко)) в ироническом нарративе рассказчика переосмысляются и оказываются фальшивыми.

Однако возможна и иная ситуация перефокусировки ценностей при вписывании старых сказок в новый формат политкорректного дискурса. Сборник Дж. Ч. Харриса «Сказки дядюшки Римуса» [Харрис, 1980], в 1936 г. адаптированный для русскоязычной детской аудитории М. А. Гершензоном, появился в США в новой версии (в пересказе Дж. Лестера) в 1987 г., в разгар борьбы за политкорректность. В предисловии к новому изданию Августа Бейкер, бывший координатор Детской Службы Нью-Йоркской Публичной библиотеки, работавшая в Университете Южной Каролины, дает идеологически «корректное» объяснение тем стратегиям, которые использовали Маргарет Уайз Браун, а затем и Джулиус Лестер при новейшем пересказе негритянских фольклорных сюжетов в аболиционистской терминологии [Baker, 2014, p. 6-7]. И Браун, и Лестер элиминируют из текста фигуру чернокожего рассказчика, дядюшки Римуса, причем Маргарет Браун производит данную «политкорректную» элиминацию и в отношении заглавия сказок, называя свой проект «Brev Rabbit» («Братец Кролик») [Baker, 2014, p. 6]. Джулиус Лестер, сохраняя название сборника Джоэля Харриса («Сказки дядюшки Римуса»), полностью элиминирует из текста главного нарратора, рассказывающего негритянские

сказки маленькому белому мальчику-плантатору. Ср., например, кольцевую композицию сказки «Смоляное Чучелко» («Breg Rabbit and the Tar Baby») в сборнике Дж. Ч. Харриса: – *Что же, Лис никогда-никогда не поймал Кролика? А дядюшка Римус? – спросил Джоэль на другой вечер. – Было и так, дружок, чуть-чуть не поймал. Помнишь, как Братец Кролик надул его с укропом?* [Харрис, 1980, с. 8]; *...Тут дядюшка Римус замолчал и стал вынимать из золы картошку. – Старый Лис съел Братца Кролика? – спросил мальчик дядюшку Римуса. – А кто их знает, – ответил старик. – Сказка-то кончена. Кто говорит – Братец Медведь пришел, его выручил, а кто говорит – нет. Слышишь, мама зовет тебя. Беги, дружок* [Харрис, 1980, с. 11-12]. В политкорректном варианте негритянской сказки, пересказанной Дж. Лестером, фреймовая рамка с действующим лицом-рассказчиком, дядюшкой Римусом, отсутствует, и актуальным остается только внутренний ситуационный фрейм взаимодействия Братца Кролика и Братца Лиса, пытающегося поймать его с помощью Смоляного Чучелка [The Tales of Uncle Remus, 2014, p. 23-29].

В данном случае стратегии политкорректного дискурса, в отличие от ситуации с пересказом волшебных сказок Дж. Гарнером, используются автором предисловия и автором новой версии сказок из негритянского фольклора не в ироническом переосмыслении, а для прямого воздействия на целевую аудиторию. Августа Бейкер, делясь в предисловии своей «идеологически выдержанной» радостью по поводу выхода антирасистской версии «Сказок дядюшки Римуса», пишет не только о том, как она впервые сама ребенком познакомилась с данными сказками (сначала – в пересказе бабушки, затем – пытаюсь сама их прочитать (и замечая, что читательский опыт был максимально неудачным)) [Baker, 2014, p. 3-5]. Более интересными представляются ее аксиологически ориентированные воспоминания о работе в филиале Нью-Йоркской Публичной библиотеки, находившемся в Гарлеме, когда она пересказывала негритянским детям традиционную версию «Сказок дядюшки Римуса»: «Я вскоре поняла, что эти чернокожие мальчики и девочки должны узнать о юморе и скрытой философии Братца

Кролика и его друзей. ...Многие из этих детей остро реагировали (were sensitive) на моменты, связанные с рабовладельческой системой, например, на то, что дядюшка Римус рассказывал свои сказки маленькому белому мальчику, и я элиминировала повествовательную рамку» [Baker, 2014, p. 5]. Без какой бы то ни было иронии Августа Бейкер в качестве одной из бесспорных ценностей нового мультикультурного общества называет унификацию английского языка, признавая одним из важнейших достоинств нового пересказа более простую современную разговорную речь персонажей негритянских сказок и модернизацию реалий, с которыми персонажи взаимодействуют [Baker, 2014, p. 7-8]. Например, забрасывая Братца Кролика в терновый куст в сказке о Смоляном Чучелке, Братец Лис размахивается, как *Хэнк Аарон* – знаменитый американский бейсболист второй половины XX в. [The Tales of Uncle Remus, 2014, p. 29]; в сказке о том, как Братец Черепаха обогнал Братца Кролика на беговой дорожке, Братец Кролик надевает для тренировок *желтые кроссовки «Адидас»* и на старте срывается с места, как *«Боинг-747»* [The Tales of Uncle Remus, 2014, p. 51, 53]; в сказке «Загадка Братца Кролика» главный персонаж переживает *кризис среднего возраста (a midlife change)* [The Tales of Uncle Remus, 2014, p. 127]. Эти и подобные им примеры модернизации текстов сказок, как нам представляется, тоже свидетельствуют об актуализации контекста политкорректного дискурса: ценностями-эталоном являются типично американские персонажи и реалии (знаменитый американский бейсболист, самый известный американский самолет), хронологические рамки жизни вневременных персонажей традиционных негритянских сказок приравниваются к ограниченным хронологическим рамкам жизни среднестатистического американца (*кризис среднего возраста*). Необходимо также отметить, что в данном случае использование аксиологических стратегий политкорректного дискурса, его дискурсивных формул и актуализация его ценностей в текстах новых «Сказок дядюшки Римуса» происходит без иронического или саркастического переосмысления, в отличие от «Политически корректных сказок на сон грядущий» Гарнера.

Для русской детской литературы вхождение в дискурс политкорректного мультикультурного общества, как нам представляется, еще впереди. Принимая во внимание замечания исследователей о том, что в русской лингвокультуре политкорректный дискурс практически не актуален, стоит отметить еще и то, что на сегодняшний день под вопросом находится само существование детской литературы в России: «Детской литературы в России вообще-то нет. Ее нет ни как свода текстов, входящих в круг детского чтения, и ни как плеяды авторов, представляющих национальную литературу миру, и уж точно ни как ниши на книжном рынке. Ее нет как института, включающего в себя писательский, читательский и профессиональный исследовательский цеха, находящиеся в постоянном, желательном – плодотворном, взаимодействии» [Скаф, 2012, с. 148]. Есть, однако, и более оптимистичный взгляд на существование и функционирование русской детской литературы: «Процесс установления канона для русской детской литературы и поиск точек соприкосновения с сегодняшними юными читателями не закончены. Серьезных имен в новом поколении писателей пока мало, но готовность к эксперименту и обновлению сулит яркое будущее литературе с четырехсотлетней историей» [Хеллман, 2016, с. 530]¹. Бен Хеллман, к сожалению, не рассматривает тексты «Детской книги» Бориса Акунина и Глории Му в ряду текстов современной русской детской литературы, но мы полагаем, что именно в данных текстах сочетается «готовность к эксперименту и обновлению» детской литературы, с одной стороны, и предпосылки для активного диалога с подростковой читательской аудиторией, с другой стороны. Более того, в текстах «Детской книги» и «Детской книги для девочек» наблюдаются и первые признаки вхождения русскоязычной детской литературы в политически корректный дискурс. Первая из книг данной дилогии вышла в 2005 г. под названием «Детская книга» и несколько раз переиздавалась под данным названием (ср., например, переиздание [Акунин, 2007аб]). Однако, когда появилась вторая книга дилогии – «Детская книга для

девочек» [Му, 2012], созданная совместно Борисом Акуниным и Глорией Му, первую книгу стали переиздавать под названием «Детская книга для мальчиков» [Акунин, 2012]. Рекурсивное «выравнивание» гендерного баланса, свойственное феминистской разновидности политкорректного дискурса, в данном случае совершенно очевидно. Две книги, повествующие о приключениях младшего поколения Фандориных (двойняшек Эраста (Ластика) и Гели) в разновременных вариантах московского хронотопа, дают возможность разного представления одних и тех же аксиогенных ситуаций с гендерно-ориентированной точки зрения.

Ключевая аксиогенная ситуация в «Детской книге для девочек» задается основным персонажем-феминисткой, Люсиндой Грэй, *очень красивой брюнеткой с короткой стрижкой и огромными зелеными глазами* [Му, 2012, с. 10], внешность и обстоятельства появления которой иронически отсылают к одной из самых известных феминисток Голливуда («Сопровождаю главную гостью фестиваля Анджелину Круз» [Му, 2012, с. 13]). Люсинда Грэй яростно защищает права женщин («*Любовь выше справедливости и всего на свете. Мы, женщины, знаем это по праву рождения*» [Му, 2012, с. 43]), обвиняет мужчин во всех проблемах («*О-у, да! Тео де Дорн – воплощение худших качеств мужчины. Они вечно выдумают себе какую-нибудь дребедень, обзовут «идеи», свято в нее веруют и потом ради этой «идеи» готовы разрушить и залить кровью полмира!*»). Люсинда говорила так зло, что Геле даже стало немножко жалко бедных мужчин [Му 2012, с. 46]). Более того, она демонстративно ведет себя вызывающе по отношению к мужчинам в проблемной ситуации: *Люсинда вывернула руль и сделала неприличный жест в сторону толстого дядьки на «лексусе», который пытался их подрезать* [Му, 2012, с. 45]. По мере осмысления аксиогенной ситуации, в которой оказывается Геля Фандорина, поведение и мотивы действий Люсинды Грэй начинают осознаться Гелей как корыстные и далекие от аксиологического идеала. От восхищения врачом-феминисткой и копирования ее речевых привычек Геля приходит к пониманию того, что истинные цели профессора Ван Дорна и

¹ См. также: [Черняк, 2013; Петрова, 2018].

Люсинды Грэй, прибывших из будущего, неизвестны, и те, как все взрослые, слишком много врут «для пользы дела» [Му, 2012, с. 408-409]. Таким образом, иронически развенчиваются и ценности феминистского варианта политкорректного дискурса, которые в начале романа выступают для юной героини, Гели Фандориной, в качестве аксиологического образца для подражания.

Представляет интерес и аксиогенная ситуация объединения Гели с братом Ластиком в финале «Детской книги для девочек» в процессе поиска алмаза «Райское яблоко». У героини-подростка происходит переоценка ценностей, и важность семейных связей осознается Гелей заново, хотя в ходе действия романа статус «семейного чувства» на аксиологической шкале колеблется. В аксиогенной ситуации острой нехватки информации в мире прошлого Геля готова пожертвовать встречей с матерью ради возможности воспользоваться привычными гаджетами и Интернетом (см. об этом подробнее: [Карпухина, 2017, с. 215]). Аксиологические приоритеты политически корректного дискурса современного техногенного многополярного общества в данном случае оказываются более релевантными по сравнению с гуманитарными ценностями – человеческими и, в частности, семейными отношениями. Переоценка подобной ситуации в финале романа, заново актуализирующая для Гели Фандориной ее социальные роли дочери и сестры, дает возможность осознать релевантность и гибкость аксиологической шкалы современного подростка.

Гораздо более ироническими в тексте диалогии предстают ценности политически корректного дискурса, связанные с отношением к окружающему миру и домашним питомцам человека. В современном политкорректном дискурсе предпочтительнее указывать на равноправное существование всех живых существ на планете: «Для того, чтобы избежать антропоцентризма по отношению к живому миру и подчеркнуть наше биологически равноправное сосуществование на одной планете с представителями этого мира, слово *pets* [домашние животные], предполагающее человека как хозяина или владельца, заменяется словосочетанием *animal companions* [ком-

паньоны-животные], *houseplants* > *botanical companions* [домашние растения > компаньоны-растения], а предметы неодушевленного мира – *mineral companions* [компаньоны-минералы]» [Тер-Минасова, 2000, с. 218]. Геля, попав в прошлое, пытается приручить кошку, однако в ее свободном косвенном дискурсе повествовательной структуры «Детской книги для девочек» данный процесс представлен с помощью оценочной терминологии политкорректного дискурса: *Это было как... Как подружиться с марсианином! Некто, совершенно отличный от тебя и видом, и разумом, непонятный и таинственный; некто, не способный изъясниться ни на одном из человеческих языков, но не лишенный речи – своей собственной, непонятной, в свою очередь, тебе; некто, способный, как никто из хомосапиенсов, читать мысли и чувствовать настроение. Понимать. Некто, кого можно любить и кто будет любить тебя, несмотря на то, что вы – такие ужасно разные, чужие и у вас нет никакого повода быть вместе, и легче было бы найти друзей среди своих* [Му, 2012, с. 201-202]. Противопоставление двух разных субъектов – девочки и кошки – идет по классическому принципу «свой – чужой», и суверенные границы субъектов обозначаются по их внешним признакам, по внутреннему устройству, по особенностям мыслительной и речевой деятельности. Представление кошки с иронической кличкой Силы Зла как самостоятельного субъекта, *animal companion*, существующего отдельно и в то же время рядом с Гелей в московском хронотопе начала XX века, позволяет оценить привычную ситуацию «приручения» как аксиологически значимую в терминах политически корректного дискурса. Однако ирония подобного представления *animal companion* проявляется во введении в основной нарратив романа фрагмента свободного косвенного дискурса героини-подростка, весьма экспрессивно окрашенного по сравнению с тональностью основного повествования (*Это было как... Как подружиться с марсианином!*).

Наиболее иронической с точки зрения представления дискурсивных формул и аксиологических приоритетов политкорректного дискурса в текстах Бориса Акунина и Глории Му является часть «Завтра» «Детской книги»,

действие в которой происходит в Москве 20 мая «в никаком году» [Акунин, 2007б, с. 283]. Антиутопический фрагмент «Детской книги» с явными отсылками к текстам антиутопий Е. И. Замятина и М. А. Булгакова (подробнее см.: [Карпухина, 2015, с. 44-57]) полемически направлен на использование дискурсивных стратегий и формул политкорректного дискурса. Основной персонаж части «Завтра» «Детской книги», с которым вынужден общаться Ластик Фандорин, *Магдаитиро Ямададженкинс, «собранный» из профессора Магды Дженкинс, микробиолога, и доктора Итиро Ямады, специалиста по электронике* [Акунин, 2007б, с. 293], – существо «третьего пола». Гендерная неопределенность существа из будущего пародирует дискурсивную стратегию современного феминистского дискурса, связанную с использованием местоимений (например, *s/he 'он / она'*) и разных окончаний глагольных форм в русском языке (например, *сделал(а)*): – **Так вы тут не один, то есть не одно? – встрепенулся Ластик. – Есть и другие люди?; Женщино-мужчина направился** к большой травянистой кочке, и та вдруг отъехала в сторону; – **Я построил себе дом поближе к природе, – объяснила хозяйин-хозяйка; – Это я обдумывало твой вопрос...** [Акунин, 2007б, с. 287, 295, 296, 297]. На аксиологической шкале Ластика Фандорина, подростка из XXI века, подобная гендерная немаркированность биологического существа явно занимает полюс со знаком «минус»: *...Ластик боязливо покосился на гибрида. Значит, это одновременно и женщина, и мужчина? Какой кошмар* [Акунин, 2007б, с. 293]. Начиная адаптироваться к системе речевых маркеров существа из будущего, Ластик пытается использовать категорию среднего рода при обращении к нему, и, тем не менее, постоянно сбивается на «устаревшую» систему координат «мужское – женское». Саркастическое изображение новой гендерной системы координат, к которой стремятся современные сторонники феминистской разновидности политкорректного дискурса, дается в тексте «Детской книги» с помощью оценок мира будущего с его неопределенными гендерными категориями и «образцовой правильностью», данных подростком из нашего времени. Аксиологические установки политически корректного мира эпо-

хи «Завтра» декларируются Магдаитиро Ямададженкинс с большой долей гордости: *«Мы все – Очень Уважаемые Люди. Мнение каждого драгоценно. Невозможно себе представить, чтобы наши приняли какое-то решение, если оно не устраивает кого-то одного. Правда, никаких коллективных решений нам принимать давно уже не приходится. Мир функционирует в абсолютном порядке»* [Акунин, 2007б, с. 297-298]. Пародийность дискурсивных формул (*Очень Уважаемые Люди*) и правил функционирования мультикультурного, многополюсного современного западного общества реализуется в разрешении аксиогенной ситуации, в которую попадает Ластик Фандорин: он сбегает из «идеального Завтра» в первый же подходящий момент, испытывая ужас от того, что ему предложили остаться в подобном будущем. Антиутопический конфликт ребенка, верификатора ценностей «идеального будущего», и гендерно немаркированного бессмертного существа из этого будущего компрометирует саму систему ценностей подобного социума и его дискурсивные стратегии.

Однако необходимо отметить, что Борис Акунин и Глория Му в текстах «Детской книги» и «Детской книги для девочек» используют нарративные стратегии, выявляющие непрямую ироническую оценку по отношению к ситуациям, дискурсивным формулам и правилам их функционирования в политически корректном дискурсе современного многополярного общества. В отличие от прямой иронии, зачастую переходящей в сарказм, «Политически корректных сказок на сон грядущий» Джеймса Финна Гарнера или от полного принятия манипулятивных правил политкорректного дискурса в новой редакции «Сказок дядюшки Римуса» Джулиуса Лестера, тексты детских романов Бориса Акунина и Глории Му не дают прямых оценок в аксиогенных ситуациях, связанных с политкорректностью. В классических традициях русскоязычной детской литературы, обновленных в игровых ситуациях постмодернизма, Борис Акунин и Глория Му показывают релятивность аксиологической шкалы современного поликультурного социума, иронически представляя феномен политкорректности с критической точки зрения персонажей-подростков.

Библиографический список

- Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / под общей ред. Е.С. Гриценко. М., 2011.
- Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М., 2008.
- Гурочкина А.Г. Политкорректная сказка как трансформированный комический текст // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 777-786.
- Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград, 1999. С. 5-19.
- Карпухина В.Н. Аксиологические характеристики дискурсов персонажей современной детской литературы: иноязычная речь на страницах диалогии Бориса Акунина и Глории Му // Проблемы онтолингвистики-2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия; редкол.: Т. А. Круглякова, М. А. Еливанова, Т. А. Ушакова. Иваново, 2017. С. 213-218.
- Карпухина В.Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: монография. Барнаул, 2013.
- Карпухина В.Н. Литературные хронотопы: поэтика, семиотика, перевод: монография. Барнаул, 2015.
- Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007.
- Петрова С.А. Современная русская детская литература: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 1. С. 66-78.
- Скаф М. Новая детская литература // Октябрь. 2012. № 12. С. 148-154.
- Тер-Минасова С.Г. Политическая корректность, или языковой такт // Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php (дата обращения 07.08.2018).
- Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы / авториз. пер. с англ. О. Бухиной. М., 2016.
- Черняк М. Эффект узнавания реальности в современной прозе для переходного возраста // Детские чтения. 2013. № 2. С. 136-151.
- Baker A. Introduction // *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit / as told by Julius Lester*. СПб., 2014. С. 3-8.
- Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y., London, 1990.
- Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language // *Bulletin of Kemerovo State University*. 2017. № 3. P. 180-186. URL: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-180-186> (accessed March, 08, 2019).
- Lakoff R. *Language and Women's Place*. N.Y., 1975.
- Moller D. Dilemmas of Political Correctness // *Journal of Practical Ethics*. 2016. Volume 4. Issue 1. URL: <https://philarchive.org/archive/MOLDOP> (accessed March, 08, 2019).
- Segel E. "As the Twig Is Bent...": Gender and Childhood Reading // *Children's Literature : Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / Ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts*. London, New York, 2006. P. 187-207.
- Wikström P. No one is "pro-politically correct": Positive construals of political correctness in Twitter conversations // *Nordic Journal of English Studies*. 2016. № 15(2). P. 159-170.

Список источников

- Акунин Б. Детская книга. М., 2007а. Т.1.
- Акунин Б. Детская книга. М., 2007б. Т.2.
- Акунин Б. Детская книга для мальчиков. М., 2012.
- Гарнер Дж. Ф. Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1> (дата обращения 07.08.2018).

Му Глория. Детская книга для девочек. М., 2012.

Харрис Дж. Сказки дядюшки Римуса. Улан-Удэ, 1980.

Garner J.F. Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times. New Jersey, 1994. URL: <https://bbs.pku.edu.cn/attach/85/31/8531ff112a962431/politically%20correct%20bedtime%20stories.pdf> (accessed August, 07, 2018).

The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit / as told by Julius Lester. СПб., 2014.

V.N. Karpukhina
Altai State University
Russia, Barnaul

CONTEMPORARY CHILDREN'S LITERATURE IN THE POLITICALLY CORRECT DISCOURSE: AXIOLOGICAL LINGUISTIC ASPECT

Abstract. The paper considers contemporary children's literature within the politically correct discourse of nowadays society. The object under consideration is Russian and English children's literature texts. The subject of the research is axiological linguistic changes of these texts functioning in the PC discourse. The paper aims at revealing the basic features of contemporary children's literature texts as successful commercial project in mass culture, which forms relative axiological principles of the multicultural society in their target audience. The paper deals with some of the constitutive components of the politically correct discourse, which form a new axiological scale in the texts of contemporary children's literature. The paper stands for the hypothesis that the politically correct discourse is not acute yet for the Russian linguistic culture. The research reveals that contemporary Russian children's literature is just coming into the frame of the politically correct discourse, whilst English children's literature is actively functioning in this type of discourse. The results of the research reveal that Boris Akunin and Gloria Mu, the contemporary Russian children's literature writers, use in their texts narrative strategies, which show the implicit ironical assessment for the situations, discursive formulas, and the rules of their usage of the politically correct discourse in the contemporary multipolar society. Boris Akunin and Gloria Mu, in the classical traditions of Russian children's literature, renewed in the postmodernist gameplay situations, reveal the relativity of the axiological scale in contemporary multicultural society, representing the phenomenon of politically correct discourse ironically, from the critical point of teen characters' view.

Key words: politically correct discourse, contemporary children's literature, axiological linguistics.

А.В. Кинцель

Психолингвистические механизмы речевого воздействия

Впервые опубликовано: Известия Алтайского государственного университета, 2013. № 2 (78), Том 2. - С. 150-154.

Аннотация. В статье рассматриваются психолингвистические механизмы речевого воздействия в процессе вербальной коммуникации человека. Акцентируется недостаточность описательного лингвистического подхода к проблеме объяснения феномена речевого воздействия. Разграничиваются явления речевого и языкового воздействия. Анализируются психолингвистические механизмы воздействия на сознательном и неосознаваемом уровне вербальной коммуникации.

Ключевые слова: речевое воздействие, психолингвистический механизм, социализирующие структуры мозга, регулирующая функция языка, неосознаваемые механизмы, суггестия, стереотип.

Кинцель Алена Васильевна,
кандидат филологических наук,
доцент, начальник подготовительного отделения ИГН

Алтайский государственный
университет (Барнаул)

E-mail: kintsel@gmail.com

В современной лингвистике и смежных с ней дисциплинах проблема языкового воздействия вызывает значительный интерес, что связано с практической стороной проблемы: воздействием средств массовой информации, рекламы, PR-компаний и т.п. Постоянный интерес вызывает проблема воздействия на человека эстетического вербального произведения, а также воздействия, осуществляемого в ходе обучения, воспитания, речевого воздействия в религиозных обществах и с лечебными (психотерапевтическими целями). В последние десятилетия XX в. и поныне значительный интерес вызывает так называемое НЛП (нейро-лингвистическое программирование личности), в рамках которого предлагаются различные техники речевого воздействия на человека с психотерапевтическими целями.

В связи с действенным характером речи появилось и стало распространенным понятие **манипулирования** сознанием, которое широко применяется в политической лингвистике и других направлениях, ориентированных на изучение речевого воздействия в различных сферах человеческой жизни.

Следует отметить, что в лингвистике и смежных с ней дисциплинах изучение речевого воздействия ориентировано, как правило, на **выявление конкретных языковых средств и способов**, оказывающих воздействие на человека или воздействующих в большей степени. К ним относятся, например, в **рекламе**: конкретность и образность ключевых слов (возможно использование метафор и других средств создания образности); конкретность и образность качеств; нарушение логической связи между компонентами (например, причинно-следственной связи); избегание отрицательных частиц; использование суперсегментных единиц (ритм, интонация, тембр и др.); использование определенных звукоочетаний, которые оказывают эмоциональное воздействие на человека [Осокина, 2007; Иссерс, 2011].

Речевое воздействие при проведении **PR-компаний** осуществляется, по мнению исследователей, благодаря использованию следую-

щих средств: личных местоимений (для придания личностного характера передаваемой информации и создания эффекта личностной заинтересованности); более простых слов и выражений; личных форм глагола; простых предложений; прямых цитат; сравнений для придания образности; повторение основной идеи; избеганию специальных терминов и жаргона, страдательных конструкций и неопределенно-личных форм [Осокина, 2007; Иссерс, 2011].

Большое количество тактик и стратегий речевого поведения с использованием различных языковых средств анализируется в работах, посвященных воздействию **средств массовой информации** на сознание людей. Однако во всех работах констатируют значительную роль клишированных конструкций и стереотипов, которые часто принимают вид прецедентных текстов или высказываний [Осокина, 2007; Иссерс, 2011].

В сфере **нейро-лингвистического программирования** рекомендуются сходные с уже названными языковые средства воздействия: использование ключевых для данной личности или коллектива слов (то есть ценностно значимых); использование специально созданных текстов с заданным ритмом и интонацией произнесения; широкое использование сказок и т.п. [Осокина, 2007].

Ограничимся приведенным перечислением языковых средств и способов оказания воздействия на человека в наиболее актуальных сферах общественной жизни. Отметим, что подобные перечисления могут быть детализированы и конкретизированы при описании определенного вида или ситуации речевого общения, а также могут быть дополнены описанием невербальных средств, сопровождающих речевое общение. В связи с этим появилась масса работ, которые детально анализируют язык и паралингвистические средства, используемые конкретными авторами (политическими деятелями, ведущими передач) или реализуемыми в общественно значимых ситуациях (телевизионные передачи, политические компании, блоки рекламы и т.п.) [Серова, 2010; Гронская, 2005].

Специфика психолингвистического подхода к названной проблеме состоит в объяс-

нении феномена речевого воздействия, раскрытии **психолингвистического механизма** этого процесса. Объяснить феномен речевого воздействия, оставаясь в рамках лингвистики, невозможно. Необходимо обращение к комплексу смежных дисциплин: когнитивной и нейролингвистике, психофизиологии высшей нервной деятельности и психологии.

Прежде всего, следует отметить, что человек определенным образом биологически предрасположен к тому, чтобы испытывать различного рода воздействия себе подобных, в том числе и воздействие речевое, которое формируется на высших этапах эволюции человека. Так, группа итальянских нейрофизиологов во главе с Джакомо Риццолатти обнаружила в теменных и некоторых других участках коры головного мозга приматов существование так называемых **зеркальных нейронов** [Величковский, 2006]. Они активируются как при выполнении сложных действий, так и при восприятии их выполнения другими особями. В результате, они обеспечивают имитацию действий других особей. Широко известны факты, когда колонии шимпанзе охватывают кратковременные моды на украшение себя яркими полосками ткани или на новый способ добывания термитов. Специальные аналогии с подобными явлениями в жизни человека – излишни.

Особое значение это открытие имело в связи с тем, что зеркальные нейроны граничат с областями, отвечающими за **эмоциональную саморегуляцию и контроль социального поведения**, а также частично совпадают с зоной Брока у человека, ответственной за грамматику речи и экспрессивное речевое поведение.

Изучение функций зеркальных нейронов у человека только начинает исследоваться. Однако сам факт наличия подобного рода структур проливает свет на основание процесса усвоения речи детьми (как некое запечатление) и биологические основы механизма речевого воздействия на человека. Человек определенным образом предрасположен к восприятию, пониманию другого человека. На него можно воздействовать в силу того, что он биологически (характером организации своей высшей нервной деятель-

ности) предрасположен к этому. Эта предрасположенность обусловлена наличием социализирующих структур его мозга.

Социализирующие структуры мозга человека исследовались и в отечественной науке. Среди первооткрывателей таких структур наряду с нейролингвистом А.Р. Лурия можно назвать и физиолога А.А. Ухтомского, который ввел понятие «доминанта на другого человека».

Близкие идеи развивались и в отечественной психологии. Большой вклад в развитие представлений о социальной роли языка внес психолог Л.С. Выготский, который ввел понятие **регулятивной функции языка** [Выготский, 1996]. В результате, язык, помимо других функций, выполняет важнейшую функцию регулирования деятельности и социального поведения вообще.

Эта идея Л.С. Выготского в середине XX в. была подхвачена историком и философом Б.Ф. Поршневым, который абсолютизировал роль регулирующей функции, полагая, что именно она лежит у истоков человеческого языка, то есть его второй сигнальной системы. В результате, из двух функций – сообщения информации и регулирования человеческого поведения, исторически первичной, согласно концепции Б. Ф. Поршнева, является функция регуляции. Эта функция может осуществляться только в виде речевого воздействия. Поэтому речевое воздействие первично, именно для воздействия на другого человека и человеческий коллектив в целом и формируется язык.

Б.Ф. Поршнев отмечает, что вторая сигнальная система приводит к появлению принципиально нового способа воздействия на поведение родственных особей, далеко выходящего за пределы имитативного рефлексивного поведения животных. Поэтому она антибиологична, социальна по своей сути. Исследователь анализирует конкретные этапы и причины перехода от одной системы регуляции поведения (первосигнальной) к другой (второсигнальной). Б. Ф. Поршнев утверждает, что человек даже в одиночестве является носителем прежде всего второсигнальных воздействий и, тем самым, социального опыта и социальной истории [Поршнев, 2007].

Таким образом, формирование человека как социального существа происходит, прежде всего, за счет речевого/языкового воздействия. И речевое/языковое воздействие, по сравнению со всеми другими видами воздействия, является приоритетным и основным. Совокупность знаний, мнений, ценностей, норм личности и т.п. формируется, прежде всего, в результате речевого/языкового воздействия на человека.

В области лингвистической философии аналогичный подход реализован, например, во взглядах В. фон Гумбольдта и ряда его последователей (неогумбольдтианцев), ярчайшим представителем которых являлся Й.Л. Вайсгербер. Согласно его позиции, воздействие на человека оказывает не только речь (то есть определенным образом структурированное речевое сообщение, имеющее определенный смысл), но и сам язык в целом со всей спецификой своей структуры [Вайсгербер, 1993]. В целом проблеме языкового воздействия на человека в широком смысле посвящена и гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

В результате, появляется возможность разграничения понятий – **языковое и речевое воздействие**, соответствующее имеющемуся в лингвистике со времен Ф. де Соссюра разграничению языка и речи. Таким образом, можно говорить о широком и узком понимании процесса воздействия второй сигнальной системы на сознание человека: **языковое воздействие** (в широком значении) связано со влиянием на сознание специфики второй сигнальной системы в целом и конкретно языкового характера ее представленности (то есть конкретного этнического языка его носителя) в частности, что некоторым образом определяет мировидение его носителей. **Речевое же воздействие** осуществляется в процессе конкретной речевой деятельности индивида и связано с достижением конкретных целей и задач речевого общения.

В современной лингвистике и связанных с ней дисциплинах речь идет именно о речевом воздействии, хотя в ряде случаев возможно употребление термина – языковое воздействие. В последующем изложении мы также будем говорить о конкретных актах речевого

воздействия, которые подразумевают наличие осмысленных речевых сообщений.

Именно об осмысленных речевых действиях в процессе речевого воздействия идет речь в концепции А.А. Леонтьева, который именно их рассматривает в качестве способов речевого воздействия. А.А. Леонтьев выделяет три таких способа:

1. воздействие, связанное с формированием в концептуальной системе индивида новых концептуальных структур – концептов. Здесь происходит приобретение новых знаний, новой информации о себе и о мире;

2. изменение понятийной структуры имеющихся концептов. Новые концепты не вводятся или не формируются, изменяется их структура. Здесь появляется новая информация понятийного, значенческого характера;

3. изменение структуры концепта на уровне эмоционально-смысловой его структуры, это изменение оценочного, эмоционального компонента. В результате, возникает другое отношение, другое место в системе ценностей индивида [Леонтьев, 1999, с. 271-275].

Вместе с тем следует отметить, что речевое общение одновременно может осуществляться на разных уровнях осознаваемости, соответственно речевое воздействие также может осуществляться на разных уровнях. В связи с этим психологи говорят о существовании так называемых **неосознаваемых механизмов сознательных действий**, к которым относятся три различных подкласса: неосознаваемые автоматизмы; явления неосознаваемой установки; неосознаваемые сопровождения сознательных действий [Гиппенрейтер, 2002, с. 68].

Известно, что отношение различных компонентов речевых действий к сознанию – нестабильно. В поле сознания (актуального сознания) происходит постоянное изменение содержания: представленным оказывается то один, то другой слой иерархической системы речевой деятельности. В целом в норме контролируется (актуально осознается) основной смысл речевого сообщения. Однако если он является стереотипным, привычным, тогда он просто узнается, без достаточного осознания. Подобные явления происходят и со спо-

собами презентации основного содержания сообщения, которые по большей части операционализируются, переходят в разряд неосознаваемых автоматизмов действий. Тем более не осознаются несобственно лингвистические факторы общения – супraseгментные единицы (интонация, ритм, тембр, громкость речи и пр.), использование которых в определенном режиме помогает достичь определенного суггестивного эффекта – внушения, воздействия вне сознательного контроля психики человека.

В ряде случаев суггестивный эффект осуществляется именно благодаря намеренной структуризации супraseгментных единиц. Это приобретает значение при продуцировании поэтического, религиозного, психотерапевтического, рекламного и некоторых других текстов. При их создании намеренно определенным образом структурируется фоническая, ритмико-мелодическая сторона речи для определенного воздействия на эмоционально-мотивационную сферу личности. При произнесении таких текстов могут иметь значение громкость, тембр голоса, темп речи, интонация и целый комплекс невербальных компонентов коммуникации: поза, жесты, взгляд, движения говорящего. Кроме того, в некоторых случаях используются неречевые способы и условия презентации речевого сообщения, которые являются основой для восприятия речи. Например, во многих современных религиозных движениях с целью увеличения количества своих приверженцев используется широкий круг невербальных средств суггестии: изменение состояния сознания с помощью различных фармакологических средств, музыки, танца, пения, ритуальных действий, ароматов, внешнего убранства помещения, одежды и т.п.

Это комплекс **неосознаваемых человеком процессов, сопровождающих речевые действия** и оказывающих воздействие на его психику.

Следующий вид неосознаваемых механизмов речевого воздействия – наличие неосознаваемой установки, ярким представителем которой является **механизм стереотипии**. Механизм стереотипии в качестве средства воздействия широко используется в различ-

ных сферах современной общественной жизни и привлекает большое внимание лингвистов, психологов, социологов, культурологов, нейрофизиологов и психолингвистов.

Исследователями давно было подмечено существование в сознании носителей определенного языка и культуры наиболее устойчивых образов и представлений, которые сформировались в результате целенаправленного воздействия общества на человека и реализуются в их жизнедеятельности в виде особых форм поведения. Эти наиболее устойчивые формы сознания были названы стереотипами. Стереотипы иерархически организованы, в связи с чем выделяют разные формы (виды) стереотипии: **миф, мифология** как вершина стереотипных структур, представляющая собой традиционный архетип, сюжетную схему народного сознания; **структуры религиозного сознания** и идеологические стереотипы – **идеологемы**, которые определяются системой политических, правовых, нравственных, эстетических и философских взглядов социума; **стереотипы индивидуального бытового сознания**, которые тесно связаны с культурой бытового поведения [Дмитриева, 1996].

В современной науке рассматриваются разные виды стереотипии, однако их всех объединяет общий принцип образования – наибольшая устойчивость. Кроме того, они являются инвариантными концептуальными структурами, присущими большому числу представителей определенного социума. В результате возникла номинация, акцентирующая этот признак стереотипии – конвенциональный стереотип [Дмитриева, 1996]. Эта устойчивость на уровне концептуального содержания коррелирует со стандартным набором языковых средств ее представления – штампов, клише и устойчивых схем речевых действий. Таким образом, существует достаточно жесткая связь между структурой сознания и ее языковой репрезентацией. И наконец, стереотипы, как правило, эмоционально значимы, эмоционально структурированы, а также культурно специфичны.

Итак, **стереотип** – это устойчивая инвариантная структура общественного сознания, которая структурирована с участием эмоци-

онального компонента, культурно значима и выражается стандартными языковыми способами репрезентации.

Нейрофизиологической основой формирования стереотипов сознания, согласно исследованиям Н.П. Бехтеревой, является механизм блокового кодирования информации в долговременной памяти человека: «мозг способен к фиксации в долговременной памяти, а затем выведению в оперативную память целых блоков» [Бехтерева, Гоголицын, 1985, с. 129]. Знакомые слова, словосочетания хранятся в памяти в виде компрессированных (сжатых) паттернов.

В чем же значение стереотипных структур сознания для процессов речевого воздействия? Дело в том, что стереотипные структуры быстро актуализируются, поскольку их выведение операционализировано и не требует сознательного контроля. Тем самым говорящий получает возможность преодолевать сознательный контроль индивида без особых усилий. На апелляции к стереотипам основаны техники политического, психотерапевтического, масс-медийного обращения к человеку, основанные на специфике их языковой репрезентации (простота, понятность изложения, наличие ключевых слов и др.).

Кроме того, стереотип представляет собой не статичную ментальную структуру, а структуру функциональную, актуализация которой выражается в определенном типе, характере действий людей (в быту, в социальной жизни, на уровне национального характера и этнокультурной специфики поведения). Поэтому стереотипы сознания влияют на деятельность людей, регулируя ее протекание. Влияние стереотипов на наше поведение в целом очень велико. В этом – итог воспитания, окультуривания человека, его социализации. Важным средством формирования стереотипов и апелляции к уже имеющимся является язык. Поэтому языковое воздействие на человека осуществляется путем формирования и актуализации стереотипов его сознания.

Наконец, к неосознаваемым автоматизмам могут быть отнесены способы грамматической и, в некоторых случаях, лексической репрезентации содержания при условии хорошего знания языка.

Подытоживая сказанное, следует акцентировать, что предложенное описание психолингвистических механизмов речевого воздействия в качестве основания использует степень осознанности составляющих речевого действия, оказывающего воздействие

на индивида. В реальных процессах речевого взаимодействия роль этих составляющих может быть различной, в связи с чем различным будет и конкретный характер оказываемого речевого воздействия.

Библиографический список

- Бехтерева Н.П., Гоголицын Ю.П., Кротов Ю.Д., Медведев С.В. Нейрофизиологические основы мышления. - Л., 1985.
- Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. Пер. с нем. М., 1993.
- Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2-х т. - М., 2006.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. - М., 1996.
- Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций. - М., 2002.
- Гронская Н.Э. Политический процесс и лингвистические технологии манипулирования: автореф. дис. ... докт. политич. наук. - Нижний Новгород, 2005.
- Дмитриева Н.Л. Конвенциональный стереотип как средство регуляции как средство регуляции восприятия вербализованного содержания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1996.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособ. - М., 2011.
- Леонтьев А.А. Психология общения. - М., 1999.
- Осокина С.А. Языковые механизмы воздействия на человека: монография. - Барнаул, 2007.
- Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). - СПб., 2007.
- Серова Е.В. Организация проекта языка в телекасте (на материале информационно-аналитической программы В. Познера «Времена»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Белгород, 2010.

A.V. Kinzel
Altai State University
Russia, Barnaul

PSYCHOLINGUISTIC MECHANISMS OF SPEECH INFLUENCE

Abstract. The article discusses the psycholinguistic mechanisms of speech influence in the process of verbal communication of a person. The insufficiency of a descriptive linguistic approach to the problem of explaining the phenomenon of speech influence is emphasized. The phenomena of speech and language influence are differentiated. Psycholinguistic mechanisms of influence on the conscious and unconscious level of verbal communication are analyzed.

Keywords: speech influence, psycholinguistic mechanism, socializing structures of the brain, regulating function of language, unconscious mechanisms, suggestion, stereotype.

А. И. Куляпин

«Это биология»: поэтика повести Яна Ларри «Необыкновенные приключения Карика и Вали»

Впервые опубликовано: Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI веков: литература, живопись, кинематограф: монография. Сер.: Универсалии культуры. Вып. XI: науч. ред. Н.В. Ковтун. – «Москва: Флинта, 2021». – С. 146–160.

Аннотация. В повести «Необыкновенные приключения Карика и Вали» (1937) как уютное домашнее пространство, так и гармоничное царство природы легко счесть Эдемом, но только при взгляде издали. Однако вблизи эти миры скорее напоминают преисподнюю. В одной системе координат отлучка Карика и Вали из дома органично соотносится с сюжетом библейской притчи об изгнании из рая, в другой – с поиском утраченного рая.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, поэтика, сюжет, мотив, символ, миф.

Куляпин Александр Иванович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы

Алтайский государственный
педагогический университет
(Барнаул)

Исследователь советской литературы и семиотики советской культуры 1920-х - 1950-х годов, исследователь жизни и творчества В. М. Шукшина, поэтики прозы М.М. Зощенко

E-mail: iskander58@mail.ru

В конце 1940 года Ян Ларри задумал невероятно дерзкий, в условиях сталинского режима, проект. Прикрывшись псевдонимом «Кулиджары», писатель стал высылать вождю отдельные главы своей социально-фантастической повести «Небесный гость», в которой подверг острой критике разные аспекты советской жизни. Для усиления сатирического эффекта писатель обратился в повести к принципу остранения, ранее уже использованному им в «Необыкновенных приключениях Карика и Вали» (1937). Советский Союз 1930-х гг. показан в «Небесном госте» глазами марсианина.

Есть в повести-памфлете еще один характерный для поэтики Я. Ларри прием. Оказывается, смена фокуса зрения с ближнего на дальний позволяет увидеть в адской бездне райский сад:

«– Я скажу вам так, товарищи, – начал свою речь колхозник, – сверху когда глядишь, так многих мелочей не замечаешь, и оттого все кажется тебе таким прелестным, что душа твоя просто пляшет и радуется. Помню, гляжу я как-то с горы вниз, в долину к нам. Вид у нас сверху удивительно веселый. Речка наша, прозванная Вонючей, извивается, ну как будто на картинке. Колхозная деревня так и просится на полотно художника. И ни грязи-то, ни пыли, ни мусора, ни щебня – ничего этого за дальностью расстоянья никак невозможно заметить невооруженным глазом.

То же и у нас в колхозах. Сверху оно, может, и в самом деле похоже на райскую долину, но внизу и вчера и сегодня пахнет еще адовой гарью» [Ларри, 1993].

В последней фразе Я. Ларри довольно точно обозначил специфику художественного мира повести для детей «Необыкновенные приключения Карика и Вали», хоть это, конечно, вряд ли входило в его намерения.

Сюжетная схема повести не особенно оригинальна: брат и сестра Карик и Валя, случайно уменьшившись до микроскопических размеров, совершают вынужденное путешествие в «страну дремучих

трав». Все заканчивается благополучно, герои после многочисленных опасных приключений возвращаются домой.

Эдемом при взгляде издали легко счесть как уютное домашнее пространство, описываемое на последних страницах повести, так и гармоничное царство природы. Однако вблизи эти миры скорее напоминают преисподнюю. В одной системе координат отлучка Карика и Вали из дома органично соотносится с сюжетом библейской притчи об изгнании из рая, в другой – с поиском утраченного рая.

Для Я. Ларри мифологема потерянного рая очень важна, не зря в своем творчестве он возвращался к ней вновь и вновь. В его раннем утопическом романе «Страна счастливых» (1931) библейский миф возводится к преданиям инопланетян, миллионы лет назад колонизировавших Землю. Возвращение на родную планету для них делается невозможным. «Несмотря на это, люди не теряют надежды. Они верят, что директор станции – седобородый мужчина – вернет их на родную планету. Проходят десятки лет. У вынужденных межпланетных колонистов появляются дети. На земле зарождается человек. Умирая, колонисты рассказывают одичавшим детям о прекрасной жизни на родной планете, которая, может быть, называлась Рай. Возможно, что бородатый директор станции был зарегистрирован под именем бога с фамилией Саваоф...

Проходят миллионы лет. Планета Рай превращается в утерянный рай. Директор Саваоф – в сверхъестественное существо» [Ларри, 1931].

В «Необыкновенных приключениях Карика и Вали» есть свой Саваоф – demiург-чудотворец и, конечно, тоже бородатый – профессор Иван Гермогенович Енотов, открывший способ уменьшить кролика до размеров блохи. Примечательно восклицание профессора перед началом эксперимента: «И мы начнем творить чудеса!» [Ларри, 1937, № 3, с. 89]. Оказывается, впрочем, что в эксперименте над животными нет нужды, поскольку препарат сразу испытывается на людях. Волшебная жидкость профессора Енотова странным образом похожа на газированную воду. Кролик от такого напитка наверняка отказался бы,

а вот Карик и Валя выпивают его с удовольствием.

Инициатором вкушения запретного плода в полном согласии с традицией выступает женщина. Карик тщетно предупреждает сестру об опасности:

«– Не трогай! – сказал сердито Карик. – Может быть, это отрава. Отойди от стола! Слышишь, отойди, говорю.

Валя отошла, но потом снова вернулась к столу и понюхала жидкость еще раз.

– Это газированная вода! – сказала Валя, и вдруг ей очень захотелось пить.

– Не трогай! – крикнул Карик.

– А мне пить хочется! – сказала Валя.

И в самом деле, ей так захотелось пить, что у нее даже горло совсем пересохло и стало трудно дышать.

Выбрав минуту, когда Карик отвернулся в другую сторону, она придвинула: к себе стакан и попробовала языком жидкость.

– Вот вкусно-то! – прошептала Валя и, не обращая уже внимания на брата, поднесла стакан ко рту и отхлебнула из него немножко» [Ларри, 1937, № 3, с. 90].

Поддавшись соблазну, Валя и дальше продолжает действовать по библейскому сценарию:

«– Попробуй! – протянула Валя Карику стакан. – Холодная и очень вкусная... Никогда еще такой не пила.

– А вдруг все-таки это отрава? – сказал Карик недоверчиво.

– Отрава бывает горькая, – засмеялась Валя, – а это очень вкусное.

Карик нерешительно посмотрел на ледяную газированную воду.

– Наверное, дрянь какая-нибудь сказал он и протянул руку к стакану.

– Совсем не дрянь! Пахнет персиками, а на вкус вроде ситро. Только еще вкуснее...

Карик оглянулся по сторонам, взял стакан из рук Вали и торопливо отпил несколько глотков.

– А ведь, правда, – вкусно! – сказал Карик и поставил стакан на прежнее место. – Только больше не пей, а то он заметит» [Ларри, 1937, № 3, с. 90].

Я. Ларри детально воспроизводит ветхозаветный миф. «И увидела жена, что дерево

хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3: 6). Имя героини – Валя, происходящее от латинского *valens* «сильный, здоровый», близко по значению к имени Евы – от древнееврейского «живая» [Петровский, 1966, с. 67, 100]. Способствует актуализации библейского контекста даже упоминание о запахе персика и «выцветшей тубетейке» Карика [Ларри, 1937, № 2, с. 27]. Известно, что «в культурах, сформировавшихся под влиянием ислама, распространена теория, что райский плод Древа познания – персик» [Панфилов, 2005].

Адам и Ева, вкусив плодов дерева познания, обретают чувство стыда: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3: 7). Уменьшившись, Карик и Валя остаются без одежды, но, в отличие от Адама и Евы, меньше всего думают о своей наготе. Зато для автора и первого иллюстратора повести это немаловажная деталь. В журнале «Костер» текст Я. Ларри сопровождался не просто рисунками, а фотоиллюстрациями С. Петровича. Художнику удалось добиться удивительного эффекта: фантастические события начинают восприниматься как вполне реальные. Одежду из лепестков не забудки Карик и Валя получают только в 8 главе, опубликованной в шестом номере «Костра». На фотоколлажах в номерах журнала со второго по пятый герои повести обнажены.

Карик и Валя в первых восьми главах повести похожи на Адама и Еву до вкушения запретного плода: «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. 2: 25). Соответственно, их путь можно интерпретировать как возвращение в рай. Змей искушал Еву возможностью обретения божественного дара отличать добро от зла: «И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 4-5). Я. Ларри выворачивает библейский миф наизнанку. Приобщившись к тайнам науки, Карик и Валя оказываются в мире, где о понятиях «добро» и «зло» надо забыть. Первобытный рай, в котором оказываются герои,

при ближайшем рассмотрении напоминает ад. В этом inferнальном мире царит только один закон – беспощадный закон взаимопожирания.

Много в повести откровенно садистских фрагментов. Например, рассказ о питании личинки осы-эвмены: «Неделями грызет она свою жертву, но до последнего дня гусеница остается живой, а мясо свежим. В первый день личинка питается кровью гусеницы, потом поедает жир, затем пожирает мускулы. Без крови, без жира, без мускулов гусеница продолжает жить и остается по-прежнему свежим мясом для личинки. Наконец личинка пожирает все остальное и закукливается» [Ларри, 1937, № 8, с. 35].

Биолог по образованию, Я. Ларри ничего не придумывает, описывая жизнь насекомых такой, какова она есть, но при этом назвать книгу «Приключения Карика и Вали» собранием увлекательных заметок натуралиста нельзя. Автор далеко ушел от первоначальной идеи, принадлежащей С. Маршаку, – создать для детей научно-популярную книгу по энтомологии.

В романе «Страна счастливых» главный герой Павел Стельмах в ответ на реплику Киры: «Знаменитость обязана страдать», – отвечает шутливо: «Это биология или социология?» [Ларри, 1931]. Однако вопрос этот серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Автор романа на вопрос своего героя мог бы ответить: «Это и биология, и социология». Писатель во многих случаях явно склонен не то социологизировать биологию, не то биологизировать социологию.

Аркадий Белинков верно заметил в связи с рассказом Ю. Олеси «Мы в центре города», опубликованном все в том же печально знаменитом тридцать седьмом, что «звери приходят в мировую литературу, когда из двух зол хотят выбрать меньшее» [Белинков, 1997, с. 377]. Ян Ларри не одинок в попытках придать конфликтам в мире животных аллегорический смысл. Жестокость правит миром в еще одной книжке о животных, также впервые появившейся в 1937 году, – «Рассказы в картинках» Николая Радлова: «Герои этих историй – хитрые звери. Либо ты кого-то съешь, либо тебя кто-то съест – выживают самые

находчивые» [Хеллман, 2016, с. 356]. Финский исследователь несколько тенденциозен – звери на рисунках Радлова не всегда столь кроважидны, но, видимо, дата публикации книги заставляет видеть все в черном цвете.

Я. Ларри глубже других писателей, обратившихся к рассказам о животных, поскольку не ограничивается примитивной аллегоризацией, но видит, что подоплекой социальных событий часто является биологическая потребность.

Герои «Необыкновенных приключений...», как это часто бывает в литературе, перемещаются не столько в пространстве – из точки А в точку Б, сколько во времени – из одной исторической эпохи в другую.

Иван Гермогенович добывает огонь, «как доисторический человек», высекая искру из кремня, а Карик и Валя, увидев костер, «принялись отплясывать какой-то дикий танец» [Ларри, 1937, № 7, с. 60]. «– Что ж, ребята, скажу откровенно: думать о постелях не стоит, – предупреждает профессор. – Мы будем спать, как спали наши предки. На деревьях, в шалашах или в пещерах» [Ларри, 1937, № 5, с. 52].

С копьем, сделанным из осинового жала, и в «серебристом костюме из паутины» Енотов выглядит как настоящий средневековый рыцарь: «Костюм профессора светился как начищенная стальная кольчуга» [Ларри, 1937, № 7, с. 63]. Особенно симптоматично, что к представителям мира насекомых также применяются социальные категории: ручейник, «самый настоящий разбойник», по определению Ивана Гермогеновича, «выходит на охоту, закованный, точно рыцарь, в крепкую броню. Но рыцари надевали только латы, шлемы и кольчуги, а этот господин таскает на себе целую крепость» [Ларри, 1937, № 6, с. 84].

Героям повести даже доведется поучаствовать в настоящих классовых битвах, сотрясающих травяные джунгли. Объясняя причины муравьиных войн, профессор Енотов пользуется термином «рабство»: «Красные муравьи отняли у черных их коконы, их детей. Теперь они отнесут эти коконы к себе в муравейник, и, когда из них выйдут муравьи, они превратят их в своих рабов». Карик метафору профессора буквализирует: «Что-о? – Карик вскочил, точно ужаленный. – Так чего же вы

молчали? Эти рабовладельцы их грабят, а мы тут сидим, сложа руки?!

Он схватил с земли камень и пустил его с силой в толпу бандитов, которые тащили из муравейника белые коконы» [Ларри, 1937, № 6, с. 75].

Вмешательство Карика в природные процессы абсолютно бессмысленно, муравьиным Спартаком он стать, разумеется, не сможет. Экспорт революции в данном случае не пройдет. Тем не менее, сначала Валя, а потом и профессор Енотов поддерживают благородный порыв пионера. Непоследовательность профессора, который обозвав Карика и Валю сумасшедшими, тут же присоединяется к сражению с красными муравьями, объяснить можно, ведь он в своих экспериментах вдохновляется в высшей степени советской идеей пересоздания природного мира. Андрей Платонов в начале 1920-х гг. в статье «Электрификация» выразился предельно ясно: «Коммунизм борется не только с капиталом, но и с природой» [Платонов, 2004, с. 139]. Потерпев поражение в схватке с муравьями-рабовладельцами, профессор Енотов в финале повести пафосно обещает: «Мы еще вернемся когда-нибудь снова сюда. Мы придем с большой экспедицией, вооруженные с ног до головы, и завоюем этот, еще малоисследованный, мир» [Ларри, 1937, № 11, с. 91].

В отличие от Андрея Платонова, Ян Ларри не столь догматичен. В коротеньком послесловии от автора научные достижения профессора Енотова, будто бы научившегося «превращать слона в муху», сводятся к тому, что он, возможно, всего лишь «делает из мухи слона» [Ларри, 1937, № 11, с. 95].

Перед тем, как вернуть Енотову естественный рост, писатель подвергает его еще одному унижению. Карик и Валя, увеличившиеся до нормальных размеров, заключают оставшегося крошечным Ивана Гермогеновича в рюмку. В журнальном варианте Я. Ларри ограничивается простой констатацией. «Мы посадим в рюмочку профессора, а потом...» – произносит на последней странице Карик [Ларри, 1937, № 11, с. 95]. В книжном варианте все гораздо содержательнее. Карик приглашает профессора в рюмку загадочной репликой: «Переходите в хрустальный дворец, Иван Гер-

могенович!» [Ларри, 1958, с. 271].

Образ хрустального дворца слишком частотен и значим в мировой культуре, чтобы его появление в тексте повести можно было объяснить случайностью. Наиболее активная фаза символизации хрустальных дворцов в литературе и искусстве началась после 1851 года, когда в Лондоне к открытию Всемирной промышленной выставки было построено здание, получившее название «Crystal Palace». «PR-кампания, развёрнутая организаторами выставки, представляла экспонаты и сам павильон как чудо, совершённое человеческим разумом, как долгожданное воплощение мечты. Позже стеклянные здания превратились в обязательный атрибут социальных утопий. Это значение следует считать заимствованным: образ Crystal Palace, трансформированный в образ стекляннно-чугунного дома, был перенесён в роман-утопию “Что делать?” Н. Г. Чернышевским, побывавшим в Лондоне и вдохновлённым достижениями разума и английского прагматизма. Но устойчивость фразеологическая единица *хрустальный дворец* в этом значении получила в произведениях Ф. М. Достоевского» [Андреева, 2014, с. 38].

Пожалуй, самое известное упоминание хрустального дворца встречается в «Записках из подполья», где герой-парадоксалист рассуждает о наступлении всеобщего счастья: «...законы природы стоит только открыть, и уж за поступки свои человек отвечать не будет и жить ему будет чрезвычайно легко. Все поступки человеческие, само собою, будут расчислены тогда по этим законам, математически, вроде таблицы логарифмов. <...>

Тогда-то <...> настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже вычисленные с математической точностью, так что в один миг исчезнут всевозможные вопросы, собственно потому, что на них получатся всевозможные ответы. Тогда выстроится хрустальный дворец» [Достоевский, 1989, с. 468-469].

Обычно в комментариях указывается, что последняя фраза – это полемический намек на «Четвёртый сон Вера Павловны в романе «Что делать?» Б. П. Вышеславцев в книге «Кризис индустриальной культуры», заостряя антиутопический пафос автора «Записок из подпо-

лья», писал: «Достоевский всегда утверждал, что социализм противоречит человеческой свободе во всех ее формах, начиная от инстинктивной свободы произвола – до высшей духовной свободы совести и мысли: когда будут построены “дворцы социализма”, непременно восстанет “господин с ретроградной физиономией” и скажет: А что, господа, не послать ли нам к чорту все эти хрустальные дворцы социализма “единственно для того, чтобы по своей глупой воле пожить”» [Вышеславцев, 1982, с. 173].

Учитывая принципиальность для Достоевского спора с Чернышевским, нельзя не отметить, что его «хрустальный дворец» – это символ торжества не только социальной, но и сциентистской утопии [Kovtun, 2011, p. 1045-1057]. Творчество Я. Ларри в основном укладывается именно в эти рамки, и поэтому примечательна еще одна переключка с классиком. В романе «Преступление и наказание» (часть I, гл. VI) хрустальным дворцом именуется трактир. Рюмка-дворец, в которой Иван Гермогенович «ест сыр и запивает портвейном» [Ларри, 1958, с. 274] – еще более злая, чем у Достоевского, пародия на «хрустальные громадные дома» для общих трапез Чернышевского [Чернышевский, 1974, с. 379].

Писатель окончательно развенчивает демиургические претензии профессора Енотова, по сути, превратив его в подопытного кролика. Зеркально симметричны две сцены повести. Во второй главе Валя, узнав, что они с Кариком «стали крошечные, вроде комаров», радуется: «Вот интересно-то!» Ее брат оценивает ситуацию иначе: «Дура! – рассердился Карик, – ничего интересного нет. Посадят нас теперь в банку и будут рассматривать через микроскоп» [Ларри, 1937, № 3, с. 91]. В последней, восемнадцатой главе даже не в банке, а в рюмке оказывается профессор Енотов.

Примерно то же сочетание мотивов – заключение студента Ансельма в стеклянную банку, и погружение архивариуса Линдгорста-Саламандра в «прекрасный золотой бокал» с «зажженным араком» – есть в сказке Гофмана «Золотой горшок» [Гофман, 1991, с. 259]. Внешнее сходство подчеркивает концептуальное различие двух «фантазий». Ансельм оказывается «в плотно закупоренной хру-

стальной склянке на большом столе в библиотеке архивариуса Линдгорста» [Гофман, 1991, с. 246] за прегрешение против своей возлюбленной Серпентины. Кроме того, пребывание в «стеклянной тюрьме» [Гофман, 1991, с. 247] – это для него последнее испытание перед переселением в райскую Атлантиду, где вера в Серпентину и любовь открыли Ансельму «сердце природы» [Гофман, 1991, с. 261].

Профессор Енотов окажется в стеклянном заточении из-за коллекционерского фанатизма. Вместо того чтобы поскорее вернуть себе прежний облик, он ловит редкостную бабочку экофору: «Он позабыл обо всем на свете. <...> Он помнил только одно: в его богатой коллекции – в семействе бабочек, в отряде моли, там, где под стеклом на тонких булавках сидела, распластав крылышки ковровая моль, меховая моль, волосяная, зерновая, вишневая, боярышниковая, лопушниковая, полевая и всякая другая моль, – в этом отряде вредителей не было еще до сих пор оливковой экофоры» [Ларри, 1937, № 11, с. 92]. Пытаясь поместить живую природу «под стекло», сам профессор окажется в роли зоологического экспоната. Показательно, что на фотозаставке к публикации последних глав повести (Костер, 1937, №11, с. 87) Карик, Валя и их мама с иронической улыбкой рассматривают профессора Енотова, который стоит на дне рюмки с высоко поднятыми руками – общеизвестный жест человека, сдающегося на милость победителя.

На границе природного и культурного миров Валя и Карик, сбросив одежду из лепестков незабудки и паутины, облачаются в рубашку и брюки профессора Енотова. Семантику мотива переодевания в мифологии и литературе, которая сохраняет актуальность и для повести Я. Ларри, четко очертила О. М. Фрейденберг: «Перемена одежды стала представляться переменной самих сущностей людей. <...> Одежда действующих лиц в литературном произведении, от шкуры убитого зверя, через ее растительные виды (листья), венки и т. д. и вплоть до платья, оказалась связанной с перипетией самого сюжета: такова эпическая роль бедной и грязной одежды, рубища и пр. или животворящая значимость богатой, светлой, яркой и, главное, новой одежды. Эта сюжетная перипетия достигается поэтому одним пере-

одеванием героя в платье, соответствующее той фазе, – смерти или обновления, – которую он переживает» [Фрейденберг, 1997, с. 201].

Присвоив одежду профессора, Карик присваивает и его знания. Когда толпа агрессивных мальчишек преграждает Карика и Вале путь к дому, их спасает знание биологии:

«Карик поднял руку с профессором высоко над головой, вытаращил глаза и страшным голосом закричал:

– Микро-гасте-е-ер не-мо-о-р-р-у-ум!

Ребята шарахнулись.

– Сумасшедшие, – испуганно сказал кто-то в толпе.

Карик затопал ногами и закричал еще громче:

– Ка-р-р-рабу-ус!.. Корр-ри-кса! Тр-ри-унгу-ли-на!

Налетая друг на друга, мальчишки кинулись врассыпную» [Ларри, 1937, № 11, с. 95].

Научные термины, которые мальчишки принимают за бред сумасшедшего, это и наглядная демонстрация силы знания, и магическое заклинание, и своего рода пароль, необходимый для того, чтобы вернуться из сказочного тридцатого царства в мир людей.

Вполне закономерно, что отправляясь в страну насекомых, Карик и Валя своей наготы словно бы не заметили и лишь в момент возвращения к нормальной жизни вновь вспомнили об одежде:

«– Постой, сказала Валя, – как же мы пойдем по городу голые?

– Ничего. Добежим.

– Нет, нет, – сказала Валя, – надо одеться. Так я не пойду» [Ларри, 1937, № 11, с. 93].

В книжном издании повести Валя объясняет свое нежелание бежать по улицам голой:

«– Постой... Как же мы пойдем по городу голыми!

– Подумаешь! – презрительно фыркнул Карик.

– Нет, нет! – сказала Валя. – Я не пойду. Это нехорошо.

– Что значит нехорошо? – удивился Карик.

– Да у меня все кости торчат наружу. Сморти, какая я худая. Надо мной смеяться будут» [Ларри, 1958, с. 265].

Мотивировка весьма необычная. Я. Ларри закольцовывает сюжет обретенного / поте-

рянного рая. Слово «нехорошо», которое употребляет Валя, можно было бы истолковать как отсылку к библейскому: «откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 5). Однако Карик по-прежнему не понимает, «что значит нехорошо?» А Валя в качестве критерия разграничения добра и зла выбирает не этический, а эстетический принцип. Герои по-прежнему «по ту сторону добра и зла».

Перед тем, как пуститься на поиски Карика и Вали, профессор Енотов устанавливает маяк, который должен послужить ориентиром на обратном пути из микромира, – шест с повязанным на верхушке красным платком [Ларри, 1937, № 4, с. 67].

В тексте журнала «Костер» вешка, указывающая на ящик с увеличительным порошком, свою функцию выполнит на все сто процентов. Перед героями, добравшимися до заветной коробки, открывается величественная картина: «...точно толстая фабричная труба, высился маяк Ивана Гермогеновича. Красный флаг на верхушке маяка терялся где-то чуть ли не под облаками» [Ларри, 1937, № 11, с. 90].

В книжном издании профессор и его спутники рискуют навсегда заблудиться в травяных зарослях, поскольку никакого путеводного маяка больше нет:

«Профессор стоял на пуговице, внимательно разглядывал окрестности пиджака. Он искал шест с красным платком. Но шеста нигде не было. <...>

– Упал! Упал разбойник! И не более как десять минут назад.

– Кто упал? – разом спросили ребята.

– Наш маяк!.. Но это не беда. Мы уже на месте» [Ларри, 1958, с. 257].

Путь героям книги указывал уже не реющий где-то под облаками флаг, как две капли воды похожий на знамя страны победившего социализма, а всего лишь шест с красным платком. Столь прозаический предмет сыграть роль спасительного маяка, конечно, не в состоянии.

Окончательная дискредитация политизированного символа флага-маяка произошла в мультфильме, снятом по книге Я. Ларри в 2005 году Александром Люткевичем. Профессор Енотов прикрепляет к палке уже не красный, а самый обычный носовой платок белого цвета с каймой. Кроме того, сценарист вводит в мультсериал еще одну существенную подробность. В повести Я. Лари смелый план полета к маяку на шмелях основывается на том, что «у них там гнезда» [Ларри, 1937, № 11, с. 88]. Шмель используется героями как попутный транспорт. Мультишный же профессор, подвесив перед глазами шмеля медовую приманку, ловко управляет его полетом. Это очевидная отсылка к старинной притче про осла и морковку. В таком контексте повесть «Необыкновенные приключения Карика и Вали» приобретает иной смысл. Впрочем, это совсем другая история.

Библиографический список

- Андреева С. Л. Об авторстве фразеологической единицы хрустальный дворец сквозь призму лингвокультурологического анализа // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №3(45). – С. 37–40.
- Белинков А. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. – М.: РИК «Культура», 1997. – 539 с.
- Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. – New York: Chalidze Publications, 1982. – 353 с.
- Гофман Э.-Т.-А. Золотой горшок // Гофман Э.-Т.-А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Фантазии в манере Калло; Принцесса Бландина; Необыкновенные страдания директора театра. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 190-262.
- Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 4. Униженные и оскорбленные. Повести и рассказы 1862-1866. Игрок. – Л.: Наука, 1989. – С. 452-550.
- Kovtun N. On the Ruins of the "Crystal Palace" or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N. G. Chernyshevsky, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. – 2011. – № 7 (4). – P. 1045–1057.

- Ларри Я. Страна счастливых. С предисловием Глебова-Путиловского. – Л., Ленинградское областное издательство, 1931. URL: <http://larri.lit-info.ru/larri/proza/strana-schastlivyh.htm>
- Ларри Я. Необыкновенные приключения Карика и Вали. Повесть Фотоиллюстрации С. Петровича // Костер. – 1937. – № 2 (с. 27-30), № 3 (с. 89-93), № 4 (с. 64-75), № 5 (с. 41-53), № 6 (с. 69-85), № 7 (с. 59-70), № 8 (с. 31-44), № 9 (с. 34-48), № 10 (с. 60-69), № 11 (с. 87-95).
- Ларри Я. Необыкновенные приключения Карика и Вали. – Куйбышевское книжное издательство, 1958. – 276 с.
- Ларри Я. Л. Небесный гость. Социально-фантастическая повесть // Распятые. – СПб.: «Север-Запад», 1993. URL: <http://larri.lit-info.ru/larri/proza/nebesnyj-gost/nebesnyj-gost.htm>
- Панфилов Р. Загадка грехопадения // НГ-Религии. – 2005 – 16 ноября. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2005-11-16/8_sin.html
- Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 384 с.
- Платонов А. Электрификация (Общие понятия) // Платонов А. Сочинения. Т. 1. 1918–1927. Книга вторая. Статьи. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – С. 133–142.
- Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 445 с.
- Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы. Авториз. пер. с англ. О. Бухиной. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 560 с.
- Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях // Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. – М.: Правда, 1974. – 464 с.

A.I. Kulyapin
Altai State Pedagogical University
Russia, Barnaul

“THIS IS BIOLOGY”: POETICS OF THE NOVEL “THE UNUSUAL ADVENTURES OF KARIK AND VALI” BY IAN LARRY

Abstract. In the novel “The Unusual Adventures of Karik and Vali” (1937), both a cozy home space and a harmonious kingdom of nature can easily be considered Eden, but only when viewed from afar. However, up close, these worlds are more like the underworld. In one coordinate system, the absence of Karik and Vali from home organically correlates with the plot of the biblical parable about the expulsion from paradise, in the other – with the search for the lost paradise.

Key words: utopia, dystopia, poetics, plot, motive, symbol, myth.

Е.В. Лукашевич

Детки – деткам рознь: этнопсихолингвистические проблемы русской ментальности

Впервые опубликовано: Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 100-108.

Аннотация. В статье с позиций психолингвистики и когнитивной лингвистики анализируется синонимический ряд ребенок – дитя – чадо – ребяенок. На основе использования авторской методики, включающей поэтапное моделирование семантической, когнитивной и концептуальной структур слова и установление корреляции между ними, выявляется соотношение стабильных и нестабильных признаков в структуре значения слова как фактор эволюции значения слова в обыденном сознании носителя языка на определенном этапе развития языка.

Ключевые слова: психолингвистика, когнитивная лингвистика, синонимия, моделирование, динамика значения слова.

Лукашевич Елена Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики журналистики

Алтайский государственный университет (Барнаул)

E-mail: lmce@mail.ru

В настоящее время в социологических и психологических исследованиях, а также в методике и практике преподавания русского языка как иностранного все большее внимание уделяется этнопсихолингвистической проблематике. В частности, главную задачу овладения языком в коммуникативном плане А.А. Леонтьев формулирует так: «Научиться говорить или писать так, как говорит или пишет носитель языка (или, по крайней мере, стремиться к этому как к пределу» [Леонтьев, 1999, с. 226]. В связи с этим в структуре коммуникативной компетенции, наряду с языковым и речевым компонентами, все чаще выделяется культурный компонент, отражающий национальную ментальность и необходимый для адекватной коммуникации. Под ментальностью мы понимаем «социально-психологические установки, способы восприятия, манеру чувствовать и думать повседневного коллективного сознания, не отрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков» [Гусев, 1994, с. 25].

Если рассматривать ассоциации как «минимизированное представление об окружающем мире и оценку этого мира человеком» [Сорокин, 2000, с. 5], то результаты ассоциативного эксперимента, представленные в «Русском ассоциативном словаре» [Караулов и др., 1994-1996] (далее – РАС) позволяют получить данные о *специфике этнического сознания*, ментальности, важные не только для носителей русского языка, но и для тех, кто изучает русский язык и русскую культуру. Покажем это на примере анализа синонимического ряда *ребенок – дитя – чадо – ребяенок*. Нетождественность вербального и невербального опыта обуславливает тот факт, что один и тот же объект связывается в различных национальных языках с разным содержанием [Сорокин, 2000, с. 5]. На наш взгляд, такая же ситуация возможна и в одном языке.

Сопоставление словарных дефиниций данных слов в современных толковых словарях показывает, что *ребенок*, *дитя*, *ребяенок* связаны семами 'маленький мальчик/девочка' и 'сын или дочь', а *чадо* соотносится с ними только по семе 'сын или дочь', при этом оно стоит ближе к *дитя* – 'независимо от возраста', ср.: *ребенок* – 'до отроческого возраста' (т.е. до 13-15 лет), видимо, аналогично у *ребяенок*. Кроме того, словарь связывает *ребенок* и *дитя* по компоненту значения 'о наивном, неопытном человеке'; а *дитя* и *чадо* по значению 'человек, усвоивший характерные черты породившей его среды, обстановки, тесно, кровно связанный с кем-, чем-л.' (различие – в сфере употребления) [Словарь русского языка, 1981-1984] (далее – МАС). Сравним это с результатами свободного ассоциативного эксперимента.

«Хотя считается, что представители разных культур испытывают универсальные эмоции, *распределение* этих *универсальных эмоций*, (в структуре значения – Е.Л.) их *интенсивность* и *способы выражения специфичны* для носителей разных языков. С психолингвистической точки зрения, каждое слово "выводит" нас в сложный мир переживаний, которые не всегда могут быть отображены сознанием и дифференцированы» [Мягкова, 2000, с. 22] (курсив мой – Е.Л.). Специфика эмоционального компонента значения слова как единицы лексикона определяется: 1) совокупностью составляющих его элементов; 2) разным уровнем их осознаваемости и социально-культурной опосредованности; 3) индивидуальными особенностями репрезентации информации [там же].

Анализ эмоционально-оценочных реакций данных слов показал, что по количеству положительных оценок слова располагаются следующим образом: *ребяенок* – *ребенок* – *чадо* – *дитя* (соответственно 76%; 73,4%; 63,5%; 62,5%). Наиболее частотными являются оценки *милый (ое)*, *любимый (ое)*. Среди отрицательных оценок доминируют *глупый (ое)*, *непослушный (ое)*. Анализ эмоционально-оценочных реакций с частотностью более 1 в каждом из слов позволил выявить различия между ними.

ДИТЯ:

1. Реакцию *малое* 54 (14,5%) у носителей современного языка, по-видимому, следует рассматривать не столько как констатацию возрастных особенностей (малый – 4. Небольшой по возрасту, малолетний (МАС)), сколько как реализацию стереотипа, не фиксируемого толковыми словарями, (*как*) *малое дитя*, т.е. неумелое, требующее заботы, внимания со стороны взрослых и т.п. (ср. с единичной реакцией – взрослый человек соответствующего поведения). Кроме того, в настоящее время, на наш взгляд, данная реакция чаще связывается с переносным значением 'о наивном, неопытном, доверчивом человеке' (МАС), причем независимо от возраста. Компонентный анализ этого значения позволяет уточнить, что имеется в виду человек, 'не имеющий жизненного опыта, т.е. знаний, навыков, умений, вынесенных из жизни, практической деятельности', а потому 'бесхитростный, непринужденный, открытый, прямой, легко доверяющий всем (доверие – убежденность в чьей-либо искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-, чему-л.)' (МАС). Следовательно, обнаруживаются устойчивые когнитивные структуры русской ментальности, лежащие в основе этических норм, в соответствии с которыми наличие жизненного опыта у взрослых предполагает условность, притворство в поведении, отношении к окружающим.

2. Реакции *неразумное* 7, *несмышленное* 2, *глупое* 2, *избалованное* 3, *балованное* 2 как раз и позволяют выявить признаки, лежащие в основе названного выше стереотипа и постепенно нарастающие в структуре эмоционально-оценочного компонента значения слова, обуславливающие его динамику:

Баловать – 1. *Излишне* нежить и холить, исполнять все желания и прихоти.

Избаловать – *Испортить* *излишним баловством*.

Холить – *Заботливо, с большим вниманием* ухаживать за кем-, чем-л.

Нежный – 1. // *Выражающий ласку, любовь, исполненный мягкости, ласки, любви*. 4. *Слабый, хрупкий, изнеженный* // Такой, который требует *бережного отношения*.

Прихоть – *капризное желание, причуда*.

Неразумный – Не обнаруживающий, *не проявляющий рассудительности, здравого смысла.*

Глупый – 1. // Разг. Неразумный, несведущий, *наивный* (о детях, юных существах) (МАС).

То есть *дитя – ребенок*, испорченный излишним, большим вниманием, лаской, любовью, бережным отношением, в результате чего он стал слабым, мягким, изнеженным, капризным, лишенным рассудительности и здравого смысла, наивным и т.п. Этого наше общество не одобряет. И в качестве противоположности приветствуется *дитя любимое 17, милое 8, невинное 3, радость 3, прелестное 3, прелесть 2.*

Любимый – 3. Тот, кого любят. 4. В знач. прил. *Предпочитаемый* всем остальным.

Милый – 1. Располагающий к себе; славный, хороший // Приятный на вид, привлекательный. 2. *Близкий сердцу, родной, дорогой.*

Невинный – 2. *Наивный, простодушный.*

Простодушный – Бесхитростный, *доверчивый.*

Прелестный – Исполненный прелести (очарования, обаяния, внушаемого кем-л. красивым, приятным, привлекательным), *вызывающий восхищение; очаровательный.*

Славный – Разг. *Располагающий* к себе своими *достоинствами, качествами, очень хороший.*

Хороший – Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению (МАС).

Как видим, анализ положительных оценок (в силу их расплывчатости, неопределенности, несоотнесенности с различными сферами деятельности ребенка) не позволяет уточнить те достоинства, положительные качества, свойства, которые составляют образ-эталон. Представляется, что такой спектр положительных оценок и эмоций, являющихся отражением не столько объективных качеств ребенка, сколько того, как мы его воспринимаем (восхищение, очарование, любовь, ласка), отражает и причину появления отрицательного результата нашего воспитания (ср.: единичные реакции – хоть дурное, но дитя; тупое, придурок, подлое, противное, безвольное, беспомощность, испорченное, нытик, рок

и т.п.). При этом в отношении к ребенку (особенно своему), даже при осознании его отрицательных качеств (обратим внимание на смягченность их характеристик, из которых самые грубые – тупое, придурок, подлое), доминирует положительное отношение, что отражается в пословицах: «Свое дитя и горбато (хило), да мило»; «Свой дурак дороже чужого умника»; «Дитячко что тесто: как замесил, так и выросло» и т.п. Возможно, причиной этого является фоносемантическое содержание этого слова, включающего такие положительные характеристики, как ‘радостный, светлый, добрый, маленький, горячий, веселый, яркий, активный’ (ср.: *ребенок* – ‘радостный, шероховатый, веселый, яркий, подвижный, быстрый, активный’). На наш взгляд, в данном случае положительный фоносемантический потенциал слова (звучание) служит структурообразующим компонентом значения, уравновешивая энергийный потенциал (возрастающее отрицательное эмоциональное содержание) слова, при неизменном понятийном содержании [см. об этом: Пищальникова, 2000, с. 98].

ЧАДО:

1. Явное уменьшение реакций, связанных с семей ‘маленький/ малый’: соответственно 4/4 – 1,5% (ср.: *ребенок* – 14,6%), что подтверждает данные словарной статьи о независимости от возраста. Но нет достаточных оснований утверждать, что *чадо* – это только сын или дочь, а не дети вообще. Ср.: сын/ дочь – лицо мужского / женского пола по отношению к своим родителям (МАС).

2. Отрицательные эмоционально-оценочные реакции (избалованное 5, непослушное 4, непоседливое 3, баловень 2, неженка 2, маменькин сынок 2, плаксивое 2, плохо 2, неразумное 2, дурак 2, неугомонное 2, ужасное 2, иждивенец 2, глупый 2, великовозрастное 2 и т.п.) эксплицируют такие признаки, как ‘изнеженный, избалованный, чрезмерно чувствительный, не желающий слушаться, повиноваться, понимать что-л’. Положительные реакции (любимое 42, родное 20, чудо 14, милое 9, ненаглядное 8, умное 3, чудное 2, хорошо 2) дают такие признаки, как ‘предпочитаемый, близкий сердцу, такой, на которого нельзя наглядеться, налюбоваться; вы-

зывающий удовольствие, восхищение и т.п.'. Таким образом, большая часть выделенных признаков содержит в себе сему интенсивности, чрезмерности, несоответствия норме. Причем в основном они характеризуют не само *чадо*, а связаны с нашим восприятием его поведения и способностей, и, при отсутствии строгих норм в социуме, достаточно субъективны. «Многие "житейские" понятия носители языка скорее чувствуют, чем знают» [Мягкова, 2000, с. 22], особенно если они относятся к сфере ментальности, само собой разумеющемуся поведению и реагированию. Ср.: непослушный – такой, который не желает слушаться, повиноваться (и это плохо!). Послушный – покорный, повинующийся, подчиняющийся. И если это чрезмерно, то тоже должно быть плохо! Но каким образом выявить норму? Как правило, в реальной жизненной ситуации для любого из нас это не составит особой проблемы, хотя может вызвать затруднения в формулировке предъявляемых требований. На наш взгляд, это иллюстрирует положение Е.Ю. Мягковой о двухкомпонентности эмоциональных явлений: одним членом является психическое отражение объекта эмоции, другим – психическое отражение ее субъекта-носителя [Мягкова, 2000, с. 21], и ставит два вопроса: 1) о соотношении компонентов; 2) о возможности иных компонентов: например, психического отражения существующих в социуме норм, стереотипов и т.п.

В связи с этим кажется важным выделение следующей группы реакций на стимул *чадо*: единственное 6, единственное дитя 3, единственный ребенок 2, маленький сынок 2, маленькино, мамино 3, любимое дитя, ребенок интеллигентов (всего 9,6%). Часть из них нельзя однозначно охарактеризовать как положительные или отрицательные, но можно говорить о преимущественной тональности. Единственный ребенок, вероятнее всего, и будет изнеженным, избалованным, непослушным, чрезмерно любимым, близким сердцу и т.п. Кроме того, наличие единственного ребенка не соответствует традициям русской семьи («одно чадо, да и то чало») и интересам государства (проблемы воспроизводства населения), следовательно, вызывает негативное отношение (36,5% отрицательных эмоци-

онально-оценочных реакций по сравнению с 26,6% у стимула *ребенок*). Показателен факт увеличения у данного стимула реакций с грубо-просторечной окраской: выкормыш, выродок, жлоб, идиот, осел, что, на наш взгляд, показывает, каким образом может меняться эмоциональный компонент слова в процессе жизни человека и от чего могут зависеть эти изменения.

Таким образом, по нашему мнению, можно говорить о развитии значения слова *чадо* в современный период: 1) возможное закрепление семы 'единственный ребенок'; 2) изменение оценочного компонента в сторону более негативной оценки, чем шутовское, ироническое (МАС), чему в определенной мере способствует и фоносемантическое содержание этого слова: *чадо* – 'шероховатый, грубый, горячий, быстрый, подвижный'. Если учесть, что «помета шутол. ставится при словах, имеющих значение шутки, языковой игры, а ирон. – при словах, приобретающих в высказывании значение, противоположное буквальному, и употребляемых с целью насмешки» [Скляревская, 1998, с. 33], то результаты ассоциативного эксперимента позволяют допустить возможность помет «неодобрительное, пренебрежительное» и даже «презрительное» (резкое порицание).

РЕБЯТЕНОК:

1. Анализ фоносемантического содержания слова *ребяенок* ('радостный, веселый, яркий, подвижный') показал его практически полное соответствие эмоционально-оценочному содержанию. Так, положительные оценки веселый 6, смешной 3, игривый 2, карапуз 2, резвый 2, шустрый 2 актуализируют такие признаки, как 'жизнерадостный, склонный к забавам, смеху; любящий играть, резвиться, находясь все время в движении; быть подвижным, быстрым, проворным'. К ним примыкают и реакции шалун 6, шаловливый 3, которые хотя и характеризуются как превышающие норму ('играя, забавляясь, вести себя более резво, вольно и шумно, чем следует; баловаться'), однако для ребенка вполне нормативны (и, пожалуй, необходимы в качестве признака нормального здорового ребенка). Из отрицательных реакций выделяются – непослушный

5, глупый 3, несмышленый 3, грязный 2, чумазый 2.

2. Для 17% информантов наиболее значительными признаками оказались возраст и размер: маленький 67, малый 4, кроха, крохотный, крошечный и т.п.

3. 13,4% формально-семантических реакций (ср.: у слова ребенок они составляют 2,1%): жеребенок 19, котенок 15, чертенок 9, октябренок 6, зверенок 2, козленок 2, кутенок 2, лягушонок 2, утенок 2, ягненок 2, гусенок, мышонок, олененок, осленок, опенок, поросяенок, пчеленок, рубашонок, цыпленок, щенок, среди которых есть и окказионализмы, – демонстрируют, на наш взгляд, такие компоненты значения, как ласкательность (доброжелательность) в отношении к детскости (невзрослости).

4. Интересны реакции деревня, деревенский ребенок, маненький, масенький, ма-

хонький (около 1% реакций). Дело в том, что в словарной статье МАС содержится помета «просторечное», указывающая «на запретительный характер таких слов как ненормативных, стоящих на границе литературной нормы и употребляющихся в литературной речи в основном как стилистическое средство» [Лукьянова, 1998, с. 77]. Однако в целом характер реакций на данное слово практически не отличается от реакций на другие стимулы, а количество отказов такое же, как у стимулов *дитя*, *чадо* (в среднем 2%; у *ребенок* – 0,7%). Единична метаязыковая реакция – не употребляю. Следовательно, для среднего носителя языка в языке-феномене (а не в системе языка) различие между словами *ребенок* – *ребяенок* лежит скорее в области значения, а не сферы употребления.

Наличие признаков, выделенных нами у слов *ребенок* – *ребяенок* – *чадо* – *дитя* на

Таблица 1

Ассоциации, характеризующие предметную деятельность ребенка – *ребяенка* – *чада* – *дитяти*

Ребенок (10,5%)	Дитя (8,1%)	Чадо (2,5%)	Ребяенок (6,4%)
плачет 13 – плач 3 – плакать 2 – плачущий 2 – не плачь 1 – ревет 2	плачет 9 – плакать – плач		плачет 7
кричит 4 – крик – лжет – смеется			кричит 2 – воет – смеется
заболел 3 – болеет – болен			болен
спит 3 – проснулся	спит 3 – сон 2		спит 2
играет 5 – бегают – идет – уполз	резвится – играет – ползание – упала – упало	играет	играет 4 – игра – играет – играл – бежит – побежал – ползает – спрятался – упал 2 – хулиганит
родился 4 – подросток – растёт	родилось 2	растет – выросло	родился 2
рожать – будет – ласкать – умиляться – заботы – хлопоты	видят – носят – обожать – помни – хочу – ласка	любить 2 – думать – подумать – качать на руках – забота – ласка – любовь – пужать	жаль – защити – хлопоты – любовь

основе анализа эмоционально-оценочных реакций, подтверждается и в сфере предметной деятельности (см. таблицу 1 ниже).

Так, оказывается, что *чадо* чаще выступает в качестве объекта нашей деятельности, чем делает что-л. само, зато ребенок активнее всего проявляет себя в физической деятельности. А сопоставление эмоционально-оценочных и деятельностных характеристик ребенка – дитяти в сознании среднего современного носителя языка, как представляется, не дает оснований говорить об устарелости второго. Анализ смыслов, рождаемых в нашей деятельности по отношению к детям, показывает, что русский менталитет фиксирует как наиболее важные следующие признаки: 1) появление на свет; 2) нормальная жизнедеятельность (двигаться, играть, спать, смеяться) и ее нарушение (болеть, плакать, кричать); 3) доминирование положительного отношения взрослых к детям (любить, заботиться, ласкать).

Показательно, что нет характеристик интеллектуальной, речевой деятельности, в которых дети выступали бы как объекты или субъекты. Как правило, атрибутами ребенка для нас, что следует из ассоциативных реакций, являются пеленки, соска, коляска, кроватка, игрушки, сопли и слезы, будущее, но никак не отражены его духовные, познавательные потребности. Мало значимы характеристики ума и внешности. Как видим, «человеческий опыт органически включает этнокультурные модели поведения, которые реализуются осознанно и бессознательно, находят многообразное выражение в речи и кристаллизуются в значении и внутренней форме содержательных единиц языка» [Карасик, 2000, с. 40].

Если расположить анализируемые слова по степени устойчивости структуры значения в обыденном сознании носителей русского языка, то выявляются следующие особенности:

- наиболее устойчивой структурой значения обладает слово *ребенок*, вероятно, это связано с частотностью его употребления по сравнению с другими словами;

- на базе употребления слов *ребенок*, *дитя* в значении 'о наивном, неопытном, доверчивом человеке независимо от возраста' сформировались устойчивые сочетания «как маленький ребенок», «как малое дитя»;

- возможно изменение зафиксированного словарями значения у слова *чадо* от 'устар., теперь шутил., ирон. Сын или дочь (независимо от возраста)' в сторону 'неодобр., пренебр., презрит. Единственный ребенок независимо от возраста (не обязательно сын или дочь)';

- возможно появление у слов *дитя*, *чадо* компонентов значения 'изнеженный, избалованный ребенок';

- возможно расширение сферы употребления слова *ребенок* и закрепления за ним компонентов значения 'подвижный, резвый, склонный к забавам, играм ребенок'.

Наша попытка определить условия функционирования членов синонимического ряда *ребенок – дитя – чадо – ребенок* в языке-феномене позволила не только проследить процесс объективизации субъективного коммуникативного намерения в слове через переход от мысли к слову (когнитивный аспект), но и представить возможность прогнозирования эволюции значения слова на основе смыслов, воплощающих восприятие и осмысление действительности человеком в результате его практической деятельности.

Библиографический список

Гусев С.С., Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение: структура и способы организации. СПб: Наука, 1994.

Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37-47.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. и др. Русский ассоциативный словарь. В 4 книгах. М.: ИРЯ РАН, 1994-1996.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999.

Лукьянова Н.А. Современная диалектная лексикография Урала, Сибири и Дальнего Востока: типология и краткая характеристика словарей // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 49-94.

Мягкова Е.Ю. Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 11. С. 20-23.

Пищальникова В.А. Анализ языка как синергетической системы: об одном «заимствовании» в русском языке // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2000. № 4. С. 96-100.

Скляревская Г.Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в новом академическом словаре // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 27-33.

Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. М.: Русский язык, 1981-1984.

Сорокин Ю.А. Составляющие образа мира: современные русские и китайцы // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 11. С. 5-8.

E. V. Lukashevich
Altai state University
Russia, Barnaul

CHILDREN ARE DIFFERENT FOR CHILDREN: ETHNOPSICHOLOGICAL PROBLEMS OF THE RUSSIAN MENTALITY

Abstract. The article analyzes the synonymic series child from the standpoint of psycholinguistics and cognitive linguistics. Based on the use of the author's methodology, including step-by-step modeling of the semantic, cognitive and conceptual structures of the word and establishing a correlation between them, the ratio of stable and unstable features in the structure of the meaning of the word is revealed as a factor in the evolution of the meaning of the word in the ordinary consciousness of a native speaker at a certain stage of language development.

Keywords: psycholinguistics cognitive linguistics synonymy modeling word meaning dynamics.

Раздел 3

От М до Р ('мыслите' - 'рцы')

Е.А. Манскова

Организация работы телевизионной службы новостей в условиях перехода к мультимедийной редакции

Впервые опубликовано: Медиаисследования. № 8. 2021. – С.56-64.

Аннотация. Потеря молодой аудитории и изменение типа медиапотребления заставляют телевидение активно осваивать площадки «новых медиа». Однако прямой перенос эфирного формата на Интернет-платформы не всегда адекватен запросам аудитории и снижает монетизацию контента, поэтому для современного ньюзрума актуальной становится проблема реорганизация работы редакции с учётом включения в алгоритмы производства этапа «переупаковки» контента. В данном исследовании проведён анализ уже существующих моделей перехода к мультимедийным редакциям, выявлены алгоритмы, не отвечающие специфике телевизионного производства, предложены новые модели мультимедиаизации для локальных телекомпаний.

Ключевые слова: служба новостей, телевидение, конвергенция, мультимедийная редакция, редактор.

Манскова Елизавета Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики

Алтайский государственный университет (Барнаул)

E-mail: manskova79@gmail.com

Вопросы организации работы редакции службы новостей сегодня актуализированы проблемой перехода традиционных СМИ к новым моделям функционирования в условиях развития «новых медиа». Телевидение долгое время ощущало себя особым звеном в процессах цифровой и медийной революции. Действительно, до сих пор оно остаётся в России медиа номер один по общему охвату аудитории (в европейских странах аудитория более массово «уходит из телевизора»). По данным исследований «Медиаскопа» за 2020 год хотя бы раз в месяц телевизор включали 97% россиян, а ежедневно его смотрят 67%. Для сравнения в Интернет, по данным того же «Медиаскопа», хотя бы раз в месяц выходили 70,8% россиян, ежедневных пользователей – 65,2%. Однако данные медиаизмерений показывают последние 5 лет устойчивую динамику потери аудитории телевидением, особенно аудитории молодой, и рост аудитории Рунета. Пандемия коронавируса и локдаун повысили телевизионные рейтинги лишь временно [Ачкасова].

Снижается и ещё один показатель – время линейного просмотра. Поведенческие стратегии современного пользователя контента не предполагают привязку к эфирной сетке, ожидание времени программы: потребитель хочет смотреть то, что ему нравится в то время, когда ему это удобно. Поэтому телевидение, как и Интернет-издания, активно осваивают площадки «новых медиа» для продвижения своего контента. При этом традиционный для телевидения продукт имеет свой формат, свою «упаковку», которая даже на уровне технического исполнения может быть не адекватна, к примеру, формату визуального контента социальных сетей (горизонтальное и вертикальное видео). Поэтому актуальной проблемой, особенно для локальных студий с небольшими бюджетами, остаётся эффективная

реорганизации традиционной структуры редакции для решения задач по продвижению своего продукта на разных площадках и платформах. Введение в штат редакторов сайтов и smm-специалистов обеспечивает размещение контента на платформах «новых медиа», увеличивает охват аудитории, но не решает две важные проблемы: проблему адаптации телевизионного формата под специфику конкретных платформ и проблему оперативной доставки информации. Из-за технически самого сложного процесса производства телевизионные новости сегодня уступают в оперативности любым сетевым изданиям или социальным медиа.

Целью данного исследования стал анализ уже существующих моделей перехода к мультимедийным редакциям, выявление в них алгоритмов, не отвечающих специфике производства видеоконтента, и поиск оптимального решения проблемы перехода к мультимедийной редакции для локальных телевизионных компаний.

Методологически исследование основано на структурном и функциональном подходах. Специфика экранного продукта, определяющая алгоритмы его производства, рассматривается в парадигме семиотического подхода. Исследование опирается и на результаты включённого наблюдения: автор имеет 15-летний практический опыт работы в качестве корреспондента, продюсера, ведущей телевизионной службы информации и главного редактора локальной телестудии.

Модели организации работы мультимедийной редакции достаточно полно представлены в современном научном дискурсе. В их основе лежит принцип конвергенции, предполагающий «подачу контента и распространение его по разным медиаплатформам» [Баранова, 2016, с.102]. При этом процессы конвергенции, то есть слияния, размывания границ, чаще всего рассматривают на трёх этапах: технологическом, организационном и медийном [Erdal, 2007, с.55]. В связке этих трёх компонентов и необходимо рассматривать процесс реорганизации структуры производства телевизионного контента под задачи мультимедиаизации редакции.

Представленные разными исследовате-

лями модели перехода традиционных СМИ к мультимедийным редакциям объединяет одно принципиальное новшество: оно «заключается в том, что корреспонденты занимаются только производством информации и никак не участвуют в ее «упаковке»» [Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные, 2010, с.54]. «Упаковкой» могут заниматься редакторы, тематические отделы, специальные структуры внутри редакционного коллектива. В цепочке сбор, производство и распространение информации происходит «декомпозиция всех процессов» [Вырковский, 2-13, с.113]. С точки зрения онтологии мультимедийного продукта, это наиболее эффективный способ производства. Условный редактор любой платформы получает инфомолекулы (фотографии, текст, видеоряд, инфографику, звуковую дорожку), из которых в зависимости от платформы размещения контента может как из деталей конструктора собрать разные форматы одного и того же информационного сообщения.

В практике телевизионной редакции, имеющей свой мультимедийный портал, аккаунты в социальных сетях и хостингах, предлагаемая модель может выглядеть следующим образом. На этапе сбора информации, который в практике телевидения называется этапом pre-production, задействованы продюсеры и шеф-редактор ньюзрума, редакторы сайта и smm-специалисты при участии корреспондентов. На этапе производства информации (production) работают корреспонденты и операторы, этот этап включает съёмку, просмотр материала, работу с закадровым текстом. И этап post-production: полученные материалы (исходники видео и текст сюжета) отправляются редакторам соответствующих отделов (выпуска новостей, сайта, smm-редактору) для «упаковки» и распространения. Телевизионная версия будет предполагать более сложный процесс «упаковки»: работу ведущего и большой режиссёрской бригады, отвечающей за эфир. На примере этого алгоритма можно продемонстрировать невозможность экстраполяции уже устоявшейся в научном дискурсе модели мультимедийной редакции, предполагающей универсализа-

цию журналиста и трансформацию его в поставщика сырья, на телевизионную практику. Поскольку в предлагаемой цепочке реорганизации не учитывается телевизионная специфика этапа *post-production*, включающая этап монтажа, ключевого в производстве видеоконтента.

Главная особенность экранного языка, как сложного коммуникативного явления, с которым работают и телевизионные журналисты, в том, что это не столько визуальные образы, сколько сочетание иконического знака, вербального сообщения и звука. Согласно семиотическому подходу, мы имеем дело «с диахроническим потоком фотограмм, и внутри каждой комбинируются разные кинезические фигуры, а на протяжении одного кадра – разные знаки, сочетающиеся в синтагмы..., в нём, как и уже во всякой иконической семе, различные означаемые не следуют друг за другом по синтагматической оси, но выступают совместно, взаимодействуя и порождая множество коннотаций» [Эко, 2004, с. 214]. Главный инструмент, с помощью которого создаётся экранная реальность, – это монтаж, в основе монтажного принципа построения того или иного визуального продукта заложена основная информация о его прочтении, именно монтаж – носитель экранного значения. Смысл порождает не отдельно взятый кадр, план или ракурс, а лишь их сочетание, а также их сочетание с закадровым текстом, звуковым, цветовым и световым решением. На этапе внутрикадрового монтажа, то есть съёмки, реальность фрагментируется, разбивается на отдельные знаки, семы, а на этапе междукadroвого монтажа вновь собирается в конструкт со своим время-пространством, оно и определяет жанровую специфику продукта, его смысловое наполнение. Именно поэтому автор материала (репортёр, корреспондент) обязан быть участником всех трёх этапов производства телевизионного продукта. Он как единственный непосредственный очевидец события способен собрать из отдельных инфомолекул конструкт, максимально адекватный реальности. Исключение автора из этапа *post-production* («упаковки» контента) приводит зачастую не просто к появлению некачественного продукта, а к искажению фактов.

Практика последнего десятилетия, когда объём производимого контента вырос в разы, а профессиональный уровень работников телеиндустрии продолжает снижаться, показывает, что каждая редакторская правка текста может приводить к искажению исходной информации. В алгоритме новостного производства текст корреспондента, как правило, проходит три фильтра: ведущий, шеф-редактор, главный редактор. Каждый может стремиться повысить монетизацию контента через его драматизацию. Негативную роль играют и жёсткие дедлайны: на согласования с автором, поиск дополнительной информации, фактчекинг нет времени. В этих условиях должна возрасти роль и ответственность корреспондента, автора материала, однако в предложенных моделях напротив – возрастает роль редакторов, которые работают с сырьём, фрагментами реальности, по сути, складывая их в свои собственные конструкты.

В телевизионной практике давно существует опыт использования корреспондентов как поставщиков «сырья», функционально задействованных только на этапе производства информации. Федеральные каналы используют материалы региональных студий для монтажа своих оригинальных сюжетов, а региональные студии в районах имеют своих журналистов, это как правило работники местных газет или пресс-служб администраций, поэтому они берут на себя ограниченный функционал: отснять материал и передать общую информацию. Конструируют из этих «исходников» экранную историю репортёры или редакторы заказчика. При этом работа над материалом подчиняется принципам сторителлинга, драматизации истории, а не фактической точности. И как показывает многолетняя практика, именно такого рода новостные сюжеты часто несут дезинформацию, искажение фактов. В том числе по этой причине федеральные каналы предпочитают иметь собственную сеть корреспондентов.

Следующая проблема связана со спецификой телевизионного текста. Текст остаётся доминантой мультимедийного контента вне зависимости от типа медиа. Но в телевизионной практике текст не может быть самостоятельным элементом, а соответственно

использоваться как отдельная инфомолекула для производства другого формата сообщения. В экранном сообщении смысл рождается только через сочетание текста и видеоряда, вербального и визуального. Профессиональный подход к созданию телевизионного продукта предполагает, что создаваемый корреспондентом текст не повторяет «картинку», а дополняет её или вступает с ней в конфликт (приём контрапункта). А синхроны (короткие реплики ньюсмейкеров) отбираются по принципу эмоциональной, экспрессивной, а не информационной насыщенности. То, что на сайте будет лидом, отвечающим правилу трёх «W» (что? где? когда? произошло), в телевизионной практике является подводкой ведущего к сюжету и может быть его драматургической частью, прологом. Поэтому чем лучше и профессиональнее исполнен сюжет, тем он меньше будет отвечать требованиям «исходного сырья» или готовой текстовой основы для мультимедийного контента.

Эта специфика алгоритмов производства эфирного продукта заставляет мультимедийные порталы отечественных федеральных и региональных телевизионных компаний в части информационного контента до сих пор ограничиваться прямым переносом классического эфирного сюжета на сайт, либо дублируя его текстом, либо оставляя самостоятельным аудиовизуальным сообщением. Нет продуманной работы с социальными медиа: классический сюжет телевизионных новостей, а тем более формат «войса», «картинки» (текст сообщения читает ведущий за кадром), не всегда может быть автоматически перенесён в ленту социальной сети. Между тем современная специфика мобильного медиапотребления обуславливает процессы конвергенции жанров и форматов. В качестве классического примера трансформации традиционных форм телевизионного продукта под платформу мультимедийного информационного

портала можно привести британскую BBC. Размещённый в ленте видеоконтент это не традиционные информационные сюжеты, а специфические форматы, учитывающие запросы пользователя, например, на мобильное потребление без звука (большинство видео на сайте титровано). Наиболее частотными форматами являются: короткое титрованное видео без закадрового текста репортёра, синхрон как самостоятельный формат, а не часть сюжета, видео пользователей, инфографика, специальные репортажи, стрим, no comments, life-видео. Все эти форматы предполагают отдельную работу над «исходниками» на этапе post-production, отличную от творческих процессов эфирного производства.

Для решения поставленных проблем возможно внедрение двух моделей организации ньюзрума. Первая предполагает создание отделов редакторов сайта и аккаунтов социальных медиа, находящихся в подчинении главного редактора службы информации, но работающих в связке с продюсерами и шеф-реактором недельной смены. Эти отделы напрямую берут необходимые им материалы у корреспондентов и операторов, напрямую взаимодействует с техническими службами эфирного вещания: монтажёрами, графиками, режиссёрами для «упаковки» контента, но создают его по самостоятельным творческим алгоритмам, становятся авторами материала, а не его «упаковщиками», то есть проходят весь путь сбора, производства и упаковки информации (см. рис.1). Модель демонстрирует большое число коммуникативных связей между специалистами, задействованными на этапе производства контента, поэтому предполагает создание соответствующего общего пространства ньюзрума. Также стоит отметить, что модель представляет собой не столько иерархию, сколько отработанные «горизонтальные связи», чёткое взаимодействие, соблюдение алгоритмов процесса.

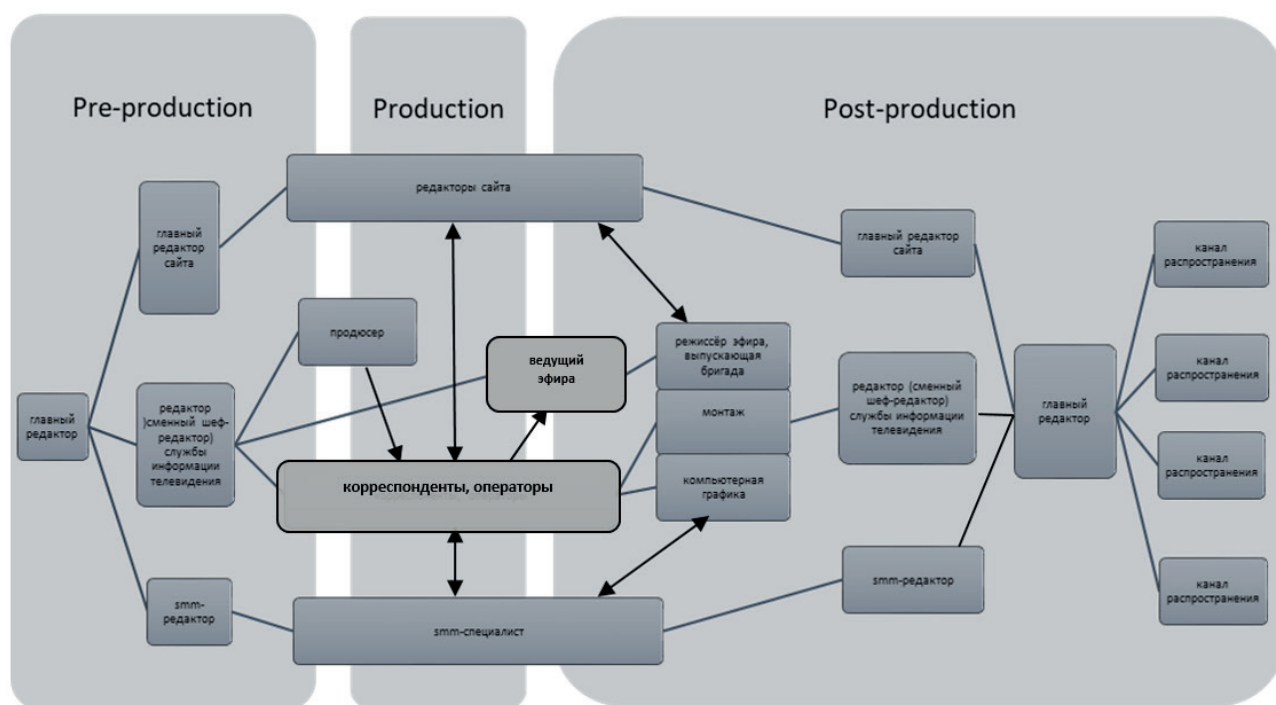

Рис. 1. Модель мультимедийной редакции телевизионной службы новостей

С теоретической точки зрения данная модель представляется идеальной. И в этом её главный недостаток. В современной практике локальных телевизионных компаний можно отметить стремление к оптимизации производственных процессов, сокращению штата. Данная модель напротив – предлагает увеличить штат, увеличив и затраты на производство контента. Менеджмент региональных СМИ ориентируется на ограниченный рекламный рынок и не может идти на риски по территориальному расширению аудитории из-за специфики телевизионного производства, привязанной к заданным локациям событий.

С практической точки зрения наиболее эффективной выглядит модель, в которой функцию «переупаковки» выполняют сами корреспонденты. То есть из предыдущей схемы исключаются редакторы сайта и smm-специалисты, у корреспондентов появляется прямое подчинение ответственным за соответствующий контент, а объём участия в этапе production и post-production дополняется работой над текстами для интернет-платформ и «переупаковкой». К примеру, помимо

сюжета корреспондент обязан смонтировать титрованный минутный ролик для Instagram и TikTok, а для сайта написать второй текст на 1000 знаков и выбрать для него из «исходников» сюжета 40-секундный синхрон.

Сложности такого типа реорганизации связаны не только с проблемами компетенций кадрового ресурса (требуется переобучение, нет готовности к новациям), но и с проблемой быстрого профессионального выгорания. У корреспондента резко возрастает круг обязанностей и временных затрат, обычно при сохранении прежнего уровня доходов. Это неминуемо приводит к потере качества продукта и текучке кадров. Изменить ситуацию можно повышением оплаты труда или снижением нагрузки на каждого корреспондента, однако этот путь также предполагает увеличение штата и затрат на производство.

В заключении остановимся на основных выводах исследования. Разработанные модели реорганизации печатных СМИ в мультимедийные редакции не могут быть экстраполированы на телевизионную службу новостей. Творческие установки и специфика производства визуальной информации не по-

зволяют использовать корреспондентов как «поставщиков сырья», исключив их из этапа post-production (упаковки контента). При этом прямой перенос эфирного формата на платформы «новых медиа» сегодня не всегда отвечает запросам аудитории и особенностям современного медиапотребления, снижая монетизацию контента. Реорганизация телевизионной службы новостей в мультимедийную редакцию может осуществляться по двум основным моделям: универсализация корреспондентов, увеличение нагрузки на это

звено производства, либо создание отделов, отвечающих за производство контента для соответствующих платформ, которые будут не просто использовать исходные материалы корреспондентов, а станут соавторами. Обе модели не предполагают оптимизации расходов телекомпаний. Выбор эффективной зависит от экономических расчётов возможной прибыли от расширения аудитории, использования рекламных возможностей дополнительных площадок размещения контента и специфики данной локальной студии.

Библиографический список

- Ачкасова К. Медиапотребление в новой реальности. Отчёт Медиаскоп. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mediascope.net/upload/iblock/ffa/Digital%20Brand%20Day%202020.pdf>
- Баранова Е.А. Конвергентная журналистика. Теория и практика. М., 2016. – 269 с.
- Вырковский А.В. Менеджмент СМИ в условиях конвергенции // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. №3. – Москва, 2013. – С. 112-120
- Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. – Москва, 2010. – 200 с.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб, 2004. – 544 с.
- Erdal I.J. Researching Media Convergence and Crossmedia News Production / I. J. Erdal. // Nordicom Review. 2007. № 28. pp. 51-61.

E. A. Manskova
Altai state University
Russia, Barnaul

THE ACTIVITY MANAGEMENT OF TV NEWSROOM RESULTING TO THE TRANSITION TO THE MULTIMEDIA EDITORIAL OFFICE

Abstract. The loss of a young audience and the change in the type of media consumption force television to develop the «new media» intensively. However, the direct transfer of the broadcast format to Internet platforms is not always adequate to the needs of the audience and reduces the monetization of content, so for a modern newsroom, the problem of reorganizing the work of the editorial office, taking into account the inclusion of the «repack» stage of content in the production algorithms, becomes urgent. The research is deal with the analysis of existing models of transition to multimedia editorial office is carried out, algorithms that don't consider the specifics of television production are identified. The author proposes the new models of multimedia newsrooms for local TV companies.

Keywords: newsroom, television, convergence, multimedia editorial office, editor

Е.А. Московкина

«Четвертое измерение»: экфрасис в поэтике трилогии Д.И. Рубиной «Люди воздуха»

Аннотация: Экфрасис – один из наиболее узнаваемых поэтико-стилистических приемов Д. И. Рубиной, формирующих насыщенный культурными аллюзиями фон литературных произведений, вне всякого сомнения, ориентированных на массового читателя.

Эксперимент Рубиной состоит в расширении «сферы влияния» экфрасиса от лирического отступления до хронотопа, от декоративного до драматургического приема, от поэтической риторики эстетизма до аналитического инструментария психологизма. Выходя за рамки «классического» экфрасиса, посвященного шедеврам изобразительного искусства, Рубина, минуя стадию описания, переходит к стадии вербального «проектирования» произведений изобразительного искусства, а затем распространяет возможности экфрасиса и на другие, не дискретные, но континуальные – временные (музыка) и пространственно-временные (танец, цирк, кукольный театр) – виды искусства. Экфрасис в прозе Рубиной становится средством «конструирования» характера и наоборот, характер становится психологической «призмой» экфрасиса.

Ключевые слова: экфрасис, хронотоп, поэтика, семиотика, текст, миф, беллетристика, массовая культура.

Московкина Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общих и прикладной филологии, литературы и русского языка

Алтайский государственный университет (Барнаул)

E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

Творчество Дины Рубиной занимает особое место в новейшей литературе: балансируя между литературой элитарной и массовой, на стыке интеллектуального бестселлера и легкого «чтива», на грани так называемой «женской» прозы и наследия состоявшегося художника вне всякой гендерной отнесенности от литературных критиков.

Неподражаемая стилистическая легкость, «музыкальность фразы», редкий дар преломления музыки, пластики, визуального образа в слове – казалось бы, закономерный, но в то же время исключительный итог разностороннего образования, мозаичных жизненных впечатлений автора, личность которого формировалась в контексте разных идеологических парадигм, культур, ментальностей.

Формула В. Набокова «Форма (структура и стиль) = содержание» [Набоков, 1998, с. 166] применительно к творчеству Рубиной позволяет выявить особый инструмент писателя, структурирующий все художественное пространство ее произведений. Таким средством для Рубиной становится экфрасис, в силу своей символической плотности вмещающий разные уровни художественного времени и пространства.

Композиционный строй произведений Рубиной определяет подчеркнутая цикличность, повторяемость, сложная система удвоений, пророчеств и совпадений, парадоксальных встреч на рубеже пространств, времен, поколений, миров (горного и дольного), сна и яви, физического и мистического. Маркером «встречи» потустороннего и посюстороннего сквозь призму художественного восприятия, как правило, является экфрасис. Текст Рубиной, подобно краскам, «расте-

кается» на изобразительной плоскости романа, напоминающей плоскость холста, который она, подобно одной из своих героинь, «вольна <...> отворить в расщелину четвертого измерения, в клубящийся туман, извергающий любимые, нелюбимые случайные и прочие лица всех людей ее жизни» [Рубина, 2008, с. 363].

Такое фактурное восприятие искусства близко философии постмодернизма, где собственно реальность замыкается в пространстве семиотических систем, служащих языком разных видов искусства и корреспондирующих между собой, в частности, средствами экфрасиса: «Современное искусствоведение, – отмечает Л. Геллер, – понимает картину иначе, чем понимали ее во времена Лессинга: она не плоска, ее структура слоиста, пориста, она просвечивает, состоит из складок и щелей» [Геллер, 2002, с. 12].

Метафору щели (прорехи) Рубина использует неоднократно. Например, в «Синдроме Петрушки» через «золотую *цель* в очарованный рай» [Рубина, 2016а, с. 157] (выделено нами – Е. М.) герой преодолевает проницаемую границу между мирами по ту и по эту сторону рампы.

Посредством экфрасиса Рубина уходит от драматического единства места, времени, и действия, не ограничивается перспективным или ретроспективным планом повествования, но всегда разворачивает хронотоп в «четвертое измерение» творческого мироощущения (сон, транс, предчувствие, галлюцинацию), позволяющее придать ее художественному миру космогоническую насыщенность и глубину.

Тема творчества, ставшая для автора неспроста, требует особого поэтического решения для воплощения в художественном пространстве. Природа творчества в художественном мире Рубиной ищет выхода за пределы традиционной нарративности в пространственно-временную модификацию, отличную от сюрреалистических, символических и мистических опытов известных литераторов¹. Решение Рубиной – в «облегченной формуле» литературной алхимии шедевра,

¹ Сравните, например, мистицизм Н. В. Гоголя, поэтику Зазеркалья Л. Кэрролла, галлюцинаторные «спецэффекты» Э. По или русских символистов – А. Белого, Ф. Сологуба, Д. Мережковского.

приближающей ее бестселлеры к массовому читателю.

Принадлежность произведений Рубиной, при всей их философичности и утонченной неврастеничности, к массовому искусству, бесспорна. Они обладают всеми узнаваемыми признаками масскульта: зрелищностью, занимательностью, мелодраматичностью, нарративностью – легко ложатся на сценарии, сработаны на основе принципов кинематографического монтажа, отличаются явным «терапевтическим» эффектом.

Рубина тонко чувствует свою публику, доверяет ее интуиции, изучает ее психологию. Массовый читатель, или толпа, с точки зрения балаганного мироощущения, в его культурологическом, мифологическом, поэтическом контексте, – предмет пристального внимания писателя: «толпа – самое важное в пространстве страны, она и создает это пространство – миллионами выдохов, эманаций. Из этого бывает соткан воздух в разных местах. И это вполне реально ощутимая вещь» [Кочеткова, 2005].

Писатель не изобретает новой техники хронотопа (пространственно-временные сдвиги, разрывы, совпадения – известные приемы сюрреалистической тактики литературы модернизма и шизофренической комбинаторики постмодернизма), но использует инструментарий экфрасиса в контексте интертекстуальности, семиотичности, архетипичности для создания эффекта «четвертого измерения».

Интертекстуальные аллюзии и мифологемы в романах Рубиной лежат на поверхности: Анна в романе «Почерк Леонардо» – взрослая версия Кэрролловской «Алисы в Зазеркалье»: математические способности героини Рубиной коррелируют с шахматной риторикой книги Кэрролла; Захар Кордовин – типичный авантюрный герой в ироничном бендеровском варианте, усложненный посредством пушкинского драматизма в осмыслении проблемы «гения и злодейства»; «Синдром Петрушки» «подсвечивает» миф о Пигмалионе и Галатее.

В трилогии Рубиной «Люди воздуха», где мощная авантюрная линия встраивается в логику художественного осмысления фило-

софии и психологии творчества, экфрасис не представляется эпизодическим отступлением, но растворяется в текстуре романов как способ мировосприятия человека одаренного. Обостренное чувство прекрасного, свойственное героям Рубиной, вовлекает читателя в процесс пристального изучения эстетических граней бытия сквозь поэтическую линзу.

Таковы «зеркальное» мироощущение Анны: *«Картинки хаотически выныривают на поверхность, вздымаются, набирают объем, и там, внутри лба, отражаются в целой галерее зеркал, выстраиваясь менуэтными парами, проплывая вязью, арабесками, стройными волшебными узорами; одна сменяет другую, таит, выплескивая напоследок отблеск дивной калейдоскопической зари, чтобы угаснуть и вновь расцвести, как гобелен, на бархатном вишневом, лиловом, сине-ночном пульсирующем фоне...»* [Рубина, 2016, с. 122], музыкальный образ мыслей Семена в «Почерке Леонардо»: *«Сейчас я уже уверен, что вся моя жизнь шла по кромке Твоей; я был подголоском, обычно далеким окликающим голосом фагота, что обыгрывал Твою тему. И музыка моя – это Твои уроки извлечения самого верного, самого прозрачного звука»* [Там же, с. 446]; «кукольное» видение действительности, в частности, панорамы Львова, будущим гениальным кукловодом Петей Уксусовым в «Синдроме Петрушки»: *«...настоящий Город – волшебный кукольный город – должен стоять на холмах, вздуваясь куполами, щетинясь остриями и шпильями церквей и соборов, вскипая округлыми кронами деревьев и вспухая лиловыми и белыми волнами всюду цветущей сирени <...> Лику и фигуры – эти куклы – были тут везде: на фасадах домов, над брамами и окнами, в основании круглых, как бокал, узорных балкончиков, в нишах, на портиках... <...> театр вырвался на улицу и правил бал»* [Рубина, 2016а, с. 147], живописный шлейф жизненных впечатлений Захара Кордовина: *«Захар обреченно вздохнул, поднялся на террасу и прошел в спальню к дядьке. И был поражен превращением того в библейского праотца: черты лица, заострившись, приобрели живописную глубину теней, косматые седые брови значительно вздымались на надбровьях, нос, всю жизнь мясистый и бесформенный, будто кто-то, засучив рукава,*

перелепил, убрав лишнее, утоньшив переносицу и ноздри. Главное, длинные желтовато-седые кудри окаймляли это изможденное лицо. Захар не удержался и, прикоснувшись губами к его щеке, проговорил: – Ты такой стал красивый...» [Рубина, 2015, с. 401].

Рубину чрезвычайно интересуют вопросы магической притягательности искусства, проблема харизмы творческой личности, природа творческой одаренности, непосредственно связанные с литературным опытом: «В наше нетерпеливое время в прозе побеждает артист – утверждает она в одном из интервью, – тот, кто способен владеть “залом”, вести его, принять на себя внимание и держать его, как певец держит ноту, – столько, сколько дыхания хватит. То есть до известной степени в интонации автора должна звучать дудка крысолова» [Визель, 2014].

Не случайно «крайние» романы трилогии о творчестве погружены в карнавальную стихию зрелищных форм (цирк и кукольный театр). Роман «Белая голубка Кордовы» тоже не столько о живописи, сколько об искусстве манипулятора. Но при этом во всех романах трилогии за узнаваемой зрелищной формой стоит захватывающая история искусства, с одной стороны, и история хрупкой души художника, переживающей многократные исторические реинкарнации и потому находящаяся в мистической связи со своими двойниками-предшественниками – с другой.

В творчестве Рубиной экфрасис служит не столько «декорацией» сюжета, сколько средством его драматизации, создает эффект сгущения времени и пространства, преобразуя его фактуру в художественные образы и целые панорамы «измененных состояний сознания» как неперемного условия «высоковольтной» жизни героев, ищущих и обретающих себя в искусстве¹.

Ориентируясь на массового потребителя литературного произведения с расчетом на коммерческий успех, Рубина пишет книги по всем «канонам» массовой культуры: стандартизация, стереотипность, консерватизм, жи-

¹ Все герои Рубиной в силу своей пассионарности, природной любознательности, говоря словами Ницше, переживают катарсис «трагического познания», «которое, чтобы быть хотя бы только выносимым, нуждается в защите и целебном средстве искусства» [Ницше, 1990, с. 116].

вость, повторяемость и способность манипулировать – явные элементы художественного кредо писателя. Книги Рубиной привлекают многоцветием балагана, литературным трюкачеством, очевидной кунсткамерностью.

Героев Рубиной отличает не просто характерологическая незаурядность, но непременно феноменальность: «Я все-таки литератор и в соответствии с профессией тянусь не к типичности, а, напротив, к штучности, к исключению. Любой писатель для своей прозы выдернет из толпы как раз нетипичный случай...» [Кочеткова, 2005], – уверяет она. Экфрасис в трилогии о творчестве Рубиной становится средством демонстрации экстрасенсорности героев: ясновидение, колоссальная интуиция, суггестивные возможности, искусственные трансовые состояния – обязательные качества последних. Инаковость, неотмирность героев Рубиной – один из способов привлечения массового читателя, жаждущего возбуждения, контрастирующих чувств, острых и необыкновенных ощущений. Таким образом, конструктивным элементом экфрасиса является характер творца (художника) и наоборот.

Экфрасис позволяет ввести психологизм в драматургию зрелища. Особенность экфрасиса Рубиной в воссоздании незавершенного произведения искусства, в вербализации творческого процесса. Иными словами, для Рубиной перформанс всегда предпочтительнее инсталляции. Средствами экфрасиса Рубина ведет своего читателя за кулисы, в гримерки, мастерские и далее – в психологию мастера.

Такой «психологичный» экфрасис воссоздает ощущения воздушной гимнастики в «Почерке Леонардо»: *«Раскачаешь длинную пятиметровую трапецию как можно выше, так что в крайних точках амплитуды достигаешь почти горизонтали. И в момент, когда трапеция взлетает назад до предела, ты отпускаешь руки и продолжаешь движение спиной – вылетаешь из нее по той же траектории, цепляешь за углы ногами. И уже повиснув, распахиваешь руки, будто хочешь обнять весь мир. Трапеция уносит тебя в длинный кач, ты слышишь «а-а-а-х!» – и аплодисменты. И летишь... летишь, чуть не истаявая в невесомости... А тело просит еще, еще выше, еще дальше, как*

будто хочет прошить невидимую пленку этого мира и оказаться там, в запредельном пространстве, в другой, зеркальной вселенной...» [Рубина, 2016, с. 200]; упоение художника-фальсификатора работой над очередным «шедевром» в «Белой голубке Кордовы»: *«...долгая мучительно-сладостная работа над самой картиной, когда ты не то что погружен в манеру художника, не то что живешь ею, а просто становишься им, этим единственным мастером, с его единственным стилем, его взглядом на свет и предметы, в которых свет этот преломляется, способом держать кисть или мастихин, привычкой работать только в утренние или полуденные часы... – одним словом, когда ты, подобно Всевышнему из космогонической теории каббалы, сжимаешься и умаляешься сам в себе, дабы освободить место рождению новой сущности...»* [Рубина, 2015, с. 53]; атмосферу кукольного закулисья в «Синдроме Петрушки»: *«Это был странный мир чуть ли не поголовных дураков. Непроходимых дураков... <...> Попадались и природные таланты, которые куклу ощущали как живое существо – разговаривали с нею, брали домой, часами стояли с ней перед зеркалом, репетируя. Попав на гастролях в другой театр, они первым делом устремлялись за кулисы – щупать тамошних кукол»* [Рубина, 2016а, с. 337].

Специфика экфрасиса Рубиной – воссоздание в тексте континуального, пространственно-временного искусства, движения, процесса, протяженного во времени и не имеющего статического закрепления (в творческой философии Петра Уксусова *«Спектакль бывает только один раз»* [Там же, с. 49]). Ритмика слова здесь – попытка фиксации впечатлений (потусторонних и посюсторонних) о мгновении творчества, растворенном во времени.

Зрелищные формы близки Рубиной своей неповторимостью, неуловимостью, текучестью, вариативностью: «Боюсь всего затвердевшего» [Митина, 2010], – признается писатель в одном из интервью.

Опыт экфрасиса непрерывного образа находим уже у Пушкина:

*Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,*

*Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовеет
И быстрой ножкой ножку бьет* [Пушкин, 1984, с. 35].

Ср. описание выступления воздушной гимнастки глазами героя «Почерка Леонардо»: «А эта... стремительная, как стрижи, просто была рождена медленным снегопадом, лунным полетом и, казалось мне, если б оступилась и сорвалась – как ни в чем не бывало продолжила бы вздыматься к колосникам и медленно опускаться чуть не до ковра, и опять вздыматься...» [Рубина, 2016, с. 180–181].

Фламенко юной испанки, переданное в романе средствами экфрасиса, становится ключом в прошлое Кордовина – шифром его родового «проклятия-благословения»: «Слегка наклоняясь, она подбирала подол и, плеча им направо и налево, остервенело вколачивала каблук в пол ритм алегриас: поршневыми движениями голых колен в пене воланов... Желтый веер то раскрывался полумесяцем, то мгновенно прятался, как лезвие в стилет. Двигаясь все быстрее, быстрее, она прогибалась назад все дальше, так что страшно становилось – упадет ведь, не может человеческое тело удерживать равновесие в такой позе! Вся сцена была объята желтым пламенем ее платья» [Рубина, 2015, с. 489].

Однако тактику экфрасиса с позиции обычного Рубина использует нечасто, в ее экфрасисе, как правило, звучит голос художника, эксперта, профессионала. Опытный эквилибрист Володя описывает цирковой этюд Анны: «И выпускной номер Анны получился забавным, “репризным”: в матроске с юбочкой, в лихо заломленном берете, под музыку Дунаевского, худенькая и легкая, Анна подсакивала к висящему кор-де-парелю и рывками – ноги вытянуты уголком – на одних руках поднималась вверх по канату до самой трапеции, как юнга по веревочной лесенке. Поднималась быстро, с шиком – руки уже тогда были сильными, – подбрасывая тело в такт музыке. Отстегнув наверху лонжу, бралась за гриф трапеции и – два-три сильных маха всем телом – резко отпустила руки, чтобы, ноги согнув и повернувшись на 180

градусов, уже вслепую поймать гриф икрами и оборваться вниз. Называлось это “пол-пируэта в пятки с виса”. Она и заканчивала номер тем же полпируэтом и под задушевного Дунаевского уносились с трапецией в длинный кач» [Рубина, 2016, с. 142–143]; Захар Кордовин вступает в дискуссию с испанским коллегой о живописной стилистике Эль Греко: «...эта уплощенность пространства на его полотнах – мощная рифма стилистике византийского Востока. Да и Востока вообще: картина – как резьба по алебастру. Он недаром был критским иконописцем: его фигуры стиснуты в таком пространстве, где у них нет возможности двигаться» [Рубина, 2015, с. 125], в юности прислушивается к «пылким лекциям» коллекционера Босоты о свете и тени: «Свет прямолинеен и туп, как любое добро... <...> Зато сколько всего шевелится в тенях, как они наполнены, таинственно живы... <...> свет идет толщиной в палец, тень же абсолютно прозрачна и вибрирует, дышит, дрожит...» [Там же, с. 365]; мир кукол, метафизика кукольного театра оживает для Пети Укусова в поэтических излияниях подлинных мастеров, например, в «презентации» характера Петрушки старым кукольником Казимиром Матвеевичем: «Не, не, он не плохой и не хороший. Не ест живы и не ест мартвы! Он такой персонаж... Мораль и честь – это не про него. Понимаешь, он – ТРИКСТЕР! Это такое вечное существо из подземного мира. Он плут, разрушитель... Все ему дозволено: и с неба, и из-под жем. И ему много тысеңц лят. Он был у индейцев племени виннибаго, и в Индии был, и в Персии... Им движут другие силы, нелюдске» [Рубина, 2016а, с. 118–119], его же профессиональных наставлений: «– Не хлопчи руками! <...> Только плохие актеры трепыхают куклой. Не мельтеши, вырабатывай стиль. Зритель следит за движениями, как кот за воробьем в луже. Его внимание – твоя власть» [Там же, с. 136], в мастер-классах художника Юры Проничева: «А надо играть точно в куклу попадая в маску. И чтобы голос был точно положен на куклу... Опять же – пластика кукловождения ближе к балету, чем к драматическому искусству. Что такое пластика – знаешь? Череда передачи сос-то-я-ний – это наше все: кукла сама тебя ведет, сама подсказывает, чего она хочет... Кукла въедается в твои руки, тело, походку.

Это – наивысший момент близости...» [Там же, с. 137–138].

Новый экфрастический объект (зрелищные искусства) осуществляет выход за пределы собственно искусствоведения в область постижения закономерностей массовой культуры. Колоссальный интеллектуальный, научный, мусический массив, задействованный в подготовке эстетического продукта, рассчитанного на массового зрителя, подчеркивает непревзойденный профессионализм так называемых «непрофессиональных», более ранних по сравнению с «классическими» искусствами ритуальных зрелищных форм (цирк, балаган). Экфразис Рубиной отрицает идею семантической бедности зрелищных форм, извлекая глубокий смысл из каждого движения марионетки, архетип из каждого жеста акробата, интертекст из виртуозного кича.

Экфразис удовлетворяет обоюдное стремление автора и читателя заглянуть за край, уловить *«тусклый чарующий запах инобытия <...> в вечных поисках прорехи в нездешний мир»* [Там же, с. 113]. Иными словами, средствами экфразиса Рубина отворяет дверь между миром реальности и мистической сферой искусства. Метафорой границы между двумя мирами (миром людей и пространством творчества) служит образ зеркала, ставший ключевым в первом романе трилогии и сохранивший свое влияние в качестве лейтмотива в последующих романах.

«Подспудная тема трилогии, – утверждает Рубина, – то, что связывает совершенно разных героев, – это двоящаяся реальность. Где-то она двойится в зеркалах, где-то – между искусством подделки и просто искусством, а в последнем романе – между человеком и куклой» [Копылова, 2010].

Зеркальная тема задает тон пространственно-временной организации произведений Рубиной, поражающих калейдоскопической симметрией и в то же время неповторимостью сюжетных комбинаций каждого следующего геометричного узора. В контексте символики зеркала¹. осязаемое,

1 По мысли Х. Э. Кэрлота, зеркало является символом воображения, сознания, а также мышления, что поддерживается идеей воспроизведения и удержания образов; в легендах и фольклоре зеркало обычно служит магическим предметом, позволяющим преодолевать время и расстояние; выполняющим функцию мифической двери, освобождающей душу; оно

сочное, мелодичное слово Рубиной формирует особое изобразительное пространство, преодолевающее границы 3D. Зеркало служит не только мифологемой в поэтической ризоме прозы Рубиной, но и своего рода хронемой и топосом, наподобие Зазеркалья Л. Кэрролла².

Производной зеркальной темы становится тема двойников, достаточно распространённая в традиции мировой литературы, но выходящая за рамки штампа в трилогии Рубиной благодаря «многоканальному» подтексту двойничества³: раздвоение души художника связано с разными культурно-мифологическими аллюзиями. В двойниках героев Рубиной отражаются их артистические и психологические alter ego, прорастают генеалогические программы, сталкиваются дионисическое и аполлоническое начало, гений и злодейство, жизнь и смерть, сакральное и инфернальное, страсть и холодный профессиональный расчет, непримиримые внутренние антиподы трикстера, художник и его гений, муза, проклятие.

Отчасти философия двойничества раскрывается в научно-эзотерической версии

символизирует двойников (тезис и антитезис) [Кэрлот, 1994, с. 210]. Согласно В. П. Рудневу, зеркало – мистический собеседник, мистический образ памяти и сновидения [Руднев, 1999, с. 102–104].

2 Как утверждают современники, Л. Кэрролл «порой писал письма зеркально: чтобы прочитать, приходилось подносить их к зеркалу. У него было собрание музыкальных катушек, и он любил проигрывать их от конца к началу. Он рисовал картинки, которые превращались во что-то иное, стоило перевернуть их вверх ногами» [Бауэр, 1995, с. 566]. «Даже в серьезные минуты, – пишет М. Гарднер, – Кэрроллу лучше всего думалось, когда ему удавалось, наподобие белого рыцаря увидеть все перевернутым» [Там же, 1995, с. 566]. По версии одного из биографов Кэрролла – Флоренс Бекер Леннон, «Кэрролл от рождения был левшой, которого заставили пользоваться правой рукой и "он брал реванш, выворачивая многое справа налево"» [Там же, 1995, с. 568]. Тема выдающейся судьбы амбидекстра находит воплощение в первом романе трилогии «Почерк Леонардо».

3 По Борхесу, «Понятие двойника, подсказанное или развившееся благодаря зеркалам, воде и близнецам, существует во многих странах. Возможно, что оно было источником изречений, вроде "Мой друг – мое второе я" Пифагора, или Платонова "Познай самого себя" <...> Можно еще привести примеры из Готорна ("Маскарад"), Достоевского, Альфреда де Мюссе, Джеймса ("Веселый уголок"), Честертона ("Зеркало сумасшедшего") и Хирна ("Некоторые китайские привидения"). <...> Для евреев явление двойника <...> было свидетельством того, что человек обрел пророческий дар. <...> В одной талмудической легенде повествуется о человеке, который искал Бога и встретил самого себя. В рассказе По "Уильям Уилсон" двойник – это совесть героя. <...> Дориан Грей в романе Уайлда, пронзив ножом свой портрет, умирает. В стихах Йитса двойник – другая наша сторона, наша противоположность, тот, кто нас дополняет, тот, кем мы не являемся и кем никогда не будем» [Борхес, 1997, 286–287].

Элиэзера: «...существуют “зеркальные” души, которые понимают друг друга, как самих себя, ибо они и есть “отражения” друг друга “во внутреннем зеркале души”. А зеркало завораживает нас не потому, что в нем мы видим себя, а потому, что, глядя в него, сами того не зная, мы видим нашего неведомого двойника, наше мистическое alter ego. С которым <...> соединиться не можем – именно потому, что зеркальны... И это рождает тоску, которая, не плотская любовь, а некое иное чувство – “мистическая тоска по двойнику”»¹ [Рубина, 2016, с. 450].

Примеров двойников в трилогии Рубиной множество: Анна – мистический двойник – «зеркальная душа» Элиэзера, в то время как Абрам (Бума) является его телесным (биологическим) близнецом-негативом; Захар Кордовин, мистической «душой» которого становится безвременно ушедший Андрюша, – потомок одного из таинственных близнецов (с тем же именем – Саккариас) – испанских пиратов (фамильное сходство обнаруживается в экфрасисе портрета «псевдосвятого»), Захар и сам становится отцом близнецов, связь Кордовина с Пилар, как и с матерью², напоминает «внутриутробное» единокровие близнецов: они спят «как два переплетенных близнеца в материнской утробе...», «вечно в обнимку, как сиамские близнецы» [Рубина, 2015, с. 164, 261], накануне смерти Кордовин встречает «двойника» своей матери; в «Синдроме Петрушки» тема двойничества связана с куклами – мистическим повторением-отражением своих кукловодов и прототипов.

Перемещения и удвоения-совпадения героев, сюжетов, реалий во времени и пространстве напитывают тексты романов Рубиной сиянием творческого зазеркалья, нащупывают путь в искусстве – поиск себя в себе, себя в другом, другого в себе. Средствами экфрасиса создается проекция эстетического идеала, чувственного, осязаемого, материального, в непознаваемой трансцендентности, неуловимости гения, проблески которого мерцают в бесплотных полетах цирковых гимнастов,

1 Интересно, что «научная» гипотеза зеркальности-двойничества от Элиэзера дается в романе в «отражениях»: в пересказе Володи и следователя Интерпола.

2 Эдипов комплекс и его зеркальная проекция – комплекс Электры – в литературном контексте – один из наиболее распространенных сюжетных маневров в психопоэтике Рубиной.

шедевральных полотнах намоленных почитателями галерей (большая часть бесценных коллекций, согласно художественной версии автора, – блистательные фальсификации), поэзии порхания марионеток и многих других проявлениях зеркального совершенства мира горнего (иног) в божественной сущности подлинного искусства, питающего надеждой мир несовершенств³.

Идея двойничества как исходного свойства всякого искусства заложена в природе метафоры. Невозможность отделиться от двойника подчеркивается лейтмотивной фразой, вложенной в уста Бумы – брата-близнеца Элиэзера⁴ (гениального физика, учителя главной героини): «не надейся, не отвалится». Эта фраза связана с фамильной историей: во время фашистской оккупации, бабка спасает близнецов, туго спеленав худеньких младенцев в один «сверток» и выдавая за уродца с двумя головами. В романе «Синдром Петрушки» появляется эпизод, «визуализирующий» эту метафору: «...кукла – это способ постижения жизни, духовного состояния. <...> Через кукол можно передать ме-та-фо-ру. <...> “Ах, – говорит кукла, – у меня сносит крышу!» – и голова ее отрывается и улетает. Или, когда в “Чертовой мельнице” черт произносит: “Это называется – черта с два!” – и раздваивается на две одинаковых куклы» [Рубина, 2016а, с. 137].

«Семиотические процессы, происходящие на границе слова и изображения, – как утверждает Меднис, – совершаются именно в промежуточной сфере воображения, кото-

3 Совершенству искусства в поэтике Рубиной противопоставляется мир физических и моральных несовершенств земного бытия: в романах «Люди воздуха» постоянно присутствует фон увечных, калечных, душевнобольных, оттеняющий безупречность творений, создаваемых рубинскими эльфами, но и вызывающих бесконечный интерес последних. Маленькая Анна и ее «музыкальный двойник» Ариша попадают под «обаяние» протезов, оставшихся после умерших инвалидов войны, сделав первые своими игрушками; выпадающие за пределы эллинистической пропорции, подчеркнута нестандартные, и потому особенно колоритные фигуры и характеры появляются на погибших полотнах «Иерусалимки» Захара Кордовина, воплощаются в кукольных фантазиях Петра Уксусова.

4 В имени героя прочитывается анаграмма «зеркало», а также его происхождение связано с идеей воскрешения – производное от «Лазарь». Кроме того, значение имени, акцентированное Фиравельной: «Фиравельна задумчиво и одобрительно объявила, что имя это библейское и переводится так: “Бог в помощь!”» [Рубина, 2016, с. 144], указывает на тему благословения искусством, которая также в разных вариациях прозвучит и в других романах трилогии.

рая несет в себе потенциал удвоения, равно, хотя и не эквивалентно, представленный и на стадии творения и на стадии восприятия произведения <...> искусства» [Меднис, 2006, с. 60]. Тактика удвоений позволяет Рубиной не только беспрепятственно проникать сквозь толщу времени, многократно усиливая, умножая релевантные свойства характеров, а также аксиологические и эстетические акценты, но и безгранично расширять пространство художественного произведения, заряженного демиургичной пародийностью, отражаться в героях и читателях, с удивлением обнаруживающих себя по ту и по эту сторону книги.

Организация художественного пространства Рубиной сходна с техникой Набокова: «Нет, я никогда не пожалею о "Лолите", – пишет автор романа, – Это напоминало составление прекрасной головоломки – составление и в то же время ее разгадывание, поскольку одно есть зеркальное отражение другого, в зависимости от того, откуда смотришь» [Набоков, 2009, с. 3].

В поисках своей творческой сущности героини Рубиной, как и их создатель («Я по натуре актриска»), постоянно лицедействуют: «Я и сам – Петрушка!» [Рубина, 2016а, с. 50], – утверждает Петр Уксусов, «Я просто зеркало» [Рубина, 2016, с. 423], – констатирует Анна; Захар Кордовин становится своего рода олицетворением Старой Кордовы: «Ночью город снимал безобидную туристическую маску, обнажая мрачное и суровое, настоящее свое лицо: преступное, цыганское, одиноко-отпечетое» [Рубина, 2015, с. 490].

«Маска – это сгущенный, сконденсированный и сконцентрированный быт эпохи, процеженный через сито моральной тенденции», – утверждает М. Левидов [Левидов, 1924, с. 172]. Философия маски сообщает Рубиной «мужество шута»: ее литература рискует быть «униженной до зрелища» [Хренов, 2006, с. 81], и в то же время с особой непринужденностью претендует на разоблачительно-исповедальную правоту, трагическую мудрость Йорика, лирическую стойкость трубадура.

Игровой аспект массовой («масочной») культуры на фоне элитарного высокого искусства наиболее привлекателен для Рубиной с позиции художника. Массовая культура

«беспечное и легкомысленное дитя конца XX века» [Руднев, 1999, с. 159], отчасти паразитирующая на шедеврах мировой литературы, искусства и кинематографа, эксплуатирующая мифологический пласт «детства» человечества, – по сути, своего рода экфрасис как скрытая цитата, популяризированное впечатление, коллаж из поэтических репродукций, попури из жанровых вариаций, ремикс лейтмотивов, всепримиряющий пастиш.

Техника экфрасиса поддерживает телескопический каркас прозы Рубиной, «маневренность» которого достигается посредством разнообразных жанровых компиляций: психологический триллер, роман-биография, авантюрный, эпистолярный, сентиментальный, готический роман, детектив, роман-притча, роман-мистерия в разных пропорциях находят воплощение в художественном пространстве писателя. Экфрасис как многоканальный образ образа в интертекстуальной логике дежавю подключает полифонию искусств к диалогической природе дискурса.

В этом отношении подражательность Рубиной не отменяет ее самобытности и даже феноменальности. Рубина, как Набоков, четко разделяет жизнь и литературу: литература всегда вымысел, конструкт, игра¹; как Барт, не верит в «новый» текст, принимает идею символической «смерти автора», доверяющего текст своему читателю²; как Борхес, не стремится превозмочь кич, но видит в нем профессионально (технично, мастерски) сработанную вещь, достойную уважения ценителей качественной литературы; как Маркес, «парит» над временем в «четвертом измерении» карусельной повторяемости риторических жестов, интонационных ритмов, непреходящих фабул и архетипических амплуа.

1 «Искусство не обязано отражать жизнь, это нечто противоположное "жизни", параллельный мир, сказка, фантазия. И герой литературного произведения движется в аутентичном художественном мире, созданном по своим художественным законам. В этом смысле мне кажется, что литература обладает большими возможностями, чем театр, в ней есть многовариантность и свобода воображения» [Вашукова, 2010], – полагает Рубина. Ср. у Набокова: «Литература – это выдумка. Вымысел есть вымысел. Назвать рассказ правдивым значит оскорбить и искусство, и правду. Всякий большой писатель – большой обманщик» [Набоков, 1998, с. 28].

2 «Это настоящие соавторы книги, ибо для создания прозы нужны двое: писатель и читатель» [Вашукова, 2010].

Библиографический список

- Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с немецкого Г. И. Гаева. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 512 с.
- Борхес Х. Л. Книга вымышленных существ // Борхес Х. Л. Сочинения в 3 т. Т. 2. / пер. с исп., англ.; составл., предисл., коммент. Б. Дубина. М.: Полярис, 1997. 639 с.
- Вашукова М. «Между земель, между времен» // Дина Рубина. URL: http://www.dinarubina.com/interview/kultura_tv_2010.html (дата обращения 24.02.2017).
- Визель М. Дина Рубина: «В наше время в прозе побеждает артист» // Известия. 2014. 26 марта. URL: <http://www.dinarubina.com/interview/> (дата обращения 23.02.2017).
- Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе / Экфрасис в русской литературе: Сборник трудов Лозаннского симпозиума / Под ред. Л. Геллера. М.: МиК, 2002., С. 5–22.
- Копылова В. Петрушкины слезки // Московский комсомолец. 2010. 13 августа. URL: <http://www.dinarubina.com/interview/mk2010.html> (дата обращения 23.02.2017).
- Кочеткова Н. Дина Рубина: «Я по натуре актриска» // Известия. 2005. 18 августа. URL: <http://www.dinarubina.com/interview/> (дата обращения 23.02.2017).
- Кэрлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book. 1994, 608 с.
- Левидов М. Театр: его лицо и маска // Леф. 1923. № 4. С. 172–176.
- Меднис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 58–67.
- Митина Э. Маска, я тебя не знаю // Дина Рубина. URL: <http://www.dinarubina.com/interview/alef.html> (дата обращения 23.02.2017).
- Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / Пер. с англ. / под ред. В. А. Харитоновой М.: Независимая Газета, 1998. 512 с.
- Набоков В. В. Лолита. СПб.: Азбука-классика, 2009. 416 с.
- Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру // Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники / составление, редакция изд. вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 829 с.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.: Художественная литература, 1984. 225 с.
- Рубина Д. Белая голубка Кордовы. М.: Эксмо, 2015. 544 с.
- Рубина Д. На солнечной стороне улицы. М.: Эксмо, 2008. 384 с.
- Рубина Д. Почерк Леонардо. М.: «Э», 2016. 464 с.
- Рубина Д. Синдром Петрушки. М.: «Э», 2016а. 432 с.
- Руднев В. П. Словарь культуры XX в. М.: Аграф, 1999. 384 с.
- Хренов Н. А. Зрелища в эпоху восстания масс. М.: Наука, 2006. 646 с.

E. A. Moskovkina
Altai State Institute of Culture
Russia, Barnaul

«THE FOURTH DIMENSION»: THE POETICS OF EKPHRASIS IN THE TRILOGY BY D. I. RUBINA «PEOPLE OF AIR»

Abstract. Ekphrasis is one of the most recognizable poetic-stylistic devices of D. I. Rubina, that forms cultural background of her literary works undoubtedly aimed at the General reader. Rubina's experiment is to extend the «sphere of influence» of ekphrasis. Her ekphrasis is not so much a digression, how many chronotope, not decorative, but dramatic technique, not an aesthetic, but a psychological tool. Rubina goes beyond the «classical» ekphrasis. She does not stop at the stage of the description, but goes to stage of verbal «creation» of works of art, and then distributes opportunities of ekphrasis to temporal and spatio-temporal arts: music,

dance, circus, puppet theatre. Ekphrasis in the Rubina's prose becomes a means of character's «constructing» and vice versa – the character becomes a psychological «lens» of ekphrasis.

Key words: ekphrasis, chronotop, poetics, semiotics, text, myth, belletristic literature, mass culture.

Н.Н. Пивкина (Н.Н. Столярова)

Исследование нижненемецкого говора с дискурсивных позиций

Впервые опубликовано: МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ. № 4 (23) 2010. – С.26-29.

Аннотация. В работе автор обращается к дискурсивному описанию нижненемецкого говора, которое позволяет охарактеризовать языковое существование представителей диалекта и внутреннюю форму говора, ориентированного на создание коммуникативной истории представителей говора, исходной языковой формой которой является предложение.

Ключевые слова: дискурсивное описание, языковое существование, внутренняя форма говора, жизненный мир, жизненное событие.

Пивкина (Столярова) Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)

E-mail: nadezhda_stolyar@mail.ru

Актуальным в период языковых эпох вновь становится понятие родного языка как средства идентификации в глобализирующемся мире, базовой константой которого признается диалектный язык. Говор является особой формой бытования языка, отличающейся в своем функционировании и основных характеристиках от литературного языка. Основными чертами диалекта являются отсутствие кодифицированной нормы, тенденция к сохранению реликтовых явлений с одной стороны и спонтанность развития, вызванная открытостью к изменениям, с другой стороны. Диалект является составной частью национального языка и национальной культуры, способные рассказать историю той или иной местности и являющиеся, по словам И. Гете, тем элементом, из которого душа черпает дыхание, хотя они уже во многом приспособились к общим нормам языка.

Выступая в качестве со-творца истории, язык, по убеждению Л. Вайсгербера, представляет могучую историческую силу, «которая не только обретает историческую действительность со всеми отдельными составляющими в каждом «использовании» языка, но и оказывает как целое непрерывное воздействие на историческую жизнь его языкового сообщества» [Weisgerber, 1959]. Процесс идиоэтнического освоения мира Л. Вайсгербер определяет как раскрытие мира, в ходе которого конкретный язык выступает в качестве стиля языкового освоения и преобразования мира.

Особым видом духовного освоения фрагментов мира Л. Вайсгербер признает синтаксические средства, которые представляют собой языковое освоение конкретного события или конкретной ситуации в жизни человека.

Дискурсивный анализ позволяет в диалектных формах обнаружить приемы «непрерывного воссоздания системы действительности через включение в нее каждого экспонируемого понятия в его надлежащем разумном месте и в то же время – раскрытие собственного содержания понятия в систему, согласованную с системой целого» [Шпет, 2006, с. 116].

Исследование нижненемецкого говора с позиции дискурсивного описания определяется необходимостью изучения особенностей функционирования немецкого говора в новых условиях существования – условиях глобальной коммуникации, истории и состояния нижненемецкого говора как языка традиционного в российском коммуникативном пространстве.

При изучении немецких говоров большое внимание уделялось вопросам в области фонетики, морфологии, синтаксиса, исследуются говоры с позиций социолингвистического направления. Всего в период с 1961 -2009 гг. защищено 43 кандидатских и докторских диссертации по немецкой диалектологии в России. К настоящему моменту немецкие «островные» говоры, бытующие в России, исследованы неравномерно. В Сибири, в последние десятилетия, с позиций разных наук изучаются преимущественно говоры территорий наибольшей концентрации немецкого населения, т. е. Алтайского края и Омской области (Л.В. Малиновский, В.И. Матис). Большое количество работ посвящено фонетическому строю и грамматическому строю островных говоров: Ю.В. Серых [Серых, 1996], И.Я. Авдеев [Авдеев,], И.Г. Гамалей [Гамалей, 1983]. Большое количество исследований посвящено морфологическим особенностям немецких говоров: И.А. Канакин [Канакин, 1975], Н.Г. Беренд [Беренд, 1980]. Н.Н. Степанова [Степанова, 2002] изучает характерные черты глагольной валентности южногессенского островного говора на Алтае в сравнении с немецким литературным языком. Н.В. Трубавина [Трубавина, 2003] исследует особенности развития зависимых предикативных конструкций в островном верхненемецком говоре. М. М. Степанова [Степанова, 2006] детально описывает структурно-семантические особенности устных текстов-воспоминаний (на материале говоров немцев Красноярского края). Л. М. Штейнгарт [Штейнгарт, 2006] занимается изучением признаков репрезентации языковой картины мира российских немцев (на материале пословиц и поговорок). Изучено небольшое количество лексических пластов, например, Л.И. Москалюк [Москалюк, 1986]. Т.Н. Москвина [Москвина, 2004] исследует лексические средства выражения эмоций в островном верхненемецком говоре. Ряд работ

посвящен фразеологии, синонимии и стилистическим особенностям лексики островных говоров: исследования А.И. Кузьминой [Кузьмина, 1961], Р.А. Бони [Бони, 1983], Ж. А. Сержанова [Сержанова, 2007] исследует проблему выбора языкового варианта на примере речевого поведения немцев Сибири и ряд других. Дискурсивного описания сибирских - немецких говоров, предполагающего исследование речевого потока с учетом коммуникативного, социального пространственно-временного и символического аспектов, до настоящего времени не предпринималось.

Основанием дискурсивного описания диалекта признается теория языкового существования, полагающая изучение языковой жизни человека как особой формы жизни, и теория внутренней формы языка в понимании Л. Вайсгербера, рассматриваемой в качестве совокупности языковых содержаний [Вайсгербер, 1993].

При дискурсивном описании языкового существования используется опыт дискурсивного анализа немецкой классической школы, представителями которой, являются З. Егер, Р. Келлер, Ю. Линк, Г. Брюннер, Р.Филера, В.Киндта. Д. Буссе, Ф. Херманнс, В. Тойберт, Г.Штётцель М. Юнг. На базе положений немецкой классической школы дискурсивного анализа разрабатываются основания дискурсивного описания немецкого островного говора.

Дискурс-анализ диалекта - анализ, позволяющий в диалектных формах обнаружить приемы «непрерывного воссоздания системы действительности через включение в нее каждого экспонируемого понятия в его надлежащем разумном месте и в то же время – раскрытие собственного содержания понятия в систему, согласованную с системой целого»

Исследуя языковое существование алтайских немцев, мы создаём дискурсивное описание, предполагающее исследование речевого потока с учетом коммуникативного, пространственно-временного и символического аспектов.

«Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который пережи-

вается ими в качестве реального. Реальность повседневной жизни “здесь” моего тела и “сейчас” моего настоящего времени. Это “здесь и сейчас” – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни» [Бергер, 1995, с. 38].

Язык возникает в повседневной жизни и соотносится с повседневной реальностью, которой управляет прагматический мотив (т.е. совокупность значений, имеющих непосредственное отношение к настоящим и будущим действиям).

Рассматривая дискурс алтайских немцев, вслед за З. Егером в дискурсе алтайских немцев мы выделяем ветви, каждая из которых представляет собой самостоятельный дискурсивный процесс. Дискурс алтайских немцев состоит из четырех ветвей, которые в дальнейшем мы будем называть: унарная структура дискурса; бинарная структура дискурса; тернарная структура дискурса; тетрарная структура дискурса. Ветви названы таким образом по количеству участников в дискурсивном процессе. Дискурсивное описание нижненемецкого говора включает в себя несколько этапов:

- Выявление особенностей духовной деятельности представителя немецкой культуры
- Описание общих семантических и структурных характеристик простого предложения унарной, бинарной, тернарной, тетрарной структур дискурса.
- Создание модели дискурса нижненемецкого говора отдельного поселения, которая является маркером языкового существования определенного периода коммуникативной истории.
- Определение сложного предложения как элемента внутренней формы говора.

При создании модели дискурса нижненемецкого дискурса происходит структурирование жизненного мира, которое опирается на три процедуры дискурсивизации А. Греймаса и Ж. Курте: установление действующих лиц (акториализация); пространство (специализация); время (темпорализация), начиная от родовых наименований и кончая индивидуальными (событийные имена, пространственно-временные указатели, датировка) Эти процедуры позволяют нам определить желаемую степень точности восприятия повседневной реальности носителями [Греймас, де Курте, 1980].

В унарной структуре дискурса мы выделяем основные блоки моделей по частотности их использования носителями говора.

В унарной структуре дискурса мы выделили три основных структурных блока моделей простого повествовательного предложения:

- блок моделей с именным сказуемым;
- блок моделей с глагольным сказуемым;
- блок моделей односоставных предложений, состоящих из одного второстепенного члена.

В силу того, что в диалекте процессы изменения во всех уровнях системы выражены во всей полноте, потому что говоры – это область живой разговорной речи, на которую оказывает воздействие устная форма бытования, в первых двух блоках мы выделяем подблоки, которые являются продолжением коммуникативного пространства.

Блок моделей с именным сказуемым представлен подблоком моделей с полным именным сказуемым, подблоком моделей с опущением глагола связки.

Блок моделей с глагольным сказуемым представлен подблоком моделей с полным сказуемым, подблоком моделей с опущением спрягаемой части сказуемого и с опущением инфинитивной части.

Приведем пример блока моделей двусоставного простого повествовательного предложения с полным именным сказуемым. Блок моделей двусоставного простого повествовательного предложения с полным именным сказуемым объединяет следующие модели предложения, наиболее часто используемые носителями говора:

1. N1 cop N1, где подлежащее – указательное местоимение среднего рода, cop – глагол связка,

a) Pron1- cop – S1 Dot wie de Goft oll. (Это была осень).

Pron1 – cop – Pron1 Dot es olles. (Это всё)

б) N1 cop Num/Adj/Advtemp – Num, где подлежащее местоимение в именительном падеже, cop – глагол связка, сказуемое имя прилагательное, числительное.

Pron1 – cop – Num Etj wie fif Joa. (Мне было пять лет)

Oba – Pron1 – cop – Adj Oba wi wire jletjlich. (Но мы были счастливы)

Pron1 – cop – Advtemp – Num Wi bleuwe dann olla era feuja. (Мы тогда остались вчетвером).

1) Установлением действующих лиц в данных моделях являются личные локализаторы (личные местоимения etj, wi), которые отражают внутренний жизненный микромир человека. Личный локализатор wi (мы) используется для описания конкретного круга лиц (под «мы» понимается я и мои братья и сёстры). Коммуникативная рациональность, отраженная в данном блоке отражает модель «поведенческого организма», отношение действующего лица к миру и осознание своего места в этом мире.

2) Пространственным ориентиром в подобном типе моделей относительно, которого ведется описание, является действующее лицо, сам говорящий.

3) Время (Темпорализация) проявляется в использовании носителями диалекта времени **Imperfekt** глагола связки zein в формах wie и wie и наречия времени dann. Подобная модель показывает состояние «тогда, потом», момент жизненной действительности, в конкретный момент коммуникативной истории.

В данных примерах действующее лицо – актер дискурсивных процессов ставит на первое место личностный локализатор, показывая тем самым какое место в этом жизненном мире ему отводится.

2. **Advtemp – cop – Pron1 – Adj/ Num/S1** где подлежащее местоимение в именительном падеже, cop – глагол связка, сказуемое имя прилагательное, числительное, существительное в именительном падеже.

Advtemp – cop – Pron1 – Adj Dann wie etj tlinj. (Я была тогда маленькая)

Advtemp – cop – Pron1 – доярка Dann word etj доярка. (Я стала дояркой)

Advtemp – cop – Pron1 – Num – Num Dann wie etj eun Joa en sass Mounat (Мне тогда было год и шесть месяцев)

Подлежащим в данных моделях выступает единственный личностный локализатор (личное местоимение в именительном падеже etj), **cop** – глагол связка, сказуемое – прилагательное, числительное, существительное, заимствованное из русского языка.

1. Установлением действующих лиц в подобного рода моделях выступает личное ме-

стоимение 1-го лица единственного числа.

2. Темпорализация проявляется в использовании глагола связки zein в прошедшем времени в форме глагола wie и глагола связки wern в форме прошедшего времени word. В подобном типе предложений действующее лицо смещает равновесие в сторону временной оси и выносит на первое место временной локальный компонент dann.

3. Пространственным ориентиром, как и в предыдущих структурных моделях, является само действующее лицо, показывая тем самым, что пространственный локальный компонент для него именно в тот момент коммуникативной истории был неважен.

3. **Advmod – cop – Pron1/ Advtemp/ Adj – os – S2**, где подлежащее – местоимение в именительном падеже, cop – глагол связка, сказуемое – прилагательное, наречие.

Advmod – cop – Pron1 – Advtemp Schreitlich om wie wi doa. (Жили мы ужасно бедно там)

Advmod – cop – Pron1 – Adj – os – S2 Sou wort wi gröt os Wese. (Таким образом, мы выросли как сироты)

1. Установлением действующих лиц в данном подблоке моделей с составным именным сказуемым выступает личное местоимение 1-го лица множественного числа wi, которое раскрывает особенности бытия, повседневной реальности в тот момент.

2. Темпорализация в данных моделях представлена глаголом связкой zein и wern в Imperfekt в форме глаголов wie и wort. Действующее лицо на первое место выносит не временной или пространственный ориентир, а обстоятельство образа действия, акцентируя внимание слушателей на том, как тяжело им давалось выживание, сохранение своей позиции «здесь и сейчас» в этом жестоком мире. Вынос на первое место носителем диалекта данного члена предложения может актуализировать в сознании слушателей такие интенциональные состояния, как безысходность, потеря веры в будущее.

3. И вновь пространственный ориентир для носителя диалекта в момент «вот тогда» оказывается не столь важным, так как не только они одни находились в таких ужасных условиях. Действующее лицо выражает пространственный локальный компонент, пред-

ставляющий на тот момент совсем небольшой фрагмент мире наречием места *doa*, отводя ему последнее место.

2. Без глагола связи

Pron1 en S1 – Adj – Advtemp Etj en eun Brouda liwe noch (Я и один брат ещё живы), где подлежащее – местоимение в именительном падеже и существительное в именительном падеже, сказуемое – прилагательное.

При анализе унарной структуры дискурса нам встретился единственный пример с опущением глагола связи. Несмотря на это, мы считаем необходимым создать модель для подобных предложений, так как опущение глагола связи было не случайным.

1. Установлением действующего лица в данной модели является личное местоимение 1-го лица в именительном падеже и существительное в именительном падеже. Актер – участник дискурсивного процесса неслучайно не стал заменять подлежащее личным локализатором (личным местоимением *wi* (мы)). Носителю диалекта важно подчеркнуть, что не просто «мы», а именно «я» и «брат» прошли все тяжёлые моменты вместе и всё ещё живы и продолжают конструировать свою повседневную реальность, сохраняя свою коммуникативную рациональность в повседневном мире.

2. Темпорализация в модели представлена завуалировано, связывая структурную модель со смыслом, слушатель легко может снять эту завуалированность и восполнить недостаю-

щий элемент. Действующее лицо не акцентирует внимание слушателя на моменте «тогда», носитель говора живет моментом «здесь и сейчас» и радуется тому моменту, что они вообще живы.

3. Пространственным ориентиром является сам говорящий и то действующее лицо, которое волей или неволей стало участником данного дискурсивного жизненного события. Под дискурсивным жизненным событием для данной языковой общности мы понимаем жизненное событие на определенном этапе его исторического и коммуникативного развития, маркируемого в сибирско-немецком говоре структурными моделями. Дискурсивные жизненные события отражают социальные практики языковой общности и очерчивают социально – исторический контекст, детерминируя определенное пропозициональное содержание, транслирующее экстралингвистические знания.

Структурирование мира, закрепление своей позиции «здесь-и-сейчас» в представлении носителя нижненемецкого говора происходит посредством выделения моделей, организующих коммуникативную рациональность в повседневной жизни и получающих воплощение в простых и сложных предложениях. Наиболее часто использованные модели простого предложения с их конкретно – языковым наполнением образуют «духовный остов говора», являясь главным носителем идиоэтничности говора.

Библиографический список

- Авдеев, И.Е. Фонетический строй нижненемецкого диалекта Алтайского края: дис. ... канд. филол. наук 663 – Германские языки / И.Е. Авдеев. - Новосибирск, 1965.
- Бергер, П., Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: "Медиум", 1995.
- Беренд, Н.Г. Морфологические особенности и семантический потенциал глагольных категорий в южно-немецком языковом ареале: дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Н.Г. Беренд. - Омск, 1980.
- Бони, Р.А. Некоторые особенности немецко-русского билингвизма / Р.А. Бони // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. – Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ин-та, 1983.
- Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. - М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Гамалей, И.Г. Оформление начальной позиции простого предложения в Северобаврском говоре Алтая / И.Г. Гамалей // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. – Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1983.

- Греймас, А. Семиотика Объяснительный словарь / А.Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. - М. Радуга, 1983.
- Канакин, И.А. Опыт структурно-типологического описания морфологии имени и местоимения в немецких говорах Алтайского края: дис ... канд. филол. наук. 10.02.04. / И.А. Канакин - М., 1975.
- Кузьмина, А.И. Говор деревни Камыши и особенности его сложения и развития: дис ... канд. филол. наук / А.И. Кузьмина - Томск, 1961.
- Москалюк, Л.И. Бытовая лексика островных немецких говоров (традиции и динамика): дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Л.И. Москалюк. - Омск, 1986.
- Москвина, Т.Н. Лексические средства выражения эмоций в островном верхненемецком говоре: автореф. дис. ... канд. фил. наук 10.02.04 / Т.Н. Москвина. – Барнаул, 2004.
- Сержанова, Ж.А. Детерминирующие факторы речевого поведения этнических немцев в ситуации иноязычного окружения: дис ... канд. филол. наук 10.02.04. / Ж.А. Сержанова. - Красноярск, 2007.
- Серых, Ю.В. Звуковой строй и акустическое качество ударного вокализма южногенессенского (самаркинского) немецкого островного говора на Алтае: дис ... канд. филол. наук 10.02.04. / Ю.В. Серых. - Спб., 1996.
- Степанова, М.М. Структурно-семантические особенности устных текстов-воспоминаний (на материале говоров немцев Красноярского края) : автореф.дис. ... канд. фил. наук 10.02.04./ М.М. Степанова: БГПУ. – Барнаул, 2006.
- Степанова, Н.Н. Особенности глагольной валентности южногенессенского (самарского) островного говора на Алтае в сравнении с современным немецким литературным языком: автореф. дис. ... канд. фил. наук 10.02.04 / Н.Н. Степанова: БГПУ. – Барнаул, 2002.
- Трубавина, Н.В. Особенности развития зависимых предикативных конструкций в островном верхненемецком говоре: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Н.В. Трубавина: БГПУ. – Барнаул, 2003.
- Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на тему Гумбольдта) / Г.Г. Шпет. - М.: КомКнига, 2006.
- Штейнгатт, Л.М. Особенности репрезентации языковой картины мира российских немцев (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... док-ра. филол. наук / Л.М. Штейнгатт: ИГЛУ. – Иркутск, 2006.
- Weisgerber J. L. Die ganzheitlich Grammatik der deutschen Gegenwartprache / J.L. Weisgerber. – Mannheim, 1959.

N.N. Pivkina (N. N. Stolyarova)
National Research University «MEI»
Russia, Moscow

RESEARCH OF THE LOW GERMAN DIALECT FROM DISCURSIVE POSITIONS

Abstract. In work the author turns to the discourse description of low German dialect, which allows to characterize the language existence of representatives of dialect and inner form of the dialect oriented to the creation of communicative history of representatives of dialect, the basic language form of which is a sentence.

Key words: discourse description, language existence, inner form of the dialect, life world, life event.

Е.А. Попов

Бесполезный труд: концепция Дэвида Грэбера

Впервые опубликовано: Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 2. – С. 94-108. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-2-94-108

Аннотация. Дэвид Грэбер (1961-2020) представил свою концепцию переосмысления роли труда в жизни человека и общества. В науке концепции труда поляризуются с преобладанием социально-экономических взглядов. Актуальность подхода исследователя связана с тем, что он предлагает ценностно-смысловую трактовку цивилизационного развития труда с учетом изменений человека и обществ. В статье дается оценка его социальной теории труда. Этому явлению человеческой индивидуальной и коллективной жизнедеятельности Грэбер посвятил множество своих книг и статей, в них он рассматривает труд и профессии как бесполезные для общества и самого индивида, потому что они выступают лишь как набор действий, подчиненных какой-то социальной силе. Анализ его взглядов позволил выявить несколько важных направлений концепции мыслителя: 1) переосмысление роли труда в жизни человека и обществ возможно на основе изменений не только экономического характера, но и стратификационного и социально-политического; 2) труд символизирует собой выплату человечеством эфемерных долгов, накопленных на протяжении цивилизационного развития; 3) бюрократизация труда усиливает его бесполезность и ограничивает социальную волю индивида в осуществлении трудовых функций и профессиональных компетенций. Эти особенности можно считать основополагающими в понимании теории мыслителя, поскольку через все его работы проходит рефрен о необходимости переосмысления ключевых социальных ценностей (труд, деньги, финансы, налоги, ресурсы и другие), природа которых определяется не только экономическими отношениями, но и ценностно-смысловыми. Таким образом, сделан вывод о том, что вклад Грэбера в современное знание состоит в предложенной им новой системе координат для переоценки роли труда и трудовых отношений в человеческом бытии.

Ключевые слова: Дэвид Грэбер, ценность труда, трансформация труда, бесполезный труд, символизация труда.

Попов Евгений Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии.

Алтайский государственный университет (Барнаул)

E-mail: popov.eug@yandex.ru

Введение

Взгляды известного американского социального антрополога и социолога, политического активиста, профессора Лондонской школы экономики Дэвида Грэбера (Graeber David) отражают меняющееся понимание роли труда в повседневном бытии человека и в системе общественных отношений. Важнейшая проблема, которую решает наука во все времена, связана с выработкой оснований для оценок разного рода социальных явлений и процессов. Используемые учеными системы координат для таких оценок не всегда способны отражать, например, дух эпохи, детерминизм тех или иных социальных обстоятельств и т.д. В такой системе координат нуждается и человеческий труд. Обращаясь к наследию Грэбера, я ставлю цель оценить предлагаемые им возможности для понимания роли труда в индивидуальной и коллективной жизнедеятельности современного человека. В основе этих новых возможностей лежит переосмысление роли труда в жизни человека и общества в социально-философском ключе, тогда как традиционный подход – социально-экономический. Данная цель работы предпола-

гает решение, пожалуй, двух основных задач: 1) анализ концепции Грэбера в контексте цивилизационных аспектов развития труда; 2) оценка идей мыслителя применительно к современным социальным и ценностно-смысловым условиям развития труда. Это необходимо для того, чтобы выявить оптимизированное отношение человека и общества к труду.

Грэбер взял на себя сложную задачу проследить узы человека и труда, подкрепляемые такими социальными отношениями, которые почти всегда этот труд обесценивают, превращают его в бум бюрократии, запускают механизмы повседневности, делающие такой труд бесполезным как для самого индивида, так и для общества в целом. Ученый смещает полюс экономики труда в сторону социального измерения труда и показывает, таким образом, что труд может быть бесполезным набором кажущихся действий. Но при этом такой труд искажает сами принципы социальных отношений, построенные на необходимости каждому члену общества внести определенную лепту в экономику государства.

Грэбер, прежде чем сформулировал свою концепцию, активно вступал в дискуссии с авторитетами экономики труда и политэкономии, например, Дж. Кейнсом (в статье «О феномене бесполезных работ: рабочая тирада»¹), с А. Смитом, Дж. Стиглицем (Stiglitz J.), Дж. Дрифилдом (Driffield J.)² и другими. В ходе споров Грэбер укреплялся в мысли о том, что к труду не применимы имеющиеся стереотипные и механицистские принципы его оценивания, в основе которых лежат экономические цели.

Взгляды Грэбера вполне вписываются в картину современности. Здесь можно вспомнить о посткапитализме – явлении, которое также остро ставит вопрос о роли труда в жизни человека и общества. Так, например, П. Мейсон отмечает, что «информационные технологии уменьшили необходимость труда, размыли границы между трудом и свободным

временем...»³. В то же время П. Друкер в своей концепции посткапиталистического общества ведет речь о труде в иной тональности: для него труд уникален, но эта уникальность экономического порядка («Труд – это не просто мера стоимости, но и та жила, из которой добывается прибыль»⁴). Предпосылкой концепции Грэбера становятся все чаще появляющиеся утверждения о размытости границ труда и о постепенной исторической утрате чувствительности человека к труду. Но все же его цель – переформатировать понимание роли труда в жизни человека с экономического, доминирующего в обществе на протяжении тысячи лет подхода на иной подход. В этом его явное преимущество перед теми, кто в основу труда по-прежнему «закладывает» идеи экономики, денег, зарплаты и т.д.

«Онтологизация» труда

Концепция Грэбера лежит в плоскости «онтологизации» труда. Современное звучание его взглядов определяется, в том числе, и этим обстоятельством. Дело в том, что в конце XX в. труд попадает в зону «посткапитализма» или корпоративно-бюрократического «периферийного капитализма»⁵. Таков, очевидно, основной эпохальный принцип развития труда. Я бы назвал этот принцип цивилизационным, поскольку в любые времена цивилизация держалась, в том числе, и на мощном факторе экономических преобразований в обществах. С точки зрения Н.И. Лапина, главный вопрос цивилизационного развития заключается в том, обеспечивает ли цивилизация выживаемость homo sapiens⁶. А способен ли труд теперь обеспечить выживаемость человека? Он тесно связан с социальными маркерами человеческого бытия – качеством жизни, социальным благополучием, комфортом, потреблением и т.д. Он формирует определенные «запросы» человека на материальные ценности. С этой позиции труд, безусловно, обеспечивает человека в его повседневном бытии пропитанием и предметами, необходимыми для жизни.

Вероятно, будет правильным в связи с этим

3 Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М., 2016. С. 5.

4 Drucker P. Post-capitalist Society. Oxford, 1993. P. 113.

5 Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 6.

6 Там же.

1 Грэбер Д. О феномене бесполезных работ: рабочая тирада (2013) [эл. ресурс]. В некоторых переводах название звучит как «дерьмовые работы», «бреховые работы», «бессмысленные работы», «ерундовые работы». Это на самом деле отражает непрочность системы координат, в которых традиционно описывается человеческий индивидуальный и коллективный труд.

2 Грэбер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М., 2015. С. 20-21, 24.

вести речь об «онтологизации» труда – системе оценок труда и его свойств и форм применительно к развитию человека. Поскольку роль труда в бытии человека велика, то и появляются разные варианты его оценок. Понятие «онтологизации» я специально заключаю в кавычки, чтобы, с одной стороны, избежать прямой аналогии с теми механизмами, которые определяют бытие человека, а с другой стороны, подчеркнуть некую процессуальную характеристику данного явления: «онтологизация» выступает как процесс длительного и системного взгляда на явления окружающей реальности. «Онтологизация» труда – это последовательное наблюдение за состоянием труда, его воздействием на человека и общества. Концепция Грэбера не укладывалась в рамки «онтологизации труда», в которых труд чаще всего соотносился с ценностями экономического порядка: ценности труда «начинают интерпретироваться в терминах создания стоимостей»¹, определяются «не по количеству затраченного труда, а по полезности его результата»², вызывают радость трудящегося, который «познает самого себя в зеркале того, что им произведено»³ и т.д. Грэбер избегал подобных оценок труда. Он рассматривал прежде всего функциональные свойства труда. Таким образом, с точки зрения «онтологизации» труда подход Грэбера апеллирует к функциям труда, которые связаны не с его производительностью, а с тем, какой эффект труд имеет для развития человека и общества.

В социогуманитарном знании проблемы труда раскрываются в трех основных направлениях: 1) труд и идеология; при этом возникает эффект трудовой повинности в тоталитарных государствах: «воплощением модели общества труда стали тоталитарные государства»⁴; может возникать утопическая идея избавления от тягот труда⁵; невозможно обойти стороной религиозную идеологию в трактовках труда: «для христианского восприятия труд в первую очередь имеет характер наказания за “падение”»⁶

1 Акшерев А.Ю. Философия труда // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 2. С. 65.
2 Зиммель Г. Философия труда // Зиммель Г. Избранное. Том 2. М., 1996. С. 483.
3 Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 125.
4 Сидорина Т.Ю. Вопрос о труде и смысле жизни // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 3.
5 Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000. С. 169.

человека»⁶; 2) труд и образ жизни; в этом случае сказывается эффект общества потребления, и труд расценивается как доступ к массовому и индивидуальному потреблению вещей и услуг: «человек теперь зарабатывает деньги не для того, чтобы выжить, он работает для того, чтобы потреблять»⁷ – в конечном счете возникает «трудоцентризм как образ жизни» (как вариант – трудоголизм)⁸; труд перестает персонализировать человека, он обобщает индивидуальные усилия каждого, предпочтительным становится коллективный труд, который уже формирует совершенно иную систему ценностей⁹; 3) «конец труда»; пожалуй, данное направление манифестировано именно в современных условиях развития человека и обществ, хотя предпосылки данного явления давали о себе знать давно; конец труда можно соотнести с безработицей или повышенной его механизацией, где человеку не остается места¹⁰; «деятельность должна оставлять след, а иначе она бессмысленна, она мука. Поэтому такой деятельностью не должен заниматься человек, ее нужно передоверить машинам» (Х.Арендт)¹¹; конец труда можно расценивать как ярчайший знак постиндустриализма¹². Переосмысление феномена «конца труда» стало основой предложенной Грэбером концепции.

Что не так с трудом?

Для понимания концепции Грэбера необходимо проанализировать систему ученого с точки зрения переосмысления некоторых функций труда.

Само понятие труда Грэбером используется с коннотациями негативными: человеческая глупость, бредовый труд, ерунда и т.д.¹³, а в конечном итоге он приходит к своеобразной формуле: «свиньи и обувь могут считаться

6 Сидорина Т.Ю. «Homo faber» как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 16.

7 Сидорина Т.Ю., Ищенко Н.И. Трудоцентризм как образ жизни: пределы трудовых возможностей человека // Terra Economicus. 2015. Т. 13. № 3. С. 139.

8 Там же.

9 Tarun S. Arbeit und Arbeiter. Das System der Anreize und Strafen. Düsseldorf, 2002.

10 Кравченко А.И. Философия труда Ю.Н.Давыдова // Философия и общество. 2016. № 3.

11 Арендт Х. Указ. соч. С. 112-113.

12 Макарова М.Н. «Конец труда»: миф и реальность постиндустриализма [эл. ресурс].

13 Грэбер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М., 2016.

предметами приблизительно равного статуса»¹. Но к столь радикальным оценкам исследователя привели наблюдения за тем, как труд в различные эпохи оказывал влияние на бытие человека и позволял обществам изменять стратификацию в зависимости от положения человека в труде. Наиболее резонансные события, как полагал Грэбер, происходили в архаичные времена, где уже наметилась дистанция между теми, кто работает тяжело и много, и теми, кто использует результаты такого труда. По этому поводу Грэбер выделяет две «дистанции», которые берут начало в архаике, но на самом деле продолжают и в современности: 1) труд, чем тяжелее становился со временем, тем быстрее способствовал утрате достойного положения человека в социуме (приводится пример с каменоломней, в которой трудится только один человек, но другие приходят к нему, чтобы бросать камни в спину и поторапливать²); 2) труд не мог повлиять на возвращение себе утраченного социального статуса; даже если человек сворачивал горы, он не добавлял уважения к себе со стороны сословия (и в этом случае Грэбер подтверждает это обстоятельство примером: хранитель оружия в племени туаров решил сам принять участие в охоте на слона и смог убить самое большое животное, а затем это повторялось трижды, однако он не стал великим охотником, а вновь вернулся к своему повседневному занятию, которое считал недостойным для себя³). Безусловно, стратификационная функция труда серьезным образом изменяла расстановку социальных сил в обществах. Грэбер, однако, пытался отыскать случаи, когда эта функция не была столь ярко выраженной, но примеры оказались неубедительны для него: «племена и народы все время опираются на статусы и труд; труд эти статусы подтверждает, но чаще всего опровергает; я бы вспомнил пример с тем, как вождь одного из племен всем соплеменникам давал одинаковые возможности для труда, но результаты получались закономерно разными, и тогда вождь отказался от такой практики и одним давал легкий труд, а другим тяжелый. Все же это бо-

лее понятный способ разделения сил в труде»⁴. Кроме того, исследователь считает, что стратификационная функция труда проявляется в том, что «высшие сословия узурпировали мало кому нужный в традиционном обществе интеллектуальный труд (вожди и жрецы любили поразмыслить о жизни), а более значимую работу по обеспечению повседневной жизни взяли на себя гораздо более слабые члены рода или племени»⁵.

Грэбер не оставляет тему стратификации в анализе труда во многих своих работах, по сути, связывает «онтологизацию» труда с социальной стратификацией. Главным критерием такой связи у Грэбера становится принцип императивности: каждый должен трудиться и по труду своему занять определенное место в той или иной страте⁶. Вместе с тем, указанный принцип позволяет Грэберу перейти к тому, что является, по его мнению, основой для изменений отношения к труду. Появление концепта бесполезного труда в работах мыслителя можно как раз связать с тем, как Грэбер последовательно переосмысливает стратификационную функцию труда: как только труд помимо экономического фактора приобретает и стратификационный, он обесценивается до бесполезного и для общества, и для отдельно взятого человека. Для исследователя, таким образом, основными признаками бесполезного труда с точки зрения социальной стратификации становятся, во-первых, «вмешательство» труда в распределение социальных статусов, и, во-вторых, смещение приоритетов от экономики в сторону исключительно социально-политическую.

Некоторые исследователи связывают такую позицию Грэбера с необходимостью развенчивания социальных патологий, в числе которых называется состояние труда и занятости⁷. Сам Грэбер полагал, что труд начинает исторически обесцениваться в следующих случаях. Прежде всего, когда сословия и касты тяжелым трудом наказывают неугодных,

4 Graeber D. Dead zones of imagination // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2012. № 2 (2). P. 18.

5 Грэбер Д. О феномене бесполезных работ: рабочая тирада [эл. ресурс].

6 Там же.

7 Павлов А. Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 201.

1 Грэбер Д. Указ. соч. М., 2015. С. 30.

2 Graeber D. Toward an anthropological theory of value: the false coin of our own dreams. N.-Y., 2001. P. 48.

3 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 66.

а значит, труд становится не фактором экономического развития или даже прогресса, а механизмом наказания и маркером еще более глубокого социального расслоения¹. С другой стороны, состояние труда в обществах с традиционным укладом жизни, по Грэберу, заключается не только в том, как измерить, хорошо или плохо человек трудится, а в том, как понять, приносит ли такой труд пользу обществу². «Патологическим» признается отсутствие в труде пользы для общества, но все же Грэбер острожно оценивает такое положение дел, в особенности, когда уходит от архаики и обращается к современному опыту. В этом случае польза труда, как считает исследователь, заключается лишь в эфемерной занятости: каждый должен работать, но при этом в расчет не берутся мотивы труда; «может быть труд без мотивов, без пользы, без результата, без своего мнения и т.д.»³.

Однако труд реализует также и свою социально-политическую функцию, которая, как полагает Грэбер, воплощается в перераспределении политических сил в обществе. При этом в расчет берется не материально-рыночная составляющая труда, а именно политическая. Некоторые исследователи обращают внимание на различные аспекты политизации труда, но связывают их именно с экономикой и рыночными отношениями⁴. Грэбера такой акцент явно не устраивает, он нацелен на определение границ обесценивания труда в силу активности/пассивности политических сил. Так, например, анализируя трудовые будни работников кожевенного производства в Голландии, Грэбер заметил, что для больших политиков выделяется специальный вид обувной кожи, а следовательно, такой труд не нужен всему обществу, в нем заинтересована лишь группа больших политиков⁵. Между тем Грэбер считал, что активное вмешательство политики в труд через устройство соответствующих регламентирующих норм при всей

возможной благой цели этого процесса, обостряется кризисом труда. Это происходит потому, что работники начинают думать уже не о производительности труда, а о том, как бы не нарушить принятые политические регламенты⁶. С другой стороны, по мысли Грэбера, именно труд становится одним из механизмов перераспределения политических сил: «политические общности распределены на группы в зависимости от того, каким трудом они заняты или хотят заняться; если это труд принятия законов и других актов, то он является притягательным и активизирует людей в очереди к этому труду; если же приходится ежедневно сидеть за столом и переключать из стопки в стопку бумаги и при этом не принимать решений, то такой труд не становится притязательным для людей»⁷. Грэбер полагает, что и в первом случае, и во втором присутствует бесполезный труд, но он, тем не менее, влияет на перераспределение политических сил: политики из второй группы «норовят пробраться в первую»⁸, так и протекает активность/пассивность в политических кругах.

Грэбер в своей концепции не мог не уловить ситуацию неопределенности в труде, которая, «разрастаясь, изменяет уклад жизни, сложившийся в индустриальную эпоху. Изменению подвергаются все основания социальной жизни, казавшиеся неизменными – семья, школа, труд, государство, гражданство, идентичность – и на их месте возникает что-то новое, не укладывающееся в рамки классических теорий»⁹. Неопределенность продиктована и политическими причинами: в концепции Грэбера довольно часто «политизация» труда связывается с неопределенностью в труде, вызванной перераспределением политических сил: как отмечал мыслитель, ограничиваясь только регламентацией труда, политики лишают сами себя полезности в труде, но в то же время они не могут понять, как стать более полезными для общества¹⁰. У Грэбера перераспределение политических сил порождает неопределенность в труде по одной веской при-

1 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 68.

2 Грэбер Д. Указ. соч. М., 2015. С. 130-131.

3 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 26.

4 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 2007; Зиммель Г. Философия труда // Зиммель Г. Избранное. Том 2. М., 1996. С. 466-485; Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81-93.

5 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 116-117.

6 Грэбер Д. О феномене бесполезных работ: рабочая тирада [эл. ресурс].

7 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 120.

8 Там же.

9 Анисимов Р.И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44-45.

10 Грэбер Д. О феномене бесполезных работ.

чине: политики довольно часто маневрируют в политических кругах, приставая то к одному лагерю, то к другому, делая видимость трудовой занятости, но от этого возрастает их бесполезность. Применительно к характеристикам труда исследователь впервые раскрывает содержание бесполезности именно в связи с анализом социально-политической функции труда: «трудовые навыки политических сил становятся бесполезными, потому что ни что из их действий не понятно обществу»¹.

Пожалуй, главный вопрос, на который мы ждем ответа от Грэбера: чем должен быть замещен труд, если он бесполезен? В концепции мыслителя появляются ответы на этот вопрос. Следует обратить внимание на то, что в XX-XXI вв. меняется сама система оценок труда, например, через появление «трудовых фронтменов»² через изменение функций денег, которые переходят в разряд политики³ и т.д. Для Грэбера было важным предложить свою систему таких оценок с центральным понятием бесполезного труда.

Понятие бесполезного труда является, пожалуй, одним из основных во взглядах Грэбера. Бесполезный труд рассматривается ученым с точки зрения «подстраивания под новые социальные условия развития, в результате которого происходит перемещение значимых социальных функций из одной системы в другую, и наоборот»⁴. Грэбер показывает, как на протяжении разных эпох труд перерождался в бесполезный, поскольку менялись его основные функции. Переосмысление таких функций на основе изучения богатого опыта, прежде всего, традиционных обществ становится целью ученого. Предлагаемая им система демонстрирует основания для такого переосмысления и предлагает новую систему оценок труда – с акцентом на признании того факта, что труд обесценивается и стремительно приводит к разрыву общественных связей в силу того, что постепенно, начиная с архаичных времен, нивелирует свои основные функции⁵. В этой си-

1 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 130.

2 Пинк Д. Нация свободных агентов. Как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.

3 Лаццарато М. Деньги, долг и война // Логос. 2019. № 6 (133). С. 73-84.

4 Sormeyer G. Neue soziale Bedingungen für das Umdenken von Arbeit, Wirtschaft, produktiven Kräften und produktionskulturen. Hamburg, 2000. P. 67.

5 Graeber D. Dead zones of imagination // HAU: Journal of

стеме обращают на себя внимание два основных момента.

Во-первых, Грэбер переосмысливает функции труда (важнейшие из них стратификационную и социально-политическую) в зависимости от того, какое значение труд имеет для человека. При сохранении выраженной рыночно-экономической ориентации труд предстает в понимании исследователя как набор действий, подчиненных необходимости зарабатывать и тратить, потреблять и накапливать. В то же время Грэбер уверен, что как только труд политизируется или становится фактором, определяющим приобретение или накопление статусов и социальных ролей, он начинает превращаться в бесполезный, потому что предстает не как слаженное действие или результативный процесс, а как подделка под них. Как отмечает исследователь, труд являлся «цивилизационным рывком» с древнего времени, так как заставлял человека совершенствовать свои действия и тем самым способствовал получению более выгодных средств к существованию и безопасности, но постепенно переставал быть таким «рывком» в угоду потребностей каких-либо социально-классовых или иных сил⁶.

Во-вторых, перед Грэбером открылась перспектива измерения роли труда в человеческом бытии не только с функциональной точки зрения, но и ценностно-смысловой. Ценность труда как таковая рассматривалась ученым с позиции значения труда для формирования и развития социальных отношений в традиционных обществах. Он проводил анализ на основе богатейшего антрополого-этнографического материала. Но постепенно, продвигаясь к анализу современного опыта трудовых отношений, Грэбер стал склоняться к мысли о том, что труд является своего рода «антиценностью», потому что перестает выполнять функцию «цивилизационного рывка», все более превращаясь в бесполезный как для человека, так и для общества в целом. Так в концепции ученого появилась своя система координат для оценки труда, в которой на первый план выведено противопоставление ценностей и «антиценностей». Бесполезный труд вполне укладывается в эту корреляцию.

Ethnographic Theory. 2012. № 2 (2). Pp. 5-28.

6 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. XII.

Ценности Грэбером отнесены по большей части к влиянию на «цивилизационный рывок», они могут иметь природу экономическую и политическую и традиционно определяют особенности трудовых отношений. По этому поводу Грэбер, в частности, писал, что ценность в экономическом смысле предстает как «степень, в которой объект желанен, и измеряется тем, сколько другие готовы отдать, чтобы получить данный объект»¹. Вместе с тем, ученый усматривал в экономической и политической детерминации труда опасность для сохранения приоритетов труда: и экономика, и политика часто являются спекулятивными в общественных отношениях, не могут на протяжении длительного времени сохранять свою ценностно-смысловую суть и запросто перерождаются в «антиценности»². Вероятно, бесполезный труд возникает как отклик на подобного рода изменения. Но важен и другой момент: некоторые исследователи творчества Грэбера обращают внимание на то, что ученый придерживается необходимости разделять ценности «как результат социального контекста» и индивидуализированные ценности³. Таким образом, труд в социальном контексте, выступая набором действий, необходимых обществу, еще способен нести пользу, но труд, подчиненный частным интересам, «более всего бесполезен»⁴. На этот счет Грэбер приводит множество примеров: лучник, делающий стрелы для охоты соплеменников более полезен, чем повар, ежедневно жарящий картофель для еды (первый полезен обществу, второй – только едоку), бюрократ в мэрии бесполезен, как и тракторист на мусорной свалке и т.д.⁵ Может показаться, что грань между общим и частным в этих случаях эфемерна, но это не так. Индивидуальный труд бесполезен именно в силу того, что лишен перспективы и не является набором действий, исключительно необходимых для общества. Коллективный труд, если он направлен не только на достижение прибыли,

а предназначен для нематериальной выгоды, может оказаться более полезным.

Итак, в системе координат измерения труда Грэбер пересматривает содержание данного понятия. Ему помогает определиться в данном вопросе богатый опыт изучения социально-трудовых отношений в различные эпохи и у разных народов, т.е. его идея возникла не на пустом месте и ее нельзя в полном смысле слова назвать не соответствующей духу своего времени. Для точности определения бесполезного труда Грэбер обращается к характеристике его функций, но акцент делает не на традиционном экономическом подходе, а на социальном. Сам факт бесполезности в данном случае связывается с тем, как труд влияет на социальные статусы, но при этом трудовые затраты могут быть сведены к минимуму, а на деле выходит так, что индивид трудиться много и тяжело, но на высокий социальный статус рассчитывать не вправе. Значит, его труд бесполезен настолько, что рассматривается лишь как средство для получения прибыли, не более того. Известный британский ученый М. Стратерн (Strathern M.) заметила по этому поводу, что труд может быть опасен для развития обществ, потому что забирает у них все силы, которых не остается на борьбу с врагами или стихией⁶. И эту же мысль проводит в своей концепции Грэбер.

Для того, чтобы подчеркнуть бесполезность труда с точки зрения его функциональности, ученый вводит понятие «ерундовой работы» (иной эпитет, действительно, трудно подобрать). «Ерундовая работа» появляется в силу того, что человек, думая, что выполняет набор рабочих функций или трудовых компетенций, на самом деле ничего не приносит в этот мир и ничего не дает социуму, ведь офис служит лишь для круговорота денег, а не ради общественной пользы⁷. Потеря трудом своей функциональности оценивается Грэбером как бесполезность, которая трудно устранима. Так, например, Грэбер полагает, что рубщик мяса может сколь угодно наращивать свои обороты, но обществу это и не нужно, поэтому его труд не функционален и обесценивается, обжар-

1 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 9.

2 Грэбер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М., 2016. С. 17-24.

3 Шишкина Т.М. Синкретическая теория ценности Дэвида Грэбера: экономическое осмысление // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2. № 2 (32). С. 18.

4 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 28.

5 Graeber D. Dead zones of imagination. Pp. 10-12.

6 Strathern M. Conclusions // Dealing with inequality: analysing gender relations in Melanesia and beyond / ed. by M. Strathern. Cambridge, 1987. P. 299.

7 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 123-136.

щик овощей может подливать в свои готовые блюда только оливковое масло для улучшения вкуса, но и этот факт не повышает статус работника, а его труд бесполезный из-за нефункциональности¹.

Труд как социальный символ

Если труд в концепции Грэбера настолько бесполезен, что утрачивает свою ценность в обществе, то возникает вопрос: люди все равно что-то производят и чем-то занимаются в повседневной жизни, являются работниками, трудящимися, служащими и т.д., и их труд никто не отменял – значит ли это, что он просто обрел какие-то иные формы своего воплощения в реальности? Ответом на этот вопрос стала мысль Грэбера о том, что труд теряет свою функциональность, но свою символическую природу и символическое развитие он тем не менее не утрачивает. Он остается социальным символом. На это обстоятельство, в частности, обращает внимание М. Фуркад (Fourcade M.)², полагая, что у Грэбера труд не в качестве функционального явления, а в статусе социального символа сохраняет привязку к обществу. Мы видим, что у Грэбера многоликий труд предстает как система символов, необходимых для того, чтобы придать труду статус консолидирующего фактора: например, символ труда на благо общества. По Грэберу, обществу достаточно осознавать или принимать труд как такую объединяющую силу, чтобы включать каждого индивида (трудящегося) в социальные отношения, не оставляя его один на один с самим собой³.

Труд, точно так же, как и общество, по Грэберу, сконструированы «из действий, а совершающие их люди – активные, имеющие намерения и воображение существа, существующие в то же время в определенной физической среде»⁴. Здесь лишний раз подчеркивается, что главное в труде – выразить свое намерение работать на благо общества, отдавая ему некий долг, но при этом воображение в трудовой

деятельности может рисовать индивиду как радужные краски светлого будущего, так и содержать апокалиптические мотивы. И в этом смысле, как полагает исследователь, «труд может восприниматься символично обществом, но если человек каждодневно тяжело работает в шахте или сгибает спину под неподъемным грузом, то ему вряд ли придет в голову думать над тем, что вся его механическая работа – лишь символ каких-либо социальных притязаний»⁵.

Символизация труда – это данность времени, и Грэбер это многократно подтверждает примерами. Так, например, бесполезный труд в его понимании является символом растерянности общества перед натиском цивилизации⁶, а индивид, находящийся под гнетом ненужного труда оказывается лишь символом вновь возникающих налогов и податей, которые сами по себе стимулируют бесполезный труд⁷ и т.д. Но при этом по-прежнему свою актуальность сохраняет ключевой вопрос, стоящий перед ученым и перед обществом: бесполезность труда должна быть компенсирована иными формами социального взаимодействия индивидов; и эти формы должны обеспечить консолидацию индивидов и стать важнейшим и судьбоносным механизмом их выживания.

Если согласиться с точкой зрения Грэбера и признать, что труд является бесполезным, неким символом бытия, существующим как кем-то заданная программа возвращения эфемерного долга обществу, то нужно понять, где заложен рациональный механизм общественного развития. Ведь таким механизмом всегда считался именно труд. Как полагает А. Павлов, занятость в административном секторе и иных сферах с точки зрения Грэбера «приносит людям моральные страдания и не имеет никакого положительного эффекта. Иными словами, несмотря на угрозы все большего ухудшения положения «прекариата» или автоматизации и, как следствие, упразднения многих профессий, «бесполезные работы» будут существовать всегда»⁸.

Избавления общества от такого рода «бесполезных работ» не предвидится в ближайшем

1 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 128; 137-138.

2 Fourcade M. *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton, 2009. P. 42-45.

3 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 139.

4 Шишкина Т.М. Синкретическая теория ценности Дэвида Грэбера: экономическое осмысление // *Идеи и идеалы*. 2017. Т. 2. № 2 (32). С. 23.

5 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 103.

6 Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 107-111.

7 Грэбер Д. Указ. соч. М., 2015. С. 120-130.

8 Павлов А. Указ. соч. С. 205.

будущем, а возможно, их фронт будет стремительно разрастаться. Но Грэбер, оценивая данную ситуацию, оставляет все же одну небольшую лазейку для уменьшения страданий «прекариата» от ненужных и обесценивающих работ. Он говорит о свободе индивида, когда индивид осознает, что он ничего не должен обществу: «проблема в том, что уже много столетий, – как отмечает Грэбер, – признается, что хранителем долга, который мы несем за все это, и законным представителем аморфного социального целого, которое позволило нам стать личностями, обязательно должно быть государство»¹. Свобода человека в труде может освободить его от обязанности выплачивать долги перед обществом за себя и даже за своих предков, а возможно, и за своих потомков². Но свобода может быть так же символом бытия, как и труд – она в этом качестве становится лишь частью индивидуализированного сознания и в этом качестве вряд ли избавит человека от столь непосильной ноши, какой является бесполезный труд.

В концепции Грэбера, таким образом, символизация труда обеспечивает компенсацию его бесполезности, поскольку символы окружают общества и его членов. В этой связи появляются новые возможности для оценки роли

труда – с позиций онтологизации и символизации трудовых отношений.

ИТОГИ

Грэбер сумел переломить инерцию в становке социальных сил, усомнившись в том, что труд имеет непреложную ценность, как это складывалось исторически. Это будет способствовать тому, чтобы мы не попадали в капкан стереотипов в социальном переосмыслении тех или иных феноменов бытия или социальной реальности, а также поиску новых возможностей для переоценки систем повседневной жизни. Предложенная Грэбером новая система переосмысления труда в жизни человека и общества построена на обесценивании труда. Таким образом, ядром системы ученого являются следующие положения: 1) труд утрачивает свои основные социальные функции (стратификационную, социально-политическую и другие) и становится бесполезным; 2) труд превращается из процесса и инструмента в символ человеческого бытия, который может свидетельствовать о разобщенности, индивидуализме в социальном бытии, но также и о коллективизме, где и труд, и сам его субъект растворяются во времени и пространстве; 3) оценки труда лежат в плоскости его онтологизации и символизации.

¹ Грэбер Д. Указ. соч. М., 2015. С. 55.

² Graeber D. Указ. соч. N.-Y., 2001. P. 66-68.

Библиографический список

- Акшеров А.Ю. Философия труда // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 2. С. 50-70.
- Анисимов Р.И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44-52.
- Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Весь мир, 2007. 732 с.
- Грэбер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем пресс, 2015. 614 с.
- Грэбер Д. О феномене бесполезных работ: рабочая тирада (2013) [электронный ресурс]. Дата обращения 01.10.2020. URL: <<https://avtonom.org/news/david-greber-o-fenomene-bespoleznyh-rabot>>.
- Грэбер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
- Зиммель Г. Философия труда // Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 466-485.
- Кравченко А.И. Философия труда Ю.Н.Давыдова // Философия и общество. 2016. № 3. С. 57-67.
- Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 3-15.

- Лаццарато М. Деньги, долг и война // Логос. 2019. № 6 (133). С. 73-84.
- Макарова М.Н. «Конец труда»: миф и реальность постиндустриализма [Электр. ресурс]: Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1. С. 42-52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konets-truda-mif-i-realnostpostindustrializma> (дата обращения 27 июня 2021 г.).
- Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 208 с.
- Павлов А. Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 198-224.
- Пинк Д. Нация свободных агентов. Как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Секрет фирмы, 2005. 174 с.
- Сидорина Т.Ю. Вопрос о труде и смысле жизни // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 3-14.
- Сидорина Т.Ю. «Номо faber» как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 14-22.
- Сидорина Т.Ю., Ищенко Н.И. Трудоцентризм как образ жизни: пределы трудовых возможностей человека // Terra Economicus. 2015. Т. 13. № 3. С. 136-146.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81-93.
- Шишкина Т.М. Синкретическая теория ценности Дэвида Гребера: экономическое осмысление // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2. № 2 (32). С. 17-29.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
- Fourcade M. Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s. Princeton: Princeton University Press, 2009. 138 p.
- Graeber D. Dead zones of imagination // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2012. № 2 (2). Pp. 5-28.
- Graeber D. Toward an anthropological theory of value: the false coin of our own dreams. New York: Palgrave, 2001. 168 p.
- Drucker P. Post-capitalist Society. Oxford: Butterworth Heinemann, 1993. 204 p.
- Sormeyer G. Neue soziale Bedingungen für das Umdenken von Arbeit, Wirtschaft, produktiven Kräften und produktionskulturen. Hamburg: Politik und Wirtschaft, 2000. 221 p.
- Strathern M. Conclusions // Dealing with inequality: analysing gender relations in Melanesia and beyond / ed. by M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 278-302.
- Tarun S. Arbeit und Arbeiter. Das System der Anreize und Strafen. Düsseldorf: Institut für Arbeit, 2002. 206 p.

Evgeniy A. Popov
Altai State University
Russia, Barnaul

USELESS WORK: DAVID GRAEBER'S CONCEPT

Abstract. David Graeber (1961-2020) presented his concept of rethinking the role of work in human life and society. In science, the concepts of work are polarized with the predominance of socio-economic views. The relevance of the researcher's approach is due to the fact that he offers a value-semantic interpretation of the civilizational development of work, taking into account the changes of man and societies. The article gives an assessment of his social theory of work. Graeber devoted many of his books and articles to this phenomenon of human individual and collective life activity, in which he considers work and professions as useless for society and the individual himself, because they act only as a set of actions subordinate to some social force. The analysis of his views revealed several important areas of the thinker's concept: 1) rethinking the role of work in human life and societies is possible on the basis of changes not only of an economic nature, but also stratification and socio-political; 2) work symbolizes the payment by humanity of ephemeral debts accumulated over the course of civilizational development; 3) the bureaucratization of work increases its uselessness and limits the social will of the individual in the exercise of work functions and professional competencies. These features can

be considered fundamental in understanding the thinker's theory, since through all his works there is a refrain about the need to rethink key social values (work, money, finance, taxes, resources and others), the nature of which is determined not only by economic relations, but also by value-semantic ones. Thus, it is concluded that Graeber's contribution to modern knowledge consists in his proposed new coordinate system for revaluing the role of work and labor relations in human existence.

Keywords: David Graeber, the value of work, the transformation of work, useless work, the symbolization of work.

Е.Г. Романова

Литературоведение на эстраде. «Вульгарно-социологическая школа» и эстрадный театр Николая Эрдмана

Впервые опубликовано: Проблемы межтекстовых связей. Барнаул: Азбука. – 2011.

Аннотация. Статья посвящена пародийной рецепции методологии «вульгарного» социологического метода в эстрадных произведениях Николая Эрдмана. В рамках такого литературоведческого подхода предполагалось, что литературная эволюция детерминирована сменой экономических формаций, а писатель презентует свой собственный социальный характер, присущий классу, к которому он принадлежит, но при этом не способен осмыслить его объективно и обречен возвращаться в круг образов, связанных с классовой принадлежностью. В целом ряде произведений Н.Р. Эрдмана («Красный самоучка» (сцена к обзору «Москва с точки зрения», (1924), сцены к водевилю Д. Ленского «Лев Гурыч Синичкин» (1924), «Заседание о смехе» (1932-1933)) ярко пародируется вульгарно-социологическое литературоведение. Через ироничное «осовременивание» Пушкина, Шекспира, Гомера драматург обыгрывает идеологические штампы литературоведческой науки, демонстрируя утилитарность и субъективность такого подхода к литературному тексту и его автору.

Ключевые слова: Н.Р. Эрдман, пародия, социологический метод в литературоведении, эстрада, «Красный самоучка», «Лев Гурыч Синичкин», «Заседание о смехе».

Романова Екатерина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка

Алтайский государственный университет (Барнаул)

E-mail: katrom7@mail.ru

Социологический метод, который позднее был определен как «вульгарный» и подвергся резкой критике со стороны официальной советской науки, в 20-е годы XX столетия, был, без сомнения, самым авторитетным, воспринимался как магистральный. В основе метода, по мысли его адептов, лежал марксистский анализ литературных явлений с социально-классовых позиций. Эта литературоведческая школа возникла еще до революции¹, расцвета же своего достигает как раз в 1920-е годы. Ее основоположниками явились такие ученые, последователи Г.В. Плеханова, как В.М. Фриче и В.Ф. Переверзев, идеи этой школы разделяли П.Н. Сакулин, П.С. Коган, А.В. Луначарский и другие. Все они активно популяризировали концепцию, которая бурно обсуждалась в журналах, дискуссиях, научных диспутах. Осмысля эстетические явления с марксистской точки зрения, ученые приходили к непосредственному отождествлению литературного и общественно-экономического развития, а именно – литература прямо определялась господствовавшим способом производства, который в свою очередь определял психологические особенности людей данной эпохи. Таким образом, литературная эволюция детерминировалась сменой экономических формаций, художник не мог выйти за рамки «стиля» своей эпохи, был обречен возвращаться в круг образов, связанных с его классовой принадлежностью. В.Ф. Переверзев связывал классовую детерминацию писателя с теорией искусства-игры,

¹ В 1908 году В.М. Фриче пишет «Очерк развития западных культур», считавшийся классикой марксистского анализа литературы, В.Ф. Переверзев издает «Творчество Достоевского» в 1912, «Творчество Гоголя» - в 1914 годах.

в которой художник презентует свой собственный социальный характер, присущий классу, к которому он принадлежит, но при этом не способен осмыслить его объективно. «Н.В. Гоголь воплощал бытие мелкопоместного дворянства эпохи разложения натурального хозяйства, Ф.М. Достоевский представал как выразитель бытия городской мелкой буржуазии, разоряющейся в эпоху развития капитализма. В сущности, задача исследователя сводилась к выявлению «классового эквивалента» творчества того или иного писателя. Прикрепление художника, системы его образов к производственному процессу и классу, связанному с этим процессом, почти трагическая обреченность вращаться в кругу образов, порожденных «общественным бытием» его класса, с одной стороны, давало возможность выстроить четкую монистическую концепцию историко-литературного развития, с другой стороны, лишало возможности обратиться к тем (весьма значительным) аспектам содержания художественного произведения, которые не укладываются в классовую канву, т.е. тем, которые часто называют общечеловеческими» - так комментирует идеи Переверзева известный историк литературной критики М.М. Голубков¹. Но нас в первую очередь интересует не история науки, а ее рецепция в такой, казалось бы, далекой от нее практике, как эстрадный театр 20-х годов.

В 1922 г. Николай Эрдман начинает писать свои первые произведения для театра, цирка, эстрады. Он сотрудничает с такими различными кабаре, мюзик-холлами, театрами, как «Опытно-героический театр», «Буффонад», мастерская Н.М.Фореггера («Мастфор»), «Нерыдай», «Кривой Джимми», «Палас», «Ванька-встанька» и др. Его перу принадлежат разнообразные скетчи, песенки, конференсы, клоунады, эстрадные обозрения. Наиболее значительные произведения - пьесы, интермедии к классическим спектаклям он пишет один, а различные эстрадные шутки, конференсы, мюзик-холльные обозрения - обычно в соавторстве. В 20-е годы, когда драматург активно сотрудничает с театрами, он работает преимущественно с Владимиром Массом; совместно они создают «Заседание о смехе», 1 М.М. Голубков. История русской литературной критики XX века (1920-1990-е годы). - М., 2008. стр. 170-171.

«Одиссею», скетчи и конференсы. В соавторстве с Д.Гутманом, В.Массом и В.Типотом Эрдман пишет обозрение для московского театра сатиры «Москва с точки зрения», которое было представлено на открытии театра.

Перед нами целый ряд произведений Н. Эрдмана, созданных для эстрады - злободневных, сатирических, пародийных... и самое интересное, что объектом для пародии в них зачастую становятся не только факты бурной культурной жизни Москвы 1920-х годов, но и факты не менее бурной научной ее жизни. «Красный самоучка» (сцена к обозрению «Москва с точки зрения», 1924), сцены к водевилю Д.Ленского «Лев Гурыч Синичкин» (1924), «Заседание о смехе» (1932-1933) - в этих и других текстах ярко пародируется вульгарно-социологическое литературоведение. Пушкин, Шекспир, Гомер - вот те классики, которых «осовременивает» Эрдман² с помощью нового модного метода. Драматург часто обыгрывает идеологические штампы, распространившиеся и на литературоведческую науку. Его эстрадные персонажи подчеркнуто внимательно относятся к своему происхождению: «Прежде чем приступить к докладу, я должен вас познакомить. Кто есть я. Моя мать была гетерой. Следовательно, моим отцом являются миллионы трудящихся»³ - говорит Одиссей. Другая героиня «Одиссеи» Навзикая, оперируя критическими штампами, так описывает своих родителей: «Про мамочку я не говорю, она не виновата, одна типичная представительница физиологической трагедии женщины в условиях отсталого семейного быта»⁴. Как справедливо указывает Н. Гуськов, «консультировать драматурга, имевшего небольшое образование, мог его друг имажинист В.Г. Шершеневич, окончивший филологический факультет, и В.Я. Типот, чья сестра, Л.Я. Гинзбург, позднее известный специалист по русской лирике, начинала тогда научную деятельность в кругу формалистов»⁵.

Театральной пародией на социологиче-

2 Вспомним, что сам Эрдман входил в группу поэтов - имажинистов, придерживавшихся иной точки зрения на искусство.

3 Москва с точки зрения... Эстрадная драматургия 20-60-х годов. - М.: 1991. стр. 316.

4 Там же, стр. 313.

5 Н. Гуськов. «С Пушкиным на дружеской ноге...» Из истории советской сатиры // Новый журнал, №2, 1998. стр. 84.

ское литературоведение, его устойчивые жанры, штампы и терминологические формулы является сцена из обозрения 1924 г. «Москва с точки зрения» – «Красный самоучка», посвященная юбилею Пушкина, проходящему в поэтическом кружке канцелярских служащих Центропродукта. Сатирический пафос пародии направлен сразу на несколько явлений культурной реальности 20-х.

Во-первых, это явление так называемого «осовременивания» классика: когда классическому автору в соответствии с официальной социологической доктриной приписываются характерные для современной культурной и социально-политические ситуации черты. Сниженный, с одной стороны, сознанием массового читателя, образ того или иного классического писателя подвергается, с другой стороны, репрессивному воздействию теоретиков новой официальной эстетики, чем, в конце концов, достигается эффект примитивизации русской классической литературы. «Рабочему классу не нужно и невозможно порывать с литературной традицией, ибо он вовсе не в тисках ее... Ему нужно только еще приобщиться к ней, ему нужно только овладеть еще Пушкиным, впитать его в себя – и уже тем самым преодолеть его» – говорил Л.Д. Троцкий¹. Окончательно «осовремененный» классик должен отвечать всем требованиям советской идеологии – и в социально-политическом, и в нравственно-эстетическом отношениях. Все это, как пишет Н.Гуськов, «как бы уподобляло классиков рядовым современникам и одновременно делало их современными и достойными подражания и почитания»². Пародийными знаками этого культурного феномена в тексте являются, например, именование Пушкина «красным самоучкой», назначение его почетным секретарем кружка, выборы президиума, членами которого становится эклектично подобранные классики мировой литературы. Впрочем, принцип этого отбора может быть и обозначен – имена, вошедшие в список, представляют собой обломки школьной программы, тот культурный минимум, который объединяет всех собравшихся. При этом неразлучные «коллега Шил-

лер и Гете» считаются за одного человека, также, как и «коллега Дюма с сыновьями». Среди всех коллег (Гомер, Шекспир, лорд Байрон) самый «многоуважаемый коллега» – Демьян Бедный, вошедший в массовое сознание уже как видный представитель литературы новой формации. Ему отводится главная роль, статья Пушкиным новой эпохи: собрание сочинений поэта-классика предлагается переименовать в собрание сочинений Демьяна Бедного – ведь они оба «красные самоучки». Попутно выясняется, что в этом собрании сочинений Пушкин идет вполне в ногу с новым временем – он «не без вдохновения напоминает о постановлении Моссовета о порядке уличного движения в данный период», «идет налево, речь заводит» и т.п.³

Во-вторых, Эрдман в этом отрывке затрагивает такое культурное явление 20-х, как массовое искусство, огромный поток разных «красных самоучек», ринувшихся в литературу в первые годы революции. Зачастую писателями и поэтами в это время становятся люди, едва покинувшие стены учреждений ликбеза. Графомания охватывает все слои общества и более всего, конечно, пролетариат, чему способствует государственная политика в области культуры. В пьесе сатирически отражен этот процесс, перед нами кружок канцелярских служащих Центропродукта, которые «по собственному опыту и подобию» знают, что писать стихи – трудно. Выступающие на юбилее, а слово в основном имеет председатель, плохо знакомы с биографией и культурным наследием поэта, один оратор даже путает его отчество, другой – автор вступительного слова «Пушкин как дуб русской поэзии» – является глухонемым. На смерть Пушкина члены кружка сочиняют «производственные» стихи, сплошь составленные из штампов и напекор ритмическим законам стихосложения. Плоды культуртрегерской деятельности советской власти представлены в сатирическом свете: записки из зала («кто умнее – Пушкин или Гоголь?»⁴) и реплики по поводу почетного членства Жорж Занд и Шатобриана обнаруживают полное невежество членов поэтического кружка. Пародия же на юбилейное торжество,

1 Троцкий Л.Д. Литература и революция. – М., 1991, стр. 106.

2 Н. Гуськов. «С Пушкиным на дружеской ноге...» Из истории советской сатиры // Новый журнал, №2, 1998, стр. 86.

3 Николай Эрдман. Красный самоучка // Новый журнал, №2, 1998, стр. 92.

4 Там же, стр. 93.

посвященное знаменательной дате (явление, характерное в 20-х; с 1922 г., например, начинается ежегодное празднование пушкинских юбилеев, послуживших темой для пародии) вскрывает подлинную суть такого мероприятия: несмотря на всю официальную пропаганду культурного наследия, доклады и «презентации» служат лишь нагрузкой к танцам и пиву в буфете. Сатирическое описание юбилейного заседания, посвященного Пушкину, использует гораздо позднее и Зощенко. Председатель домкома, произносящий две речи о поэте, все время вставляет в доклад не относящиеся к теме бытовые истории, использует в торжественной речи элементы жаргона и просторечия, путает Пушкина с Лермонтовым, перевирает стихи и т.п. Эрдман обыгрывает в тексте и различные культурные и идеологические приметы того времени. Это, например, отсчет любого события от Октябрьской революции, который комически представлен так: *«вот уже семь лет как 88 лет тому назад предательской пулей белогвардейца Дантеса был убит один из нас»*¹; характерно и то, что негативная по характеру фигура Дантеса тут же получает белогвардейский статус.

В-третьих, конечно, это свойственная и другим произведениям Эрдмана собственно пародия на социологическое литературоведение, а конкретно здесь на пушкинистику, расцвет которой приходится как раз на 20-е годы. Наряду с формальными (Б.М.Эйхенбаум, Ю.Н.Тынянов) исследованиями его творчества получают широкое распространение (и официальное одобрение) социологические трактовки (П.Н.Сакулин, А.В.Луначарский), которые неизменно обрисовывают поэта как декабриста и революционера, отразившего свои социально-политические взгляды в текстах. Эрдман пародирует штампы и перегибы такого метода (склонность к подтасовке фактов, однобокость и др.), его устойчивые формы: жанры доклада, дискуссии, даже шарады, способствующие идеологизированной трактовке литературы и искусства.

Обсуждение, естественно, начинается с разбора социального происхождения поэта и выясняется, что Пушкин был «темная личность», но все-таки не «арап» (синоним про-

ходимца, часто употребляемы в литературе 20-х, ср. Замятин, Булгаков, Зощенко и др.). На выяснение этого факта председатель тратит немало времени и сил, поясняя его примером из собственной жизни. Обширное повествование на языке городского просторечия о взаимоотношениях его с семейством Гновиковых доказывает, что «будущее показало, что Пушкин не был арапом»². Характерно, что точкой отсчета здесь выступает «будущее» Пушкина, то есть настоящее для выступающего – для исследователя социологического толка важным оказывается поиск аналогий классических текстов и современности, что приводит к субъективным трактовкам и фантастическим выводам.

Следующий этап выступления – доказательство того, что Пушкин является пролетарским поэтом. Для этого комически перевираются либо перетолковываются по-новому цитаты из его произведений. Например, строчки: *Пришла осенняя пора, / Стоял Октябрь уж у двора*, расцениваются как пророческое предсказание революции. Таким же путем выясняется, что Пушкин воспевал Волхвострой, мелких тружеников революции, выступал против Версальского мира и т.п. За такие заслуги его собрание сочинений переименовывается в собрание сочинений Демьяна Бедного. Выходит, что с точки зрения официальной литературоведческой доктрины ценность этих двух поэтов примерно одинакова, даже с перевесом в пользу последнего, ведь его пролетарская сущность вне сомнения. После речи председатель отвечает на записки из зала, имеющие мало общего с творчеством поэта, а затем следуют доклады «оратора за» и «оратора против», которые практически не отличаются друг от друга по смыслу, вернее по степени его отсутствия. Речь обоих – набор обрывков идеологических клише, штампов публичных выступлений и канцеляризмов. Завершает торжественную часть юбилея творческая продукция служащих Центропродукта, «шарада на смерть Пушкина» (комизм усилен тем, что в зале отгадывают, что это Лермонтов) и душераздирающие стихи на смерть Пушкина поэта-кооператора с говорящей фамилией Окуркин.

1 Там же, стр.89.

2 Там же, стр. 91.

Склоняясь над раннею могилой,
Бежит последняя слеза
И тихо шепчет: «Пушкин милый,
Открой опять свои глаза!».
Когда бы снова был ты жив,
То б безусловно записался в наш
Образцовый кооператив.¹

Другой пример пародии на методы социологической школы – сцена к водевилю Д. Ленского «Лев Гурыч Синичкин». Этот старинный водевиль был поставлен в театре Вахтангова в сезон 1924-25-х годов. Чтобы осовременить его, Эрдман пишет куплеты и вставные сцены. Вслед за Д. Ленским, высмеивающим современные ему недостатки, он вводит злободневные шутки в куплеты и строит свои интермедии на пародии культурных явлений 20-х годов.

Вставная сцена композиционно делится на две части: «пролог» и собственно представление, т.е. дублирует формальное построение классической трагедии. Другое дело, что в эту форму влило совершенно иное содержание. Театральное представление являет собой инсценировку, переделку «Отелло» Шекспира. Против вульгарных и примитивных переделок классики на потребу дня и направлен в первую очередь сатирический пафос:

Ведь «Кармен», Лизок, ей-ей,
Переделать было трудно...
Но смотреть ещё трудней²,

говорит один из героев водевиля. «Пролог» пьесы состоит преимущественно из монолога режиссёра Пустославцева, в котором он представляет автора нового «Отелло» и аргументирует причины и методы переделки текста. Эрдман пародирует основные идеи социологической школы как раз в этой «методологической» части. Пустославцев и Борзиков стоят на строго материалистической социологической позиции: подход к искусству классовый, переделка произведения осуществляется в ущерб художественной стороне на потребу идеологическим и дидактическим задачам. Речевая ткань интермедии вся соткана из советских идеологических штампов («построенный до срока», «с неослабевающим интересом следят»), которые все время обы-

грываются, травестируются («операционная имени моральной смерти социал-предателей» или диалог такого рода: «Ты жила с ним? – Да! – Когда же вы успели? – Раньше срока!»³), переполнена новыми терминами идеологического и производственного характера: местком, пятилетка, сестры-мартены, человеко-часы и т.п. Пятилетка вообще довлеет над умами персонажей: автор новой пьесы сожалеет, что не упомянули о таком штрихе его творчества, как подписка «на третий заем пятилетки в размере двухнедельного заработка»⁴ – примат социального над художественным становится правилом для таких литераторов и в реальной действительности. Сама же новая пьеса «Отелло» строится как некое советское заседание, состоящее из официальной и неофициальной частей. В первой врач и больной принимают всевозможные делегации (пионеров, девочек, болеющих корью, старых астматиков, технического персонала и ночных сторожей), которые зачитывают «объединенные резолюции» сплошь состоящие из нелепых идеологических штампов: «Вчера на общем собрании коклюшников и дефтеритчиков выздоравливающие пионеры постановили, что болезнь в период построения социализма должна быть радостной» или из пародийного обыгрывания расхожих лозунгов: «Знай, что новые тысячи опасно больных заменят тебя на этом посту»⁵. И только после всех этих «официальных» выступлений Дездемонова предполагает возможным приступить к операции.

Литературоведческий анализ Пустославцевым шекспировской трагедии, произведённый в строго социологических рамках, обнаруживает, что «в жуткую эпоху гнивающего феодализма никакого Шекспира, само собой разумеется, быть не могло»⁶. Первое же, что бросается в глаза «автору» Борзикову в знаменитой пьесе – это «социальное положение» героини: «хвалёная Дездемона оказалась дочкой сенатора»⁷. Дискредитация исследовательских достижений такой методики подчёркнута у Эрдмана и говорящими,

3 Там же, стр. 185.

4 Там же, стр. 175.

5 Там же, стр. 177.

6 Там же, стр. 173.

7 Там же, стр. 174.

1 Там же, стр. 94.

2 Н. Эрдман. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. – М., 1990, стр. 172.

что характерно для русской литературной традиции, фамилиями её представителей: Пустославцев и Борзиков.

Собственно необходимо отметить, что в сцене к водевилю Эрдман во многом воспроизводит уже использованные им в обзоре «Одиссея» (1922) текстовые заготовки. Практический дословный повтор цитаты в другом тексте объясняется творческой особенностью Николая Эрдмана: он так скрупулезно относился к подбору каждого слова, что мог, по свидетельствам современников, месяцами сочинять одну репризу, пока она его не удовлетворяла - так он был требователен к себе. Неудивительно, что после такой работы он хорошо помнил даже свои большие пьесы и зачастую читал их перед публикой наизусть. Драматург часто прибегал к самоцитации, которая заслуживает отдельного исследования. В обоих случаях текст вложен в уста работников театра - режиссера Пустославцева и безымянного помрежа.

Пустославцев. Почему нам, товарищи, близок Шекспир? Потому что он умер. Я считаю, что смерть - это самое незаменимое качество для каждого автора. Живого автора у нас хоронят после каждого представления, поэтому, если он хочет подольше жить, он должен немедленно умереть. <> Я не буду скрывать от вас, что некоторые ученые утверждают, что Шекспира вообще не было. Нужно признаться, товарищи, что его действительно не было. Но я считаю, что это самое незаменимое качество для каждого автора. Скажем, к примеру, если бы у нас не было Пантелеймона Романова или Малашкина, как бы они обогатили этим русскую литературу. Итак, товарищи, Шекспира не было. Спрашивается, почему? Потому что в жуткую эпоху загнивающего феодализма никакого Шекспира, само собой разумеется, быть не могло. Теперь же, товарищи, без сомнений, Шекспир будет. Когда - не знаю, но будет обязательно. Но так как того Шекспира, который будет, нету, нам поневоле пришлось поставить того Шекспира, которого не было. <...> Без сомнений, организованный зритель уже заранее знает, что в этой популярной трагедии имеется целый ряд непростительных промахов и ошибок. Основная ошибка заключается в том, что Вильям

Шекспир, как молодой и неопытный автор, до того постарался насытить свое произведение гениальностью, что совершенно не оставил в нем мест для идеологии. Конечно, эту непростительную ошибку наш театр постарался исправить. Без сомнения, каждому из нас известно, что для того, чтобы дать широкому зрителю почувствовать гениальность какого-нибудь произведения, гениальное произведение надо приблизить к современности. Что для этого нужно сделать? Для того, чтобы гениальное произведение приблизить к современности, необходимо выбросить из гениального произведения все, что в нем было, и привнести в гениальное произведение все, чего в нем не было¹.

Пассаж повторяется в «Одиссее», только здесь вместо Шекспира описан Гомер. «Как молодой и начинающий автор, трудолюбивый старик Гомер»² также допустил ряд непростительных промахов, исправленных театром. Взаимозаменяемость имен подчеркивает, с одной стороны, вульгарность и непродуктивность социологического метода, который описывает всех авторов по одной схеме. Но с другой стороны, у этих двух творцов действительно много общего: невыясненность, а отсюда мифологичность биографии; и тот и другой воплощают в себе образ титана-классика, чьи произведения (как образцы для подражания) исполнены универсального философского содержания и построены на вневременных общечеловеческих конфликтах. И Гомер и Шекспир подвергались переделке в 20-е годы, а в массовом сознании одинаково мифологизированы и заштампованы. Общими фразами описывая произведение Гомера, Помощник режиссера так и говорит: «Одиссея» - это самое мировое, самое гениальное и самое известное произведение. Кто, товарищи, не читал «Одиссею»? Никто не читал»³.

В новой пьесе Борзикова чётко определён исторический момент действия – период построения социализма. Все персонажи жёстко привязаны к классовым и социальным ролям: Дездемонова – профессор, но из народа; Кассио, в котором автор усмотрел «черты за-

¹ Там же, стр. 173.

² Москва с точки зрения... Эстрадная драматургия 20-60-х годов. – М.: 1991. стр. 278.

³ Там же.

рождающегося декабриста», и Отелло – рабочие; Яго тоже рабочий, но он бывший буржуа, а значит подпольный враг. Пародия ломает эту логично выстроенную, на первый взгляд, схему социальной принадлежности: новый автор пытается проследить в тексте чёткие классовые биографии всех героев, однако Дездемона вдруг из швей становится профессором медицины, а Кассио соединяет в себе «зарождающегося декабриста» и преданного сёстрам-мартенам рабочего. Революционная пьеса «Отелло» построена по пародийно сниженному трафарету соцреалистического произведения¹, который, кроме того, постоянно

травестируется первой частью, где, например, «положительный пионер из третьего эпизода запил»².

Таким образом, мы видим, что одно из самых злободневных, «живых», если можно так выразиться, искусств – эстрада – непосредственно реагирует на перегибы и противоречия вульгарного социологического метода в науке о литературе. Эрдман создает искрометные пародии, эксплицирующие утилитарность и субъективность такого подхода к литературному творчеству.

1 И к тому же интертекстуально связана с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

2 Н. Эрдман. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. – М., 1990, стр. 174.

E.G. Romanova
Altai State University
Russia, Barnaul

LITERARY STUDIES ON THE STAGE. «VULGAR-SOCIOLOGICAL SCHOOL» AND VARIETY THEATER OF NIKOLAI ERDMAN

Abstract.

The article is devoted to the parodic reception of the methodology of the «vulgar» sociological method in the variety texts of Nikolai Erdman. Within the framework of such a literary approach, it was assumed that literary evolution is determined by the change of economic formations, and the writer presents his own social character inherent in the class to which he belongs, but at the same time is not able to comprehend it objectively and is doomed to revolve in a circle of images associated with class affiliation. In a number of works by N.R. Erdman ("The red self-taught" (scene for the review "Moscow from the point of view", (1924), scenes for D. Lensky's vaudeville "Lev Gurych Sinichkin" (1924), "Meeting about laughter" (1932-1933)) is vividly parodied vulgarly-sociological literary criticism Through the ironic «modernization» of Pushkin, Shakespeare, Homer, the playwright plays with the ideological cliches of literary science, demonstrating the utility and subjectivity of such an approach to the literary text and its author.

Keywords: N.R. Erdman, parody, sociological method in literary criticism, variety art, «Red self-taught», «Lev Gurych Sinichkin», « Meeting about laughter».

Раздел 4

От С до Я ('слово' - 'я')

Е.Ю. Сафронова

Литературные источники «Объяснения по делу петрашевцев» Ф.М. Достоевского

Статья впервые была опубликована в коллективной монографии Современные проблемы изучения поэтики и биогра-фии Достоевского: рецепция, вариации, интерпретации / под ред. В.Н. Захарова, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова (серия «Dostoevsky monographs»). – Санкт-Петербург, 2016. С. 275-286.

Аннотация. Литературный характер вины Достоевского (чтение запрещенного в России переписки В.Г. Белинского с Н.В. Гоголем) предопределил художественные принципы отбора фактов криминально-судебного дискурса и литературные стратегии оправдания себя и своих товарищей. В статье раскрываются литературные источники «Объяснения по делу петрашевцев». Прежде всего, среди прецедентных текстов необходимо назвать «Апологию Сократа» Платона, которая могла привлечь Достоевского сходностью ситуации: обвинение не опиралось на факты и состояло из общих фраз. Кроме того, автор опирался на обширную литературную традицию «Исповеди» Августина Аврелия, «Истории моих бедствий» Пьера Абеляра, «Опытов» Мишеля Монтеня, «Исповеди» Жан-Жака Руссо и др., однако исповедальная стратегия использовалась как литературный прием. Мистификация жанрового канона исповеди была нужна писателю с прагматической целью – создать иллюзию откровенности, чтобы утаить от следствия тайну создания се-мерки Н.А. Спешнева, организации литографии, дистанцироваться от идеологической позиции В.Г. Белинского. Наиболее близким претекстом «Объяснения» Достоевского стали «Мемуары» К.О. де Бомарше – прецедент художественного оправдания в мировой литературе. Наконец, автор использует и собственное художественное творчество, искусно применяя мотив невинной жертвы правосудия (образ Горшкова из романа «Бедные люди») для оправдания брата Михаила, также обремененного семейством, мастерски добиваясь его оправдания. Таким образом, осознавая манипулятивный, суггестивный характер литературного творчества, автор опирается на разные претексты, талантливо переключает литературно-жанровые коды, стремясь переиграть следователей, мистифицировать судей и расположить читателей к сочувствию.

Ключевые слова: Достоевский Ф.М., Объяснение и показания Следственной комиссии по делу петрашевцев, Оправдание Сократа» Платона, «Мемуары» К.О. де Бомарше, исповедь, Горшков.

Сафронова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, доцент ВАК, профессор кафедры русского языка Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (г. Санкт-Петербург), член Международного общества Ф.М. Достоевского

E-mail: esafr@mail.ru

«Объяснение по делу петрашевцев» Ф.М. Достоевского – известный, но недостаточно изученный документ. Традиционно он рассматривается либо как факт биографии известного писателя, либо в историко-правовом аспекте (в соотношении с показаниями других петрашевцев (С.В. Белов, Н.Ф. Бельчиков, И.Л. Волгин)). Практически не изучено «Объяснение» Достоевского в других, не менее значимых ракурсах: собственно историко-литературном (соотношение с правовым дискурсом раннего творчества писателя), а также в сопоставительном и типологическом аспектах, хотя «Объяснение» встраивается в литературный, публицистический и философский контекст сочинений подобного рода: «Апология Сократа» Платона, «Мемуары» П.-О. К. де Бомарше и другие прецедентные тексты.

Показания Достоевского Следственной комиссии по делу петрашевцев включают в себя «Объяснение», написанное еще до предъ-

явления официального обвинения, и более поздний текст формального допроса. Убористо написанное рукой писателя с множеством поправок, заменой слов и выражений, «Объяснение» даже внешне напоминает рукопись художественного сочинения.

Первоначальная «юридическая» цель «Объяснения» – «показание фактов и личного мнения <...> об этих фактах» (18; 117) – заменяется целью риторической, суггестивной: «мне хотелось высказать свое убеждение, а вовсе не защищать себя» (18; 122). Словно следуя наставлениям античного ратора Марка Фабия Квинтилиана («хотя эти доказательств сами по себе чужды искусства, однако надлежит иногда или утверждать или опровергать их со всею силою красноречия»¹), писатель избирает «художественные» принципы отбора и оценки фактов судебно-криминального дискурса.

В выборе нарративных стратегий на Достоевского могла повлиять античная философская традиция. «Апология Сократа» Платона, не лишенная художественной ценности, должна была привлечь писателя сходностью ситуации: обвинение Сократа не опиралось на факты и состояло из общих фраз. Писателю были близки взгляды раннего Платона об идеальном государстве и необходимости просвещения правителей, а также установка Сократа на правдивость, откровенность защиты. Свое оправдание Сократ начинает с фразы «Они [обвинители] <...> не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите ее всю»². Достоевский заканчивает свои показания предложением «Я передал истину» (18; 135). По мнению К.В. Ратникова, прием сократической иронии, обилие риторических вопросов, чувство собственного достоинства защищающегося, логика построения и стилевые принципы сократовской апологии³ позволяют рассматривать это произведение Платона как прецедентный

текст «Объяснения» Достоевского⁴.

В «Объяснении» Достоевский использует трехчастную композицию, руководствуясь следующим планом для «отчетливого ответа»: 1) «каков характер Петрашевского», 2) «что бывало на вечерах», 3) «не было ли какой тайной скрытой цели в обществе», «вредный ли человек сам Петрашевский?» (18; 117). Избранная писателем триада «характер – событие – тайна», а также повествование от первого лица, с одной стороны, вновь отсылают к «Апологии Сократа», с другой, – напоминают манеру раннего творчества самого писателя.

Использование анафор и других риторических средств (сравнений, метафор, эпитетов, гипербол, литот, градации) говорит о том, что Достоевский, прекрасно владеющий стратегией взаимодействия в системе «автор – читатель», выстраивает текст по эстетическим законам с целью вызвать сочувствие. Разумный баланс между «фактической стороной» и «отступлениями» – изложением убеждений автора, использование юридической техники (лингвистических моделей, закрепляющих общественно значимые ценности, апелляция к здравому смыслу) создает мощный аргументативный контекст, призванный убедить компетентных читателей в отсутствии состава преступления и, следовательно, в необоснованности предполагаемого обвинения.

Предвосхищая идеи Н.А. Гредескула о том, что «интерпретация – это процесс преобразования права»⁵ и мысли Жака Дерриды о 4 Кроме того, наше наблюдение подтверждают воспоминания современников писателя. «Достоевский с первых же дней знакомства с Яновским стал увлеченно читать медицинские книги из его библиотеки. Особенно заинтересовался литературой о болезнях мозга, нервной системы, душевных заболеваниях. Увлекла его и входившая в моду теория Галля, по которой характер и наклонности человека зависят от устройства его черепа, от наличия шишек и впадин на нем, а также их местоположения. Яновский находил сходство его черепа с Сократовым, что доставляло удовольствие Достоевскому» (Селезнев Ю. И. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 1985. С. 111). Позднее на портретное сходство писателя и античного философа указывал Ап. Майков в письме к Висковатому: «Достоевский, сидя, как умирающий Сократ перед друзьями, в ночной рубашке с незастегнутым воротом, напрягал все свое красноречие о святости этого дела, о нашем долге спасти Отечество...» (18; 192), (Селезнев Ю.И. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 1985. С.130-131). О.В. Марченко, рассматривая сократическую тему у Достоевского, отмечает, что авторские характеристики Степана Трофимовича Верховенского заставляют вспомнить обвинения, предъявленные афинянами Сократу (http://az.lib.ru/s/swencickij_w_p/text_0370_marchenko.shtml).

5 Баранов В.М., Александров А.С. Риторика и право // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы:

1 Цит. по: Баранов В.М., Александров А.С. Риторика и право // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 121.

2 Платон. Апология Сократа // Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др. – М.: Мысль, 1999. С. 70.

3 Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник. /Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.И. Тихомиров. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2008. С. 396.

существовании права «в непрерывном смысловом творчестве по поводу текста», маскирующего «иллюзию, миф правового»¹, Достоевский пытается определить содержание понятия «вольномудство». Авторскую дефиницию составляют следующие лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ): 1) говорить противозаконно; 2) желать лучшего; 3) быть гражданином (18; 120); 4) говорить вслух о таких предметах, о которых другие молчат (см. 18; 121); 5) судить о современных событиях (см. 18; 123); 6) немного жаловаться (см. 18; 124); 7) говорить о недоразумениях (см. 18; 126). Такой прием включения в слово личностных смыслов с позитивной, патриотической семантикой (ЛСВ 2 и 3) позволяет Достоевскому показать амбивалентность его коннотаций, убедить в расплывчивости, нетерминологичности понятия и, как следствие, в шаткости, необоснованности возможного обвинения.

Лейтмотив вольномудства тесно переплетается во второй части «Объяснения» с другим лейтмотивом – предполагаемого обвинения, создавая в тексте систему анафор и придавая ему связность, цельность художественного сочинения. Предвосхищая лучшие образцы оправдательных речей, Достоевский сначала откровенно признается: «Я еще не знаю доселе, в чем обвиняют меня» (18; 119) и отважно намекает на необоснованность доноса («я не боюсь улики» – 18; 120), затем четырежды использует риторические вопросы («Но в чем же обвиняют меня?» (18; 122), «Неужели обвинят нас <...> неужели обвинят нас», «неужели обвинят меня» – 18; 122), завершая «исповедь горячего сердца» возгласом «Невозможно!» (18; 123) и утверждением, что «Такое обвинение будет противно всем моим убеждениям» (18; 123). Рефреном звучащая мысль акцентирует в сознании читателей идею презумпции невиновности.

Выходя за рамки наиболее верной в сложившейся ситуации защитительной тактики и формы самооправдания, автор намеренно расширяет «правовой дискурс», включая в него самые разнообразные компоненты. В «Объяснении» Достоевский «по собственному почину затронул и осветил такие существен-

ные для его идейно-политической позиции вопросы, как притеснение цензуры, судьбы России, значение деятельности Петра I, вопрос о революции на Западе и социализме», – указывает Н.Ф. Бельчиков², что могло усугубить его положение политического заключенного. Касаясь вопросов о революции во Франции, российской истории, деятельности Петра I, цензурной политики, Достоевский словно моделирует панорамность эпического произведения, используя литературную стратегию подготовки читателя. Осознавая, что чтение запрещенного в России письма – главный пункт обвинения и самое уязвимое место оправдания, автор делает его кульминацией, композиционным центром документа. Все предшествующие рассуждения становятся преамбулой объяснения чтения, которое на фоне мировой и российской истории представляется лишь естественным следствием всеобщего «недоразумения», частным фактом, не имеющим юридического значения.

Д. Галковский проницательно замечал, что «в русской культуре есть дар молчания, но нет дара умолчания. Русский человек не может вовремя остановиться и начинает выговариваться, <...> раз начав говорить, говорит до конца»³. Подтверждая эту мысль, Достоевский высказывает самые сокровенные мысли, открыто выражает свою позицию и в его словах «слышится голос судьи, обвинителя, а не подсудимого»⁴. Он намекает на неспособность государственной юстиции разобраться в характере и поступках обвиняемых в силу того, что следствие пытается свести всю широту души русского человека к узким рамкам юридических формулировок. «Кто видел в моей душе? Кто определил ту степень вероломства, вреда и бунта, в которой меня обвиняют? По какому масштабу сделано это определение?», «судят по нескольким словам, <...> схваченным на лету и записанным на клочке бумаги» (18; 120). Достоевский выступает здесь не как подследственный, а скорее как писатель эпического склада, не знающий пространственных и временных границ, границ между вну-

2 Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. – М.: Наука, 1971. С. 48.

3 Галковский Д. Бесконечный тупик. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Самиздат, 1998. С. 5.

4 Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. – М.: Наука, 1971. С. 49.

Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 121.

1 Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000. С. 308.

тренним, исповедальным выражением души героя и внешним его поведением.

Автор «Объяснения» возмущен боязнью слова, системой слежки всех за всеми, при которой «на громкое, откровенное слово, сколько-нибудь похожее на мнение, высказанное прямо и без утайки, уже смотрят как на эксцентричность!» (18; 121). В сложившейся ситуации Достоевский обвиняет общество: «А кто виноват в этом положении? Мы, мы сами и более никто, – я всегда так думал» (18; 121). Следуя своему убеждению о том, что «если бы мы все были откровеннее с правительством, то было бы гораздо лучше для нас самих» (18; 121), автор касается запрещенной темы – революции во Франции – **«зрелища страшно-го», «драмы беспримерной»** (18; 122), объясняя «историческую необходимость» кризиса и неприемлемость подобного сценария развития событий для родины: «Для меня никогда не было ничего нелепее идеи республиканского правления в России» (18; 123).

От событий на Западе Достоевский переходит к защите искусства – самой близкой и важной для автора теме. По его мнению, развитию литературы препятствует чрезмерная строгость цензуры: «звание писателя унижено в наше время каким-то темным подозрением», «на писателя <...> цензура смотрит как будто на какого-то естественного врага правительству» (18; 123-124). Для доказательства «напряженного положения», при котором не могут существовать «целые роды искусства» (сатира, трагедия), художник ссылается на пример несправедливого запрещения собственного сочинения, написанного «слишком мрачными красками» (18; 124). С искренностью и глубокой убежденностью он говорит Комиссии, а через нее и правительству, не только об общественной, но и о государственной значимости словесности, называя литературу сподвижницей реформ Петра I.

Эта часть документа по жанровым признакам тяготеет к исповеди, к «автобиографии признания» (термин В. Подороги). В этом плане Достоевский мог опереться на обширную литературную традицию «Исповеди» Августина Аврелия, «Истории моих бедствий» Пьера Абеляра, «Опытов» Мишеля Монтеня, «Исповеди» Жан-Жака Руссо и др. Уже само

повествование от первого лица, необходимое в «Объяснении» как юридическом документе, задавало жанровую форму исповеди, чисто-сердечного признания, а рассказ очевидца – открытую композицию. Об особой искренности и исповедальности повествования свидетельствует обильное включение конструкций: «скажу от чистого сердца» (18; 119), «Мне всегда было грустно видеть» (18; 121), «Мне грустно было» (18; 123), «Мне грустно слышать» (18; 124), неуместных в показаниях обвиняемого. В «Объяснении» реализуются следующие жанровые особенности исповеди как литературного жанра: психологическая самоуглубленность, искренность в раскрытии своих ошибок, беспощадность самооценок, пафос покаяния.

По замечанию О.А. Ковалева, «исповедь представляет собой особый дискурс, противоположный литературе как фиктивному дискурсу»¹. Жанрообразующей основой исповеди является «состояние напряжения, смысловой сосредоточенности души»,² полная искренность говорящего, связанная «с изначальной обращенностью к Богу»³. «Говорящий рассчитывает на определенную активность слушателя исповеди. Он обращается к нему с тем или иным призывом: просит прощения или ответной откровенности, сочувствия, предлагает заглянуть в чужой рассказ с тем, чтобы узнать в нем себя»⁴. «Смысл исповедальной активности – не просто в оценке и обсуждении духовной и бытийной ситуации, а в изменении этой ситуации – от отчужденности и изолированности к единению, пониманию»⁵. И в этом качестве автора «исповеди» Достоевский выступает не как обвиняемый, но как имеющий

1 Ковалёв О.А. Творчество как исповедь: ситуация исповеди в произведениях Ф.М. Достоевского // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2011. – № 2-2. – С. 149.

2 Иббатулина Г. Исповедальное слово и экзистенциальный «стиль» (Экзистенциальное сознание как неосуществленная исповедальность) // http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=showfull&id=1108110880&archive=0215&start_from=&ucat=1&

3 Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 267.

4 Ковалёв О.А. Творчество как исповедь: ситуация исповеди в произведениях Ф.М. Достоевского // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2011. – № 2-2. – С. 149.

5 Ибатулина Г. Исповедальное слово и экзистенциальный «стиль» (Экзистенциальное сознание как неосуществленная исповедальность) // http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=showfull&id=1108110880&archive=0215&start_from=&ucat=1&

право судить демиург, создатель Текста: «Без литературы не может существовать общество, а я видел, что она угасала, и в десятый раз повторяю, недоразумение, возникшее между литературой и цензорами, волновало, мучило меня» (18; 126). По сути говоря, автор пытается инициировать правотворческую деятельность правительства, побудить императора на реформы сверху. В этом смысле император представляется идеальным читателем, способным к ответной реакции на исповедь.

Парадоксальность изображенной ситуации состоит в том, что Достоевский полностью игнорирует юридическую сторону государственной политики в области цензуры (Меньшиковский, Бутурлинский чрезвычайные комитеты, Цензурный устав 1848 г.), называя ее лишь «недоразумением», «подозрением» («Одно недоразумение и больше ничего!» – 18; 126) и более того, даже обвиняя самих «литераторов в том, что они сами не хотят изыскивать средств для разрешения пагубного недоразумения» (18; 125).

В данной ситуации поведенческая стратегия Достоевского не была оригинальной: «многие декабристы <...> также адресовали свои объяснительные послания императору Николаю, надеясь на то, что власть наконец-то прислушается к независимому патристическому мнению»¹.

Однако Достоевский использует исповедальную стратегию как литературный прием. Жанровая традиция исповеди нужна была писателю с прагматической целью – создать иллюзию откровенности, чтобы утаить от следствия тайну создания семерки Н.А. Спешнева, организации литографии, дистанцироваться от идеологической позиции В.Г. Белинского, при описании которого использованы элементы некролога, и т.д. А.Н. Кошечко среди «эго-текстов», репрезентирующих пограничные жанры творчества Достоевского, называет «покаяния», «объяснения» и «показания» писателя на следствии по делу Петрашевского»². По нашему убеждению, в данном слу-

чае мы имеем дело не с покаянием в чистом виде, а с квазиисповедальностью, с иллюзией интенции самораскрытия, мистификацией жанрового канона исповеди. Заметим, что ситуация несостоявшейся исповеди, ставшая традиционным элементом сюжетики писателя, на наш взгляд, восходит к делу петрашевцев как источнику, как психотравмирующему фактору, определившим авторское своеобразие в дальнейшем.

Позднее, оценив косность Следственного комитета и правительства, в «Показаниях» Достоевский придерживается другой линии поведения – «я не знаю». Такая поведенческая стратегия «трикстера» переключается с последним произведением Платона «Законы», в котором изображается человек-марионетка в государстве тоталитарного типа и утверждается принцип «надо жить играя»³.

Наиболее близким претекстом «Объяснения» Достоевского являются «Мемуары» Бомарше, названные С.Д. Артамоновым «беспримерным в истории образцом юридического документа в форме художественного произведения»⁴. Первоначально они были задуманы будущим драматургом как судебная защитительная речь, апелляция в деле против графа Лаблаша и судьи Гёзмана, которое тянулось в течение восьми лет с переменным для Бомарше судебным успехом. Это дело имущественного и диффамационного характера. Внучатый племянник и наследник крупного финансиста Пари Дюверне граф Лаблаш отказался оплатить долговое обязательство умершего в размере 50 000 экю и, более того, обвинил Бомарше в подделке документа. Судьей по этому делу был назначен советник большой палаты Парламента Луи Валантен Гёзман де Торн, ставленник Мопу. Бомарше пытался добиться аудиенции судьи, преподнеся его жене через третьих лиц 215 ливров и золотые часы, усыпанные бриллиантами. Несмотря на подарок, Бомарше проиграл дело, судебное решение бесчестило и разоряло его. Тогда он своим поведением – упреками в невозвращении ему 15 луидоров женой судьи, – буквально вынудил Гёзмана возбудить судеб-

1 Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник. /Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.И. Тихомиров. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2008. С. 393.

2 Кошечко А.Н. Преодоление инерции жанрового мышления в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: к проблеме выражения экзистенциального сознания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. С. 281.

3 Платон. Законы. /Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1999. С. 256.

4 Артамонов С.Д. Бомарше. – М.: Художественная литература, 1960. С. 112.

ное дело по обвинению в клевете и подкупе судьи. Дело приобретало уголовный характер и в случае проигрыша грозило Бомарше суровым наказанием: позорным столбом, галерами, пожизненной каторгой. В этой ситуации будущий драматург осознал «необходимость вынести конфликт за пределы узкой легальности, в которых замыкала его существующая система»¹, «окружить себя благосклонностью народа»², противопоставить взяточничеству и несправедливости Парламента общественное мнение.

Во французском языке слово «*mémoire*» имеет несколько значений. В данном случае – «это юридический термин, означающий «изложение обстоятельств дела»³. И действительно, как и необходимо в апелляции, автор в начале текста обещает только «сухой и досадный перечень фактов»⁴ (сравним у Достоевского: «показания фактов и личного мнения моего об этих фактах» – 18; 117). Преподнесенные судьям «как дань уважения к их мудрости и <...> доверия к их честности»⁵ под пером Бомарше они превратились в хронику судебного процесса в памфлетно-заостренном стиле, стали прецедентом художественного оправдания в мировой культуре. С помощью неопровержимых фактов, железной логики, художественных обобщений и типизации К.О. де Бомарше сумел придать своему личному делу характер защиты общих прав человека и гражданина: «мое дело – дело всех граждан»⁶, победить «ухабистую и колючую почву крючкотворства»⁷, как называл он Парламент Мопу.

Достоевский, основой творчества которого было «переживание чужих (литературных)

1 Грандель Ф. Бомарше / Пер. с франц. Л. Зониной, Л. Лунгиной (Вступ. Ст. С. Козлова). 2 изд. – М.: Книга, 1985. С. 119.

2 Бомарше. Избранные произведения / Перевод с франц. Н.М. Любимова, М.П. Рожицыной, Т.Л. Щепкиной-Куперник. Сост., вступ. ст. и прим. С.Д. Артамонова. – М.: Художественная литература, 1954. С. 177.

3 Артамонов С.Д. Бомарше. – М.: Художественная литература, 1960. С. 100.

4 Артамонов С.Д. Бомарше. – М.: Художественная литература, 1960. С. 110.

5 Бомарше. Избранные произведения / Перевод с франц. Н.М. Любимова, М.П. Рожицыной, Т.Л. Щепкиной-Куперник. Сост., вступ. ст. и прим. С.Д. Артамонова. – М.: Художественная литература, 1954. С. 117.

6 Бомарше. Избранные произведения / Перевод с франц. Н.М. Любимова, М.П. Рожицыной, Т.Л. Щепкиной-Куперник. Сост., вступ. ст. и прим. С.Д. Артамонова. – М.: Художественная литература, 1954. С. 105.

7 Финкельштейн Е.Л. Пьер Огюстен Карон Бомарше 1732-1799. –Л.-М: Искусство, 1957. С. 40.

образов жизни как возможных вариантов реализации своего я»⁸, без сомнения при написании «Объяснения» «помнил» о «Мемуарах» Бомарше. Отсылкой к прецедентному тексту представляется гражданский и просветительский пафос Достоевского («Я вольнодумец в том смысле, в каком может быть назван вольнодумцем и каждый человек, который в глубине своего сердца чувствует себя в праве желать добра своему отечеству» – 18; 120), стремление максимально расширить судебный дискурс (но если Бомарше говорил от лица нации в целом, Достоевский говорит от лица всех литераторов), использование художественного дискурса в борьбе за гражданские права и свободы.

В то же время в отличие от французского классика, использовавшего по преимуществу комические приемы дискредитации своих противников, Достоевский, в российских условиях, использует этот прием гораздо реже, например, рисуя карикатурный образ цензора или вынося «вердикт» М.В. Буташевичу-Петрашевскому «Смешон, а не вреден» (18; 134) и т.д. Так писатель использует тактический прием сатириков: бичуя отдельные пороки, а не систему в целом, сатирики находились как бы за спиной, под защитой императора.

Писатель отдает предпочтение эстетической модальности при описании потенциально опасных явлений, применяя эстетические критерии к политическому процессу: «фурьеризм – система мирная; она очаровывает душу своей изящностью (18; 133), «переписка с Белинским – замечательный литературный памятник» (18; 127) и т.д. Но если «Мемуарами» Бомарше зачитывался король Луи XV, материалы «Объяснения» Достоевского долго оставались запрещенным документом и были опубликованы только в конце XIX века по инициативе вдовы писателя.

Наконец, в качестве претекста «Объяснения» Достоевский использует и собственное литературное творчество.

Героев своих «художественных» показаний автор описывает в психологическом ракурсе, подходя к ним с точки зрения художника, проницательно угадывающего их характер.

8 Ковалёв О.А. Творчество как исповедь: ситуация исповеди в произведениях Ф.М. Достоевского // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2011. – № 2-2. – С. 148.

Может быть поэтому по аналогии с представленным в «Объяснении» Петрашевским – «**несчастливым**, а не виновным человеком» (18; 134) – «**несчастливым** характером» (18;151) наделен Дуров, Филиппов обладает «**несчастливым** качеством» (18; 155) – самолюбием. Показывая диалектику добра и зла в человеческой душе, писатель наряду с недостатками (горячий темперамент (Дуров, Филиппов), самолюбие (Тимковский, Филиппов)) приводит массу положительных качеств (доброта Дурова, религиозность, чувство изящного Тимковского, честность, вежливость, прямодушие Филиппова) и смягчающих обстоятельств (аффект, молодость, неопытность, недостаток образования). И здесь автор-адвокат предвосхищает идеи презумпции невиновности, отсутствующие в практике российского судопроизводства, желает учесть опыт вынесения приговора французским парламентом по делу Бомарше, в основе судебного решения которого лежали не факты, а репутация обвиняемого, также как и в деле Сократа.

Эти наблюдения и замечания Достоевский предоставляет следствию «по долгу справедливости, по естественному чувству» (18; 151). Избирая неюридический код описания, он, как в раннем творчестве, стремится вывести ситуацию из сферы официальной юрисдикции, подсказать правительству иной, частный способ ее разрешения. В случае с П. Филипповым он почти эксплицирует свою мысль, провоцируя монарха на прощение: «Это детская безрассудная страсть, достойная сожаления» (18; 156), он «тотчас же готов сознаться в своей ошибке и раскаяться в ней» (18; 155).

Вершиной «художественных» показаний автора, на наш взгляд, стала защита старшего брата. В отличие от декабристов, петрашевцы в своем большинстве были людьми бес семейными, исключение составляли только А.П. Баласогло и Михаил Достоевский. На этом приватном обстоятельстве и пытается «сыграть» подозреваемый, у которого к этому времени уже был опыт оправдания семейного человека, случайно вовлеченного в судебный процесс. В романе «Бедные люди» купец, сплутавший подрядом с казною, «в дело свое разбойничье и Горшкова запутал, который тут также случился» (1; 90).

В показаниях Достоевский берет всю вину на себя, чистосердечно признаваясь: «брат познакомился с Петрашевским через меня, что в этом знакомстве я виноват, а вместе в несчастьи брата и семейства его» (18;140). Вводя мотив невинной жертвы правосудия, Достоевский искусно использует готовый (и проверенный!) шаблон оправдания, применяя его в этот раз к политическому делу. Образ Михаила создается художественно, являясь, по сути, автореминисценцией образа Горшкова.

Как персонаж «Бедных людей», человек бедный, обремененный женой и тремя детьми, Михаил – «человек семейный, весьма небогатый» (18; 139). (Кстати сказать, у М.М. Достоевского к тому времени также было трое детей, жена ждала четвертого). Подобно смиренному, несловоохотливому Горшкову брат писателя «никогда не принимал никакого участия в разговорах у Петрашевского. Я не слыхал, чтобы он сказал хоть два слова» (18;139). Персонаж первого романа Достоевского обладает плохим здоровьем, от вовлечения в судебный процесс теряет место службы, и соответственно, средства к существованию, тем самым обрекая детей на голод. Аналогично ранее «трудящийся» (18;139) Михаил «от природы сложения слабого, склонен к чахотке» (18; 140), находясь под арестом «мучается душою о погибшем семействе своем, которое должно буквально и неизбежно погибнуть от тоски, лишений и голода в его отсутствие» (18;140). Судя объективно, получается, что Михаил, как и Горшков, виновен «в неосмотрительности» (1; 90), но Достоевский снимает с брата и эту вину, оправдывая его присутствие на вечерах психологией: любопытством, единственным развлечением «поддерживать весьма небольшой круг знакомства» (18; 140). Описывая Горшкова в первом романе, писатель тщательно регистрировал перечень пережитых им страданий, напоминая мартиролог, подсказывая читателю мысль о мученичестве героя. Подобным образом автор показаний утверждает: «если я и другие в эти два месяца заключения вытерпели только тоску и скуку, то он выстрадал в десять раз более в сравнении с нами» (18; 140).

Тщательно работая над текстом для усиления сочувствия и сострадания, Достоевский

вписывает усилительные языковые единицы «хоть», «тогда как», «ни в чем», пронизывает текст рефренами («буквально», «тоска», «познакомился с Петрашевским через меня»). Завершает «художественную» защиту заявление, что для Михаила арест должен быть «буквально казнию, тогда как виновен он менее всех. Я считал себя обязанным сказать это; ибо знаю, что он не виноват ни в чем не только словом, но даже мыслию» (18; 140).

Благодаря мастерскому, художественно убедительному описанию состоянию брата, вызывающему сочувствие к «погибшему семейству», Достоевскому удалось отвести подозрение: Михаил был освобожден Следственной комиссией даже с выплатой компенсации (всемиловейшее пособие в размере 200 рублей) за ошибочный арест и двухмесячное заключение. Напомним, что Горшков по завершению процесса также получил «значную сумму денег» (1, с. 97) за «испорченную» репутацию. Думается, что параллелизм судеб Горшкова и Михаила Достоевского не случаен.

Таким образом, литературный характер вины Достоевского (чтение запрещенной в России переписки В.Г. Белинского с Н.В. Гоголем) predetermined художественные принципы отбора фактов криминально-судебного дискурса и литературные стратегии оправдания себя и своих товарищей. «Объяснение» Достоевского – текст особой двуединой литературно-юридической природы, в котором писатель от формального юридического жанра переходит к исповеди, литературе факта, а затем и открытому вымыслу по образцу нарративных моделей своих ранних произведений. Осознавая манипулятивный, суггестивный характер литературного творчества, автор опирается на разные претексты, талантливо переключает литературно-жанровые коды, стремясь «переиграть своих следователей»¹, мистифицировать судей и расположить читателей к сочувствию.

¹ Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник. /Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.И. Тихомиров. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2008. С. 393.

Elena Yu. Safronova
Russian Military Academy of Logistics named after A. Khrulev
Engineering Institute
(St. Petersburg, Russian Federation)

THE LITERARY SOURCES F.M. DOSTOEVSKY'S «EXPLANATIONS ON THE CASE OF PETRASHEVITES»

Abstract. The literary nature of Dostoevsky's guilt (reading the banned in Russia correspondence of V.G. Belinsky with N.V. Gogol) predetermined the artistic principles of selection of facts of criminal-judicial discourse and literary strategies of justification of himself and his comrades. The article reveals the literary sources of the «Explanation in the Petrashevsky case». First of all, among the precedent texts we should mention Plato's *Apologia Socratica*, which may have attracted Dostoevsky by the similarity of the situation: the accusation was not based on facts and consisted of general phrases. In addition, the author drew on the extensive literary tradition of Augustine Aurelius' *Confessions*, Pierre Abelard's *History of My Sorrows*, Michel Montaigne's *Essays*, Jean-Jacques Rousseau's *Confessions*, etc., but the confessional strategy was used as a literary device. The mystification of the genre canon of confession was necessary for the writer with a pragmatic purpose – to create the illusion of candor, to conceal from the investigation the secret of the creation of N.A. Speshnev's *Seven*, the lithography organization, to distance himself from the ideological position of V.G. Belinsky. The closest precedent to Dostoevsky's «Explanation» was C.O. de Beaumarchais' «*Memoirs*», a precedent of artistic justification in world literature. Finally, the author uses his own fiction as well, skillfully applying the motif of the innocent victim of justice, the hero of the novel «*Poor People*», Gorshkov, to justify his brother Mikhail, also burdened by his family, masterfully achieving his acquittal. Being aware of the manipulative and suggestive nature of literary work, the author draws on various pretexts, and skillfully switches literary genre codes, trying to «outwit his investigators», to mystify the judges, and to win the reader's sympathy.

Keywords: F.M. Dostoevsky, «Explanation» and Testimony of the Commission of Inquiry into the Petrashevsky case, Justification of Socrates by Plato, «Memoirs» by C. O. de Beaumarchais, a confession, Gorshkov.

Н.В. Халина

Когнитивная грамматика для носителя русской языковой культуры

Статья впервые опубликована: Национальная Ассоциация Ученых (НАУ) # III (8), 2015 / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. – С.30-32.

Аннотация. В статье рассматривается построение когнитивной грамматики в русском литературном языке. Выделяется пять этапов формирования грамматики для носителя русской языковой культуры: лингвистическая самоидентификация, объединение эмоциональной и мыслительной культуры, противопоставление опыта новгородской демократии и общинного мироощущения, наложение новых граней на состав языка.

Ключевые слова: трансляция мысленной речи, когнитивная культура народа, конструирование повседневной реальности.

Халина Наталья Васильевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры медиакоммуникаций,
технологий рекламы и связей с общественностью

Алтайский государственный университет (Барнаул)

E-mail: nkhalina@yandex.ru

Когнитивная грамматика Р. Лангакера [Langacker, 2008] позиционируется как новая теория языка, созданная на базе американского варианта английского языка и призванная создать семантическую альтернативу принципам порождающей грамматики Н. Хомского [Хомский, 1972]. Предлагаемая в данной работе идея когнитивной грамматики не представляет собой развитие основных положений проверенной временем и исследовательскими программами ученых разных стран фундаментального учения Р. Лангакера. Когнитивная грамматика для носителя языка – концепция идеологически отличная от упоминаемого труда, ориентированная толкованием грамматики, предложенным в универсальной грамматике А. Арно и К. Лансло [Арно, Лансло, 1990]: грамматика – это искусство мыслить. В таком случае когнитивная грамматика для носителя языка – это знание приемом использования знаков языковой системы для организации мыслительного процесса и овладение приемами адекватного синтаксического воплощения (синтаксической трансформации) мысли. В оформлении когнитивной грамматики для носителя русской языковой культуры можно выделить несколько этапов, или технических шагов: 1) XVIII век; 2) пушкинская эпоха – первая треть XIX века; 3) 40-ые г. XIX в. 4) середина XIX века; 5) 60-70-ые гг. XX века.

К XVIII в. русский язык и церковнославянский языки воспринимаются как системы, способные в равной степени обеспечивать коммуникацию в историческом процессе славянских народов, обладая языковыми формами, которые способны адекватно знаково транслировать их мысленную речь и формировать структуры коллективной памяти. Это языки самоидентификации прежде всего восточных и южных славян, в совокупности своей претендующих на статус союза, потенциально содержащего идею нации (отсюда «нация» может восприниматься как альтернативное государственному объединение народов на основе общности схем мирозерцания и мыследе-

тельности, поставленных (проявленных) в языковых формах).

XVIII в. характеризуется в истории литературного языка России более широким доступом живой речи в сферу государственно-правовых отношений, что обусловлено семиотизацией действительности [Успенский, 2002], присущей историческому восприятию и превращающей просто события в исторические события, делая их объектом исторического рассмотрения.

Государственно-правовые отношения обретают вид коммуникативного процесса, опосредующего взаимосвязь познающего индивидуального сознания и действительности. Язык как механизм порождения текстов в соответствии с теоретическими позициями Б.А. Успенского, определяет отбор значимых фактов: семиотический статус того или иного явления определяется прежде всего его местом в системе языка. Система представлений общественного адресата (социума) детерминирует механизм развертывания событий, т.е. исторического процесса. Однако стабильная корреляция между языком (механизм порождения текстов) и сознанием адресата (вектором механизма развертывания событий) устанавливается через речь, которая (при участии сознания и мышления) оказывается знаковой моделью тех или иных «кусочков» или «узлов» жизни [Головин, 2002]. Согласованный комплекс подобных «узлов» жизни представляет собой когерентный дискурс когнитивной культуры народа. Когерентный дискурс XVIII в., если его рассматривать с позиций Дж. Брунера, предложившего подходить к культуре с критерием степени выхода ее за рамки непосредственно индивидуально-опыта [Брунер, 1977], сформирован новым состоянием европейской действительности, стабильной частью которой пытается стать Россия.

Устремленность России к новому для нее государственному устройству (империя как система, сеть отношений между городами, которые в античности по типу государственно-устройства тождественны республикам) в XVIII потребовала появления нового типа литературы, являющейся зеркалом самопознания и средством осуществления психогенеза,

что, в свою очередь, потребовало конструирования семантической системы русского языка, базовым принципом которого являлся принцип вхождения единицы в систему семантических оппозиций. Через оперирование знаками русского языка на основе логических и риторических правил античной системы познания мира (республиканской по сути) обучить представителя книжной славянской культуры процедуре мысленного изображения вещи, т.е. абстрактному (европейскому) типу мышления, гарантирующего Российской империи ревнителя ее интересов, обладающего характерными свойствами «любовь к отечеству», «преданность царю», «честолюбие» (отождествимое с правами личности).

Обретение стабильности в языковой форме – цель, регулировавшая направление языковых реформ Петра I, совпадала с главным принципом существования индоевропейского союза, в языковых формах которого оказались представленными фундаментальные уравнения, или «законы мышления», позволяющие оперировать виртуальными предметами мысли, которые составляют содержание третьего (вспомним о метафоре «Москва – третий Рим», насколько, конечно, это упоминание в данном случае уместно). По утверждению К. Поппера, третий мир, частью которого является человеческий язык, производится людьми, точно так же, как мед производится пчелами или паутина – пауками. Подобно меду, человеческий язык – и тем самым значительная часть третьего мира – является незапланированным продуктом человеческих действий» [Поппер, 2002, с.150].

А.С. Пушкин в когнитивной грамматике для носителя русской культуры XIX века обнаруживает союз миров умопостигаемых сущностей, составляющих квинтэссенцию разных эмоциональных и мыслительных культур. Таким образом, русский язык, будучи правопреемником языка церковнославянского по объединению славянских культур в одно целое, становится языком национальным, разрешая главную задачу, поставленную реформаторской деятельностью Петра I – определить принцип вхождения единицы русского языка в систему семантических оппозиций, гарантирующего Российской импе-

рии верного защитника ее интересов. Главный принцип синтеза отношений в теории порядка и связи А.С. Пушкина – гармония, красота, принцип классического гражданина, легко сливающегося (гармонически) с общей жизнью своего государства, для древнего гражданина, как утверждает П.Е. Астафьев [Астафьев, 2000], ограничивающегося чаще всего одним городом, гражданина классической республики. Имперская идея Пушкина созвучна пониманию имперской идеи в китайской цивилизации периода XVI-XVII вв. и предполагает умение видеть вещественный мир, дополняя физическое зрение духовным. Она связана с усилием мысленного зрения проникать сквозь материальную оболочку вещей и прочитывать невидимую глазу формулу, находящую воплощение в материальности» [Астафьев, 2000, с.258].

Имперская идеология в николаевскую эпоху (40-ые г. XIX в.) нашла свое выражение в формуле С.С. Уварова «Православие. Народность». Формула С.С. Уварова, как считает Б.А. Успенский, скорее всего создана по модели формулы Французской революции, однако при этом полемически ей противопоставлена. В этом противопоставлении, видимо, скорее всего следует искать не полемику с западной демократией, ее формирующимися традициями (Равенству противостоит Самодержавие, Свободе – Православие, Братству – Народность), сколько полемику с средствами и формами (в данном случае формулами выражения истины), полемику о чувственном и мысленном рае (рае в какой-то мере отождествляемом с империей), различении чувственного и духовного опыта, чрезвычайно актуального для русского православного сознания.

Русскому религиозному сознанию, как отмечает Б.А. Успенский, в большей степени присуще представление о чувственном образе сакральной действительности. Фактически общинному мироощущению противопоставляется чувственный опыт (народные представления, или народность) новгородской демократии – русское религиозное осознание, ориентированное на нетленность гармонии. Середина XIX в. ознаменована в истории русского литературного языка двумя событиями: возникновением устной разновидности

литературного языка и созданием Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля. Переход от национального статуса идентификации языка к характерному для XIX века и двух первых третей XX века, к этнической атрибуции языка, отличающий конец XX и начало XXI вв., обусловлен особым вниманием к этнической культуре как локальной реализации культуры национальной и ее главному атрибуту, символу идентификации – языку.

Середина XIX века в работах по истории русского литературного языка маркируется как период оформления современной системы функциональных стилей – результат эволюционирования, с одной стороны, деривационно-комбинаторной концепции М.В. Ломоносова, с другой стороны – изменения принципов функционирования семиотической системы русского языка смешенного типа. Вплоть до этого момента в истории становления языкового сознания носителя русского языка и эволюции русского языка семантическое обнаруживало себя прежде всего через литературное (книжное) выражение, что влекло за собой признание словесного произведения семиотическим объектом, обеспечивающим «вход» в аксиологическую (равно «эпистемологическую») систему народа. Середина XIX века – время оформления самостоятельной структуры, некой оперативной модели, «устного литературного языка», своеобразной антитезы письменному литературному языку – книжной традиции, время прихода «наречия» на смену «речению».

Наречия, или областные говоры, В.И. Даль рассматривает как свойство бытия простого народа, а «простонародный язык» – корень и основа образованного языка. Фактически В.И. Даль возвращается к изначальному принципу классификации языкового содержания русской культуры по лексическому принципу М.В. Ломоносова, сосредотачивая внимание не на знаке как таковом и особенностях его функционирования в определенном контексте, а на особенностях «делания» знаков [Халина, 2005]. Это позволило провести границу между человеком как носителем исторического сознания, социальным явлением и другими живыми субстанциями – миром природных форм. В 60-70-ые годы XX столетия создает-

ся новая модификация письменного литературного языка, ориентированная культурой словесного обустройства пространства существования человека, конструирования его повседневной реальности.

Классическая модель «республиканского» обустройства пространства существования модифицируется в концепцию малой родины, поглощая собой императив «любовь к отечеству». Таким образом, «рассеивается» имперская идеология (идея имперского обустройства государства Российского) и провозглашается в качестве жизнеобустраивающей идея демократического союза различных земель – «малых родин» – России. Идея индоевропейского языкового союза вновь становится актуальной: необходимо выявить систему семиотических принципов согласования различных типов мысленной речи, свойственных каждой отдельной территории (или ландшафтно-географическому комплексу) России, т.е. различных типов мысленного изображения вещи, обуславливающего разные типы «честолюбия» (второй константы мышления, гарантирующей приятие и созидание имперской идеологии).

Современная речевая коммуникация в электронных средствах информации возвращает русский язык в лоно индоевропейско-

го языкового союза, при этом выводя его из «славянского союза» и объединяя с западногерманским ответвлением германской ветви, если быть абсолютно точным – с англофризской ее модификацией (вариацией). В этом наблюдаются некие параллели с периодом взаимодействия русского языка с западнославянским ответвлением славянской ветви в XVI-XVIII вв., когда усиливается польское влияние на русский язык и русскую культуру. Тогда польский язык выступал в качестве посредника между русским языком и западноевропейскими языками. Английский язык как составляющая англофризской вариации германской ветви индоевропейского языкового союза выступает в конце XX – начале XXI в. в качестве посредника между русским языком и информационным обществом, материальная и духовная культура которого создается в электронных средствах массовой информации (или гипертекстовой реальности). В какой-то мере повторяется ситуация середины XIX в., когда, по наблюдениям П. Хохрякова, имело место наложение новых граней на состав языка для отражения в них нового движения в мыслях и представлениях, в чувствованиях и отношениях развивающейся и усложняющейся жизни.

Библиографический список

- Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. — М.: Прогресс, 1990.
- Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. – М.: Москва, 2000.
- Брунер Дж. Психология познания – М.: Прогресс, 1977.
- Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М.: Высшая школа, 1980.
- Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- Успенский Б.А. Этюды о русской культуре. – СПб: Азбука, 2002
- Халина Н.В. Деривационный потенциал словообразовательной теории русского языка Ломоносова-Даля// Актуальные проблемы современного словообразования: Труды Международной научной конференции. Кемерово, 1-3 июля 2005 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С.144-147.
- Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса – М.: Изд-во Московского университета, 1972.
- Хохряков П. Язык и психология. – Казань, 1889.
- Langacker Ronald W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction – Oxford: University Press, 2008.

N.V. Khalina
Altai State University
Russia, Barnaul

COGNITIVE GRAMMAR FOR NATIVE SPEAKERS RUSSIAN LANGUAGE CULTURE

Abstract. The article is devoted to the shaping of cognitive grammar in Russian literary language. The author distinguishes five stages in the process of forming cognitive grammar for Russian linguistic culture carrier: linguistic self identification, unity of emotional and mental cultures, opposition of emotional experience of Novgorod's democracy and community would outlook, forming operative communication model "oral literary language", laying on new features on language content.

Key words: translation of mental speech, people's cognitive culture, constructing of everyday reality.

Т.С. Хребтова

Эпистемно-когнитивный тезаурус Г.Д. Гребенщикова как часть евразийского культурно-лингвистического пространства

Впервые опубликовано: Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice 2022. Том 15. Выпуск 6. С. 2024-2028 | 2022. Volume 15. Issue 6. P. 2024-2028.

Аннотация. Цель исследования – положить начало созданию эпистемно-когнитивного тезауруса Г. Д. Гребенщикова, являющегося частью культурно-лингвистического пространства Евразии. Тезаурус включает в себя ядро фразеосемантического поля, состоящего из фразеосхем, выделенных в англоязычных текстах писателя. Научная новизна исследования заключается в когнитивном и эпистемологическом истолковании идиоматических единиц и в упорядочивании их в систему, а также в составлении на основе ранее не переведенных произведений Г.Д. Гребенщикова первого эпистемно-когнитивного тезауруса. В результате доказано, что возможно создание тезауруса, единицы которого отражают особенности мышления автора, являющегося представителем евразийского культурно-лингвистического пространства.

Ключевые слова: эпистемно-когнитивный тезаурус, фразеосхема, фразеосемантическое поле, знание, евразийское пространство.

Хребтова Татьяна Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных
языков естественно-научного
профиля

Алтайский государственный
университет (Барнаул)

E-mail: hrebtova.tanya2016@
yandex.ru

Введение

Актуальность данного исследования заключается в изучении евразийского пространства, представляющего в настоящее время гибридизацию различных типов знания и мировоззрения, в котором алтайская культура занимает одно из центральных мест. Составление особого эпистемно-когнитивного тезауруса позволяет зафиксировать особенности существования человека в культурно-лингвистическом пространстве Евразии, а также выявить скрытый потенциал художественного текста.

В современном мире в сфере научно-исследовательской и образовательной парадигмы особую роль играет совокупность разных видов и форм знания. Общество сейчас строится на механизме производства знания, его дистрибуции и утилизации в рамках определенного когнитивного аспекта жизни. Сущность бытия подчас заключается в выделении глубинной структуры познания и определении роли знания в качестве его детерминационного компонента. По мнению Н. Н. Шамардина, начиная с середины XX века научно-технические достижения, формы культурного выражения переживают постоянные эволюционные изменения, обусловленные изучением и трансляцией новых форм знания [Шамардин, 2015]. Но в связи с изменением культурно-исторической парадигмы все эти виды знания в настоящее время уступают место эпистемологическому знанию, в центре которого стоит личностное восприятие мира познающим субъектом. Оно заключается в том, что все виды познания в определенный исторический период в мировоззрении определенной личности составляют эпистемно-когнитивную парадигму этой лич-

ности. Эпистема являет собой совокупность векторов познания во всех видах дискурса в данный исторический момент. В исследованиях М. Фуко эпистема осуществляет глубинный подкоп в историко-культурную, познавательную почву, на которой произрастают различные виды и формы знания [Фуко, 1977]. Здесь мы опираемся на созданную М. П. Котюровой эпистемологическую модель познающего субъекта, в центре которого находится стиль его мышления [Котюрова, 2010]. Эта модель подходит для фиксации изменения функционального потенциала знания, фундирующего не на «механистичности производства» интеллектуального продукта, а на knowledge development, знания как совокупности личностного мировоззрения.

Теоретической базой исследования послужили труды авторов, изучающих типы знания [Стеклова, 2003; Пожилова, 2005; Шамардин, 2015; Осокина, 2014], а также исследователей, занимающихся разработкой понятий фразеосхема, фразеосемантическое поле и фразеосемантический образ [Боровкова, 1976; Филоненко, 2004; Кириллова, 2003; Крючкова, 2013; Хайруллина, 2015].

Как отмечают ученые, в настоящее время существуют одновременно две тенденции. С одной стороны, процесс глобализации набирает обороты, с другой стороны, усиливается стремление сохранить национальную идентичность. В этот процесс вписывается творчество Г. Д. Гребенщикова, как представителя двух культур: евразийской и американской. Георгий Дмитриевич Гребенщиков – русский писатель, критик, общественный деятель, известный любовью к родине, отраженной в сибирской тематике своих произведений. Кроме русскоязычного творчества у писателя имеется обширное англоязычное наследие, вызванное эмиграцией в 1930 г. в США. В то время он являлся духовным лидером русской эмиграции в Америке. Занимаясь пропагандой русской культуры на Западе, литератор создал ряд художественных переведенных ранее. Мы занимались изучением архивов, и интерес для произведений, очерков и публицистических статей на английском языке. В 2017 году Государственному музею истории литературы, искусства и культуры Алтая была передана

уникальная коллекция раритетных изданий писателя, собранных в американских архивах. Всего в фондах музея присутствует не менее 32 единиц хранения на английском языке, не изученных и не лингвистического исследования представили несколько его произведений. Это «The mountain deer» («Горный олень»), «The first copeck» («Первая копейка»), «The instinct of the chase» («Инстинкт охоты»), «Chapter one in my childhood» («Глава первая из моего детства»), «Opportunity brings responsibility» («Возможность влечет за собой ответственность»).

Изучая художественные произведения Г.Д. Гребенщикова, мы определяем особенности культурно-лингвистического пространства, закрепленного в текстах писателя, для языкового упорядочивания которого лучше всего подходит эпистемно-когнитивный тезаурус. В работе используются семантический, когнитивный и эпистемологический методы исследования.

Для достижения цели исследования мы ставим следующие задачи: во-первых, проанализировать пять рассказов Г. Д. Гребенщикова, написанных на английском языке; во-вторых, выделить в них фразеосхемы, опираясь на метод Л. П. Боровковой, и объединить их во фразеосемантические поля; в-третьих, положить начало созданию эпистемно-когнитивного тезауруса, включив в него те слова и словосочетания, которые представляют собой ядро фразеосемантического поля; в-четвертых, сделать первые выводы об особенностях мышления Г. Д. Гребенщикова как представителя евразийского культурно-лингвистического пространства.

Практическая значимость исследования заключается в возможности представления тезауруса в виде справочника или словаря, включающего в себя слова и словосочетания, раскрывающие особенности евразийского когнитивно-лингвистического пространства. Помимо этого, поскольку тезаурус соединяет евразийскую культуру (тема создания произведений) и ее европейское знаковое обозначение (язык создания произведений), он может стать основой для изучения в спецкурсах и семинарах в вузах гуманитарного направления по практическому, теоретическому языкознанию, переводоведению и страноведению.

Основная часть

На первом этапе составления эпистемно-когнитивного тезауруса в текстах Г. Д. Гребенщикова необходимо выделить опорные единицы – фразеосхемы. На втором этапе объединяем фразеосхемы со схожим смыслом во фразеосемантические поля эмоционального состояния. После этого анализируем фразеосемантические поля, выделяя в них ядро (классему) и периферию (элементарные семы). Наконец, ядро фразеосемантического поля становится единицей эпистемно-когнитивного тезауруса.

Фразеосхемы представляют собой текстовые элементы, отражающие культурно-историческую эпоху и являющиеся «культурными фреймами» накопленного этнического опыта. Ведь как отмечает Р. Х. Хайруллина, объективный мир человеком воспринимается как система языковых образов, формирующих глобальный образ мира, наиболее ярко и полно транслируемый через фразеологический фонд языка [Хайруллина, 2015].

Для выделения фразеосхем опираемся на компоненты фразеосхем, предложенные Л. П. Боровковой, а именно существительное + существительное; существительное + глагол; существительное + прилагательное; прилагательное + существительное; глагол + существительное; глагол + наречие; глагол + местоимение; наречие + глагол (Боровкова, 1976). Эти компоненты представляют собой «внутренние координаты», по мнению Р. Тома, создающие семантический каркас произведения и описывающие различные состояния действительности.

Фразеосхемы фиксируют когнитивные процессы создания текста, являясь его структурными элементами. Анализируя смысловое значение их компонентов, мы строим когнитивную систему ориентирования в текстовом пространстве.

Фразеосхемы в нашем исследовании служат основой для составления эпистемно-когнитивного тезауруса, поскольку эпистемическая ситуация содержит в себе, как говорилось выше, когнитивный компонент описания стиля мышления. Ориентируясь на фразеосхемы, представляется возможным выстроить эпистемно-когнитивную «карту»

писателя, двигаясь по которой мы раскрываем особенности его когнитивного познания. В этом случае берем за основу понятие тезауруса, предложенного С. А. Осокиной, как когнитивной системы знаний в голове человека (Осокина, 2014). Размещение в центре культурно-лингвистического пространства эпистемологии раскрывает его с новой стороны, а именно с позиции личностного восприятия действительности в рамках этого пространства. Согласимся с В. Е. Пожиловой, говорящей о новом неклассическом понимании объекта познания как новой коррелирующей системы «язык – культура – терминология» (Пожилова, 2005). Это совпадает с существующей тенденцией в языкознании последних десятилетий, связанной с усилением изучения языкотворческого начала в личности, раскрывающего облик культуры в целом.

Фразеосхемы с общим семантическим признаком объединяются во фразеосемантические поля. Под фразеосемантическим полем Ю. М. Крючкова понимает совокупность фразеологических единиц, которые находятся в определённых системных отношениях и объединяются общностью семантической темы и общностью выражения одного понятия (Крючкова, 2013). Семантический признак фразеосхемы представляет собой отражение эмоционального состояния, заключенного во внутреннем значении единицы. Выделенные нами фразеосемантические поля включают себя фиксированные эмоциональные состояния носителей языка. Они делятся на поля положительных и поля отрицательных эмоций.

Фразеосемантическое поле является пространством, в котором происходит контактирование языковых картин мира, результаты которого фиксируются во фразеоподобных конструкциях как единицах ментального лексикона. Фразеосемантические поля выбраны нами потому, что содержат фразеосемантический образ, по мнению Т. М. Филоненко, способствующий структурированию фрагментов языковой картины мира, связанной с образным восприятием предметов, явлений окружающей действительности (Филоненко, 2004).

Исследователи полагают, что в качестве единицы изучения фразеосемантического

поля может выступать идеограмма в ее понимании Н. Н. Кирилловой как слово или словосочетание, содержащее классему и основные элементарные смыслы (семы) (Кириллова, 2003). Исходя из этого, выделяем во фразеосемантических полях ядро (классему) и периферию (элементарные семы). Они понимаются в виде идеограмм, создающих структуру фразеосемантического поля.

Проанализировав пять произведений Г.Д. Гребенщикова («The mountain deer» («Горный олень»), «The first copeck» («Первая копейка»), «The instinct of the chase» («Инстинкт охоты»), «Chapter one in my childhood» («Глава первая из моего детства»), «Opportunity brings responsibility» («Возможность влечет за собой ответственность»), написанных писателем на английском языке, выделяем 71 фразеосхему. Фразеосхемы объединяем во фразеосемантические поля эмоционального состояния. Нами выделено 11 таких полей: «радость», «любовь», «удивление», «гордость», «удовлетворение», «спокойствие», «страх», «волнение», «грусть», «стыд», «отчаяние». Рассмотрим примеры фразеосемантических полей «радость», «страх» и «гордость».

Фразеосемантическое поле «радость» включает в себя следующие фразеосхемы:

glittered in the sun (сверкать как медный грош);

keep still, for heaven's sake (всем смертям назло);

inexplicable happiness (на седьмом небе);

a merry sense (душа радуется);

an air of being asleep (и во сне и наяву);

sparkling like a rainbow (блестеть как медный грош);

between the sky and the earth (между небом и землей);

speaking to herself (витать в облаках).

В скобках указываем примерный эквивалент фразеосхемы в виде устойчивой единицы русского языка. Ядром фразеосемантического поля «радость» является стержневой компонент - глагол, выражающий эмоцию «радости» (sparkling (сверкающий), keep still (не шуметь), glittered (блестел)). Периферия - окружающие его существительные, прилагательные и предлоги (merry (веселый), sense (смысл), sky (небо), rainbow (радуга)), заклю-

чающие в себе семы этой же эмоции. Главная модель фразообразования - глагол + существительное.

Фразеосемантическое поле «гордость» включает в себя следующие фразеосхемы:

demonstration of genius success (проложит грудью дорогу);

escape from better cultural development (спастись бегством);

to take on themselves the responsibility (на собственной спине);

did not appeal to him (себе на уме);

face of an icon (каменное лицо);

softly whispered in the wind (бросать слова на ветер).

Ядро поля «гордость» представлено в существительном (success (успех), cultural development (культурное развитие), responsibility (ответственность)), используемое для обозначения эмоции гордость, успеха в чем-либо как компоненты эмоции. Периферия - окружающие его другие существительные (demonstration (демонстрация), escape (побег)), глаголы для передачи этой эмоции. Главная модель фразообразования - существительное + существительное.

Фразеосемантическое поле «страх» состоит из следующих фразеосхем:

danger was closing about (душа в пятки ушла).

the end of the world is coming (конец света грядет).

the devil's pleasure (черт дернул за язык),

the unleashed torrent of darkness (тьма тьмущая).

a spear in his hand (вооружен до зубов).

Ядро поля «страх» представлено в существительном danger (опасность), devil's (дьявольский), darkness (темнота), spear (копье), end (конец)), ассоциирующееся с эмоцией страха. Периферия - в глаголах (is coming (приближается), closing (закрытие)), как нечто надвигающееся. Главная модель словообразования - существительное + существительное.

Все единицы, представляющие собой ядра фразеосемантических полей эмоциональных состояний будут основой для создания эпистемно-когнитивного тезауруса, поскольку они состоят из ключевых классов, фиксиру-

ющих семантическое значение соответствующей эмоции [Халина, Хребтова, 2019].

На данном этапе положена основа создания эпистемно-когнитивного тезауруса Г. Д. Гребенщикова, отобран материал для добавления в него первых единиц. Изучение творчества алтайского писателя посредством тезауруса позволяет раскрыть особенности мышления и мировоззрения представителей евразийского культурно-лингвистического пространства.

Заключение

Проанализировав пять рассказов Г. Д. Гребенщикова, мы выделили фразеосхемы и объединили их во фразеосемантические поля эмоционального состояния. Ядра фразеосемантических полей становятся единицами эпистемно-когнитивного тезауруса писателя как представителя евразийского культурно-лингвистического пространства.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. На начальном этапе эпистемно-когнитивный тезаурус будет включать в себя следующие слова и словосо-

четания: *danger (опасность), devil's (дьявольский), darkness (темнота), spear (копье), end (конец), success (успех), cultural development (культурное развитие), responsibility (ответственность), sparkling (сверкающий), keep still (не шуметь), glittered (блестел).*

Проанализировав единицы тезауруса, можно вынести первые суждения об особенностях мышления автора и других представителей евразийского культурно-лингвистического пространства, а именно: стремление к развитию (*cultural development (культурное развитие)*), успешность (*success (успех)*), ответственность (*responsibility (ответственность)*), страх неудачи (*darkness (темнота)*) и другие. Созданный впоследствии полный эпистемно-когнитивный тезаурус подробнее раскроет особенности культурно-лингвистического пространства Евразии, место автора и других его представителей в нем.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в расширении тезауруса как набора знаний, организация которых позволит создать удобную систему хранения информации.

Библиографический список

- Боровкова Л.П. Тавтологические фразеосхемы // Фразеологическая система языка. – Челябинск: ЧГПИ, 1976. – С. 88-95.
- Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвист. аспект / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. - СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. - Ч. 1: Природа и космос. - 319. с.167.
- Котюрова М.П. «Мягкий» интерпретативный анализ научного текста в свете речевой индивидуальности // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 5 (11).
- Крючкова Ю.М. Фразеосемантическое поле «радость» в английском языке // Актуальные вопросы филологических наук: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2013 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. - С. 59-64.
- Осокина С.А. Лингвистическая модель языковой системы знания: тезаурусная сеть // Известия Алтайского государственного университета, 2014.
- Пожилова В.Е. Культура: когнитивный и эпистемический уровень организации знания // Вестник Томского государственного университета. 2005. 4 (40).
- Стеклова И.В. Взаимодействие и изоляция типов знания в науке и философии // Социальные и гуманитарные знания. 2003.
- Том Р. Топология и лингвистика, УМН, 1975, том 30, выпуск 1(181). С. 199–221.
- Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества: на материале фразеологии современного русского языка тема диссертации и автореф. Магнитогорск, 2004.
- Фуко М. Слова и вещи. – Москва: Прогресс, 1977.

Хайруллина Р.Х. Фразеологический образ: ментальная природа и языковое выражение // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2 (часть 27).

Халина Н.В., Хребтова Т.С. Фразеодериватология: фразеосемантика в контексте деривационной морфологии (на материале американских произведений Г.Д. Гребенщикова) // *Филологические науки*. 2019. № 4.

Шамардин Н.Н. «Общество знаний»: философско-методологическая критика понятия // *Научные ведомости*. Серия Философия. Социология. Право. 2015. № 14 (211). Выпуск 33.

T.S. Khrebtova
Altai state University
Russia, Barnaul

G. D. GREBENSHCHIKOV'S EPISTEMIC-COGNITIVE THESAURUS AS A PART OF THE EURASIAN CULTURAL AND LINGUISTIC SPACE

Abstract. The study aims to initiate the creation of G. D. Grebenschchikov's epistemic-cognitive thesaurus, which is a part of the Eurasian cultural and linguistic space. The thesaurus includes the core of the phraseosemantic field consisting of fixed phrase schemes identified in the writer's English-language texts. Scientific novelty of the study lies in carrying out a cognitive and epistemological interpretation of idiomatic units and in organising them into a system, as well as in compiling the first epistemic-cognitive thesaurus, using G.D. Grebenschchikov's previously untranslated works. As a result, it has been proved that it is possible to create a thesaurus the units of which reflect the peculiarities of the thinking of the author, who is a representative of the Eurasian cultural and linguistic space.

Keywords: epistemic-cognitive thesaurus, fixed phrase scheme, phraseosemantic field, knowledge, Eurasian space.

Т.В. Чернышова

Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе

Впервые опубликовано: Филология и человек. 2014. №1. С. 31-39. (<https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-priznaki-rechevogo-zhanra-diskreditatsii-v-mediadiskurse>)

Аннотация. В статье с опорой на теорию речевых жанров М.М. Бахтина выделены базовые признаки речевого жанра дискредитации, представлены его инвариантные и вариативные признаки на материале конфликтных медиатекстов, ставших предметом судебного разбирательства. Жанровые формы описаны с учетом положений семантической теории элементарных смысловых единиц («semantic primitives») А. Вежбицкой, позволяющей выявить не только основные структурно-композиционные и языко-стилевые особенности изучаемого жанра, но и определить речевой замысел автора текста, т.е. коммуникативную цель медиатекста. На основе комплексного лингвостилистического анализа изучаемых текстов в качестве базовых составляющих изучаемого речевого жанра выделены такие его типологические признаки, как тематическое содержание, предметно-смысловая исчерпанность высказывания, речевые акты, реализующие в тексте стратегию на понижение; типические композиционно-жанровые формы высказывания. В результате предпринятого описания установлены четыре варианта наполнения жанровой формы дискредитации.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, типологические признаки, псевдосоциальная оценочность, речевой жанр дискредитации, стратегия «игра на понижение», коммуникативная цель, базовые составляющие речевого жанра, инвариант, варианты наполнения жанровых форм.

Чернышова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка

Алтайский государственный университет (Барнаул)

E-mail: labrlexis@mail.ru

В данной статье мы продолжаем рассуждение о возможностях жанровой типизации дискредитирующих медиатекстов [Чернышова, 2013, с. 161-174]. Актуальность данной проблематики обусловлена высокой степенью конфликтности текстов подобного типа, разнообразием наполнения их жанровой формы, а также недостаточной разработанностью методических процедур, позволяющих непротиворечиво выделять из них речевые единицы оценочного и фактологического характера, что часто требуется в ходе проведения лингвистического анализа текстов в лингвоэкспертной практике.

Анализ изучаемых текстов с целью выделения их типологических признаков проводился по следующей схеме, объединяющей несколько методических процедур, направленных на комплексное описание изучаемого объекта: 1) определение оценочного потенциала заголовочного комплекса как относительно самостоятельного элемента текста, который, с одной стороны, выполняет контактоустанавливающую функцию (т.е. привлекает внимание читателя к публикации и поэтому должен как-то выделяться на общем нейтральном фоне своей необычностью, экспрессивностью), а с другой, – обозначает тему публикации (тематическое содержание – по М.М. Бахтину [Бахтин, 1996, с. 159-161]), т.е. в своей структуре содержит языковые элементы, отсылающие к содержанию текста в целом; 2) констатация факта, послужившего основой для оценочного коммен-

тария. Оба эти пункта, а также пункт 6, как представляется, ориентированы на описание предметно-смысловой исчерпанности высказывания; 3) выделение на основе текстового анализа речевых актов (далее – РА), с помощью которых реализуется стратегия на понижение (стратегия дискредитации), позволяющих установить речевой замысел или речевую волю говорящего; 4) описание структурно-логических и композиционных особенностей текста и их роли в формировании стратегии «на понижение»; 5) характеристика средств и способов, реализующих стратегию дискредитации (языковых и композиционных). Пункты 4 и 5 характеризуют типические композиционно-жанровые формы высказывания определенного речевого жанра; 6) учет единичности/множественности публикаций оценочного типа, посвященных одному и тому же субъекту речи [Чернышова, 2013, с. 167].

Выделенные типологические признаки позволяют охарактеризовать анализируемые тексты с позиций воплощенного в них речевого жанра дискредитации (РЖД). В качестве инструмента описания используем положения семантической теории элементарных смысловых единиц («semantic primitives») А. Вежбицкой [Вежбицка, 2007, с. 68-80], которые часто используются лингвистами для описания различных речевых актов, далее – РА (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, М.Я. Гловинская и др. [Логический анализ языка..., 1993, 1994]) и РЖ (А. Вежбицка, В.В. Дементьев, И.Г. Дьячкова, В.И. Жельвис, К.Ф. Седов и др. [Антология речевых жанров, 2007]), а также в юрлингвистике, когда есть необходимость доказать наличие в спорном высказывании того или иного конфликтного РЖ (К.И. Бринев, Т.В. Чернышова и др.)

Инвариантной формулой РЖ дискредитации в медиакommunikации может быть следующая:

А. Мы (Я) знаем X о лице.

Б. Думаем, что ты не знаешь X о лице.

В. Думаем, что ты должен это знать.

Г. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал,

Где X – негативная оценочная информация о лице.

Как следует из типологии текстов [Чер-

нышова, 2013, с. 161-174], вариантов реализации этой типовой формулы может быть как минимум четыре – в зависимости от той информации о личной и общественной деятельности субъекта публикации, которой располагает автор медиатекста.

Иллокутивный элемент модели – общий для всех РЖД: «Субъект публикации – плохой человек; все, что он делает – плохо (X), так как делает это он ради собственной выгоды; он делал это плохо в прошлом, будет делать это плохо в будущем и т.п.»

Рассмотрим возможные варианты наполнения жанровых форм дискредитации в медиатексте.

Вариант 1.

А. Мы (Я) знаем X о лице.

Б. Мы знаем, что X является негативно ценным в социуме и осуждается (вариативный компонент модели РЖД).

В. Думаем, что ты не знаешь X о лице.

Г. Думаем, что ты должен это знать.

Д. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал,

где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, представленная в данном варианте РЖД, не содержит аргументации и фактологической информации, но изобилует негативной авторской оценочностью; построенное таким образом высказывание представляет собой обобщенное отрицательное суждение говорящего, опирающееся на национальные аксиологические представления и не поддерживаемое в медиатексте системой доказательств (фактов) [Чернышова, 2013, с. 166].

Например, в публикации «Мертвые сраму не имут?» (Московский комсомолец на Алтае, 6-13 июля 2011г.), повествующей об очередной олимпиаде сельских спортсменов, проходившей в минувшие выходные в одном из районов края, говорится о том, что нехватку средств для проведения этого спортивного мероприятия местные власти «пытались решить с помощью своего высокопоставленного земляка – депутата АКЗС, председателя

Союза крестьянских и фермерских формирований Алтая А.Б.... Увы, вопреки ожиданиям А. продемонстрировал себя куркулем». Использованная автором в качестве общественно значимой оценки поведения депутата АКЗС лексема **куркуль** («Неодобрительное, разговорное, употребляемое как бранное слово. Жадный, скупой человек» [Химик, 2004, с. 206-207] представляется недостаточно мотивированной всем предшествующим и последующим контекстом, а информация о сельской олимпиаде дается автором лишь с целью концентрации внимания на личности А. как возможного кандидата в АКЗС нового созыва.

Вариант 2.

А. Мы (Я) знаем, что лицо совершило Y.

Б. Уверены, что Y – это X, п.ч. лицо всегда совершает X (вариативный компонент модели РЖД).

(Далее см. пункты В, Г, Д варианта 1),

где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, в данном варианте РЖД строится таким образом, что приводимые в качестве аргументов факты сами по себе не являются дискредитирующими, но становятся таковыми, благодаря эмоционально-риторическим структурам, ориентированным на создание негативно-оценочной тональности текста, в свою очередь, ориентированной на реализацию дискредитирующей коммуникативной стратегии. Приводимым в публикации фактам дается субъективно-оценочный комментарий, направленный на заведомо отрицательную оценку поведения личности субъекта речи, снижающую его статус, хотя сама описываемая ситуация может быть истолкована по-разному (несовпадение «серьезности» приводимых фактов и оценочного комментария) [Чернышова, 2013, с. 166].

Часто подобный оценочный комментарий представлен только в заголовках и не поддерживается содержанием текста. Таковыми, например, являются следующие заголовки серии публикаций газеты «Московский комсомолец на Алтае», посвященных вступлению в должность руководителя одного из вузов: «Карти-

на маслом. Кошка скребет на свой хребет...»; «Пыль в глаза, деньги на ветер... Аврал – это по-нашему»; «По дороге разочарований» и т.д.

В других подобных текстах оценочный потенциал заголовка поддерживается на протяжении всего текста. Например, 30 ноября 2013 г. на сайте редакции журнала «Бизнес-курс» была опубликована статья под названием «Валентина С. – жертва «ошметков полежаевского режима»». Заголовок содержит оценочную лексему ошметки, задающую негативно-оценочный вектор интерпретации содержания статьи в целом, ср.: ошметки: «прост. Куски грязи, остатки изорванных вещей» [Ожегов, 1986, с. 419; «разг.-сниж. Куски грязи или обрывки, обрывки чего-л.» [Современный толковый словарь..., 2001]], слово употреблено в переносном значении «жалкие, ничтожные остатки чего-л.» – в данном случае это ошметки полежаевского режима, т.е. последователи прежней команды министра культуры Омской области. Новый глава характеризуется в статье как «...полежаевский кадр, превративший Омскую драму в живой труп, активно продолжает это «трупное» дело с культурой Омской области. За 20 лет в Омске, извините, обелелись полежаевскими «фельдфебелями» в культуре, искусстве. Чиновники, работающие под его руководством, – как управленцы в культуре, искусстве; намертво засели в окопах, карточные марионетки; преступники, воры, мошенники в чиновничьих и директорских мантиях!...; шайка-лейка, добывающая остатки культуры, искусства в Омской области и т.п. Избранная ими стратегия руководства – как стратегия деградации, бездуховности, ... план отката и т.д. При этом фактологическая составляющая текста – по М.М. Бахтину, его предметно-смысловая исчерпанность очень скудна и может быть сведена к следующей фразе текста: «...Наши творческие коллективы не выдерживают никакой конкуренции как с Екатеринбургом, Новосибирском, так и почти со всеми регионами России, не говоря уже о Москве и Питере».

Вариант 3.

А. Мы знаем X о группе лиц.

Б. Мы знаем, что некое лицо является руководителем (начальником, директором, заведующим и т.п.) этой группы лиц.

В Уверены, что лицо знает о том, что группа лиц делает X, и сам делает X (Б. и В. – вариативные компоненты модели РЖД)

Г. Думаем, что ты не знаешь X о лице.

Д. Думаем, что ты должен это знать.

Е. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал,

где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации в подобных текстах носит «наведенный» характер: автору достоверно неизвестно, участвует ли руководящее лицо в негативно ценной деятельности сотрудников или нет. Факт причастности руководителя к социально осуждаемой деятельности при этом может быть выражен либо вербально, либо вытекает из контекста и композиционного расположения частей текста.

Так, например, в статье «Закон против «крокодила»», опубликованной в газете «Московский комсомолец на Алтае» (30.05.-06.06.2012, № 23) и посвященной проблемам противодействия распространению наркомании и токсикомании, а также мерам, которые краевые и федеральные органы власти, общественные и профессиональные объединения принимают для их разрешения, нет информации, указывающей на то, что владелец аптеки знал о том, что его сотрудники торгуют запрещенными к продаже препаратами. В то же время в заголовке текста – «Закон против «крокодила»», который отражает тему публикации (лексема *крокодил* употреблена в переносном значении и обозначает наркотик кустарного изготовления), а также в содержании статьи есть информация о возможной причастности владельца к данным событиям, на что указывают следующие фрагменты текста: *Спросите любого таксиста – он вам расскажет, по какому адресу едут наркоманы за сырьем для очередной дозы* (имеется в виду адрес «Аптеки Щ.»); *В феврале 2012 года...сотрудники МВД зафиксировали безрецептурный отпуск кодеинсодержащих препаратов... Мировой судья назначил владельце аптеки штраф в размере три тысячи рублей, который впоследствии был отменен; Сейчас аптека по-прежнему продолжает работать*; работники Краевого управления по здравоохранению и фармацев-

тической деятельности уже обращались в прокуратуру с просьбой провести внеплановую проверку; Однако лишит аптеку лицензии пока оснований нет; собранных на сегодняшний день документальных подтверждений для обращения в суд недостаточно и др.

Кроме того, сочетание «Аптека Щ.», часто употребляемое в публикации, представляет собой название городского объекта (полное наименование – «Аптека ИП Щ. ...») и как название выполняет, как минимум, две функции: 1) информативную: указывает на тип объекта (аптека – «Учреждение, в котором продаются / или изготавливаются и продаются / лекарства, лечебные средства, предметы санитарии и гигиены» [Ожегов, 1986, с. 26]); 2) коммерческую: являясь коммерческим наименованием, название «Аптека Щ.» представляет собой словесное наименование физического лица, позволяющее отличить его от других владельцев аналогичных объектов: например, «Аптека ИП Кутякова Т.М.», «Аптека ИП Бабаева М.В.» и др. С точки зрения структурной организации названия подобного типа образованы по следующей модели: «имя существительное, указывающее на специализацию объекта + инициалы и фамилия индивидуального предпринимателя, осуществляющего ту или иную предпринимательскую деятельность». Таким образом, второй компонент названия аптеки прямо указывает на фамилию ее владельца (в том случае, если он действительно является ее владельцем). Однако читатель должен сам решить, знал ли владелец о незаконной деятельности сотрудников аптеки или нет.

Вариант 4.

А. Мы знаем X о поведении и привычках лица в обыденной жизни.

Б. Думаем, что ты не знаешь X о поведении и привычках лица в обыденной жизни.

В. Думаем, что и в общественной (профессиональной) деятельности лицо делает X (А, Б, В – вариативные компоненты модели РЖД).

Д. Думаем, ты должен это знать.

Е. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал,

где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации в текстах, реализующих данную модель РЖД, основывается на фактах из частной жизни субъекта речи (псевдосоциальная оценочность). «Псевдосоциальную (деструктивную) оценочность» можно охарактеризовать следующим образом:

1) как правило, центром публицистического текста, содержащего, «деструктивную оценочность», является субъект (персона), прямо или косвенно соотносимый с каким-либо социально значимым событием, при этом само событие уходит на второй план и не интересно автору;

2) в тексте отсутствует информация фактологического характера и преобладает оценочное мнение автора;

3) автор сознательно уходит от позиции социальной оценки и заменяет ее узкопрофессиональными, корпоративными, групповыми интересами, носящими подчас заказной характер, выдаваемыми в тексте за интересы общества в целом;

4) стратегия «деструктивной оценочности» разрушительна по своей сути – неплотворна (ср.: «деструктивный» – ведущий к разрушению чего-либо, разрушительный, неплотворный» [Современный словарь..., 1992, с.191]);

5) она не предполагает диалога, чаще всего позиция автора – это монолог, нередко обладающий признаками агрессии (стратегии на понижение образа субъекта речи);

6) авторские суждения выражены в форме утверждения; вопросы, если они и присутствуют, часто носят риторический характер;

7) оценки субъекту речи часто выражены при помощи ненормативной лексики и фразеологии, заимствованной из языковых пластов, выходящих за пределы литературного языка (просторечной, грубо-просторечной, вульгарной, обценной и пр.);

8) «деструктивная оценочность», которая, кстати, тоже может быть как позитивной, так и негативной, направлена на создание крайне отрицательного образа субъекта речи, часто через использование разнообразных приемов и тропов (гипербола, иносказание и пр.); повествование нередко носит ироничный (насмешливый, саркастический характер) [Чер-

нышова, 2011, с. 104-111].

Так, в статье «Блеф», опубликованной в газете «Московский комсомолец на Алтае» 14-21 сентября 2011г., представлена информация о бывшем главе администрации одного из районов г. Барнаула – Л. Для создания негативного образа используются разнообразные средства и способы:

- фактологическая информация со ссылкой на неавторизованный источник, содержащая подробности ее личной жизни: **«некоторым показалось, что даже сейчас, оставшись не у дел, она продолжает пользоваться услугами служебного автопарка ... райадминистрации»;**

- утверждение о фактах, не имеющих отношение к профессиональной деятельности Л.: **«Есть и другие случаи использования Л. бывшего административного ресурса – она и ее близкие до сих пор пользуются VIP-палатами трансмашевской больницы едва ли не как своей собственностью»;**

«В качестве примера мы могли бы назвать недавнее приобретение Л. недвижимости в Чехии, которую экс-чиновница оформила на дочь»;

- акцентирование внимания на особенностях ее характера и темперамента – причем не всегда понятно, почему они подаются как негативные: **«Во время этих застолий (неформальных дружеских фуршетов) она демонстрирует блистательные ораторские способности, позволяющие ей играть роль тамады праздничных мероприятий. Что она успешно и выполняет»;**

- оценочная информация, приписывающая Л. негативные мысли и чувства: **«Даже после своей скоропалительной отставки бывшая глава Октябрьского района Л. не может обрести желанного покоя. Правда, ее сегодняшняя гиперактивность носит своеобразный характер»; «отставная чиновница по-прежнему демонстративно позиционирует себя как человека с большим будущим и светлыми горизонтами»; «Видимо, таким образом она более чем прозрачно пытается намякать своим собеседникам, что все те, кто ее сегодня игнорируют, завтра об этом горько пожалеют»; «Цель может быть более глубокой – пустить окружающим пыль в глаза...»**

Впрочем, бывшая чиновница знает, где надо надуть щеки от важности, а где нет».

Рассмотренные в данной статье варианты наполнения жанровой формы текстов декретирующего типа не являются вполне исчерпанными. Причину этого, как представляется, указал в своей работе М.М. Бахтин: «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы. Особо нужно подчеркнуть крайнюю разнообразность речевых жанров (устных и письмен-

ных)» [Бахтин, 1996, с. 159]. Например, еще один вариант наполнения изучаемой жанровой формы, в котором реализуется особый вид социальной оценочности, на наш взгляд, воплощают в себе публичные и публицистические тексты иронического типа.

Таким образом, использование семантической теории элементарных смысловых единиц А. Вежбицкой для моделирования РЖ дискредитации представляется весьма продуктивным, поскольку позволяет выявить не только основные структурно-композиционные и языко-стилевые особенности изучаемого жанра, но и определить речевой замысел или речевую волю говорящего, т.е. коммуникативную цель медиатекста.

Библиографический список

- Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация: монографическое издание / под общей ред. К.Ф. Седова. М., 2007.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т.5.: Работы 1940-1960 гг. М., 1996.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994.
- Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
- Современный словарь иностранных слов. М., 1992.
- Современный толковый словарь русского языка /под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2001.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб., 2004.
- Чернышова Т.В. Современный медиатекст сквозь призму оценочности (на материале текстов, вовлеченных в сферу судебного разбирательства) // Журналистика и культура русской речи: Научно-практический журнал. 2011. №1.
- Чернышова Т.В. Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью // Филология и человек. 2013. №4.

T.V. Chernyshova
Altai State University
Russia, Barnaul

TYPOLOGICAL FEATURES OF THE DISCREDITING SPEECH GENRE IN THE MEDIA DISCOURSE

Abstract. The article, based on the theory of speech genres by M.M. Bakhtin, highlights the basic features of the discrediting speech genre, presents its invariant and variable features based on the material of conflicting media texts that have become the subject of judicial proceedings. Genre forms are described taking into account the provisions of the semantic theory of elementary semantic units («semantic primitives») by A.

Vezhbitskaya, which makes it possible to identify not only the main structural-compositional and linguistic-stylistic features of the genre under study, but also to determine the speech intent of the author of the text, i.e. the communicative purpose of the media text. On the basis of a comprehensive linguistic and stylistic analysis of the studied texts, as the basic components of the studied speech genre, such typological features as thematic content, subject-semantic exhaustion of utterance, speech acts that implement a strategy for lowering in the text; typical compositional and genre forms of utterance are identified. As a result of the description undertaken, four options for filling the genre form of discrediting have been established.

Keywords: media discourse, media text, typological features, imaginary social evaluative, speech genre discredit the strategy of «shorting» communicative purpose, the basic components of a speech genre, invariant, filling options genre forms.

Т.В. Чуканова

Психологический контекст изучения уровней и критериев социального благополучия человека

Впервые опубликовано: Психологический контекст изучения уровней и критериев социального благополучия человека / Социальное благополучие населения современной Сибири: монография // под общ.ред. О.Н. Колесниковой. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 87–105.

Аннотация: Целью статьи является теоретический анализ феномена социального благополучия, его составляющих, с точки зрения различных подходов и концепций. Подробно исследуется один из показателей социального благополучия человека – здоровье и его составляющие – психологическое здоровье, психологическое благополучие. Основываясь на социологическом подходе, проблемы здоровья, социального здоровья рассмотрены в контексте проблем социализации и социального взаимодействия. Достаточно внимания уделено психологическим теориям, описывающим адаптационные процессы в рамках различных направлений и школ. Охарактеризованы уровни психологического благополучия, элемент социального благополучия. Структурированы и проанализированы критерии социального благополучия.

Ключевые слова: социальное благополучие, психологическое здоровье, психологическое благополучие, субъективное благополучие, критерии субъективного благополучия.

Чуканова Татьяна Викторовна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной и
молодежной политики

Алтайский государственный
университет (Барнаул)

E-mail: chukanova.64@mail.ru.

Одним из показателей социального благополучия человека является здоровье и некоторые его составляющие – психологическое здоровье, психологическое благополучие. Поскольку специфика здоровья не может быть ограничена отдельными – биологическими, социальными и духовными аспектами бытия, оно становится предметом междисциплинарного исследования. Обобщая наиболее распространенные научные взгляды на проблему здоровья, как составляющую благополучия, выделяют несколько альтернативных подходов к исследованию этого феномена [Васильева, 2001, с. 16].

Нормоцентрический подход, в рамках которого здоровье рассматривается как совокупность среднестатистических норм восприятия, мышления, эмоционального реагирования и поведения, в сочетании с нормальными показателями соматического состояния индивида. Речь идет о некоем оптимальном уровне функционирования организма и психики.

Феноменологический подход предполагает трактовку проблем здоровья и болезни как фундаментальных аспектов или вариации индивидуального, неповторимого способа бытия человека, они включены в субъективную картину мира и могут быть постигнуты лишь в ее контексте (Ясперс, Бинсвангер, Лэнг). В этом случае формализованные процедуры исследования сменяются феноменологическими описаниями, основанными на глубинном понимании и эмпатии.

Холистический подход предполагает рассмотрение здоровья как обретаемую индивидом в процессе его становления, целостность,

предполагающую личностную зрелость (Г. Олпорт), интеграцию жизненного опыта (К. Роджерс) и примирение, синтез основанных противоречий человеческого существования (К.Т. Юнг) [Васильева, 2001, с. 18]. Естественно-научные принципы анализа дополняются гуманитарными, что обеспечивает целостное видение проблемы.

В рамках кросс-культурного подхода здоровье рассматривается как социокультурная переменная. Его характеристики относительны и детерминированы специфическими социальными условиями, культурным контекстом, своеобразием национального образа жизни и образа мира.

Дискурсивный подход предлагает любое представление о здоровье исследовать в рамках определенного дискурса, который имеет собственную внутреннюю логику конструирования или концептуализации социальной и психологической реальности. Для ясного понимания структуры конкретного представления требуется углубленный анализ с определением базовых принципов, достоинств и ограничений.

В рамках аксиологического подхода здоровье выступает как универсальная человеческая ценность, соотносится с основными ценностными ориентациями личности и занимает определенное положение в иерархии. Доминирование или переоценка тех или иных ценностей рассматриваются как факторы определяющие здоровье индивида или негативно влияющие на него. А. Маслоу, исследуя психологическое здоровье и его нарушения в их ценностном аспекте рассматривал высшие ценности как своего рода детерминанты здорового и полноценного развития индивида. А. Кемпински интерпретировал различные формы психопатологии как нарушения нравственного порядка или дисфункции ценностной системы личности.

И, наконец, интегративный подход, основываясь на нем любые объяснительные принципы, модели, концептуальные схемы признаются адекватными способами изучения здоровья на разных уровнях человеческого бытия. На основе данного подхода Васильева О.С. и Филатов Ф.Р. предлагают конструировать новую модель здоровой личности, пред-

варительно выявив и описав такие устойчивые характеристики, значения которых для поддержания здоровья оставалось бы постоянным и относительно независимым от меняющихся социальных условий. Выявление эталонных характеристик дало основание говорить об еще двух моделях здоровья – античной и адаптационной.

Античная концепция здоровья базируется на идее некоего оптимального соотношения различных составляющих телесной и душевной природы человека, образующих (при таком соотношении) упорядоченное внутреннее единство. Античное знание соотносило здоровье с устойчивыми понятийными конструкторами – «гармония», «красота», «соразмерность». Обобщая качества здорового человека, авторы сводят их к двум фундаментальным характеристикам:

1) Здоровый и благополучный человек, живущий в согласии с природой, отличается здравомыслием и разумением. Отсутствие или неразвитость способности к здравомыслию отождествляется с безумием и оценивается как недуг или порок.

2) Благополучие и здоровье человека основывается на духовной независимости субъекта, которая выражается в его невозмутимости при любых внешних обстоятельствах, иначе – самообладание.

Античная модель связывается, прежде всего, с внутренним устройством человека и в меньшей степени затрагивает систему его отношений с социумом. Обращение к самому себе и уравновешенность – необходимые условия здоровья и благополучия.

Еще одна модель здоровой личности – адаптационная, возникла на стыке социологического и биологического подходов. Содержание данной модели важно для понимания, изучения психологического благополучия человека, поскольку адаптация является одним из основных показателей психологического благополучия как составляющей социального благополучия человека. Речь идет об устойчивом социокультурном эталоне здоровья, который лежит в основе адаптационных теорий. Адаптационная модель здоровой личности охватывает систему отношений индивида с окружающим его миром и предлагает рассмо-

трение проблем здоровья, благополучия и болезни во внешнем плане жизнедеятельности человека. В основе лежит представление о биосоциальной природе человека, формирующейся и преобразующейся в процессе адаптации к окружающему миру. Главным критерием оценки оптимального функционирования выступает характер и степень включенности индивида во внешние биологические или социальные системы. С одной стороны, подразумевается такой уровень развития природных задатков индивида, при котором обеспечивается выживание и приспособление к окружающей природной среде. С другой стороны, речь идет о степени сформированности его социальных отношений и мере соответствия его поведения основным нормам и требованиям, предъявляемым социумом. Теоретические предпосылки данной модели лежат, во-первых, в эволюционном учении Ч. Дарвина, в котором главная движущая сила эволюции – борьба за выживание, приводит ко все более совершенному приспособлению к окружающей среде, а во-вторых, в социологии О. Конта и Э. Дюркгейма, рассматривавших любое проявление духовной жизни человека прежде всего как функцию его социальных отношений. Отсюда выделение в данной модели двух основных компонентов общей адаптированности человека: биологического и социального.

Наиболее общие адаптационные подходы к проблеме здоровья можно условно обозначить как психофизиологический, эволюционистский и социально-ориентированный [Васильева, 2001, с. 76].

Биологическая адаптация личности рассматривается в индивидуальном и общевидовом аспектах. В первом случае предполагается оптимальное психофизиологическое реагирование на внешние стимулы, поддержание которого обеспечивает целостность и стабильность организма. Такой подход отражен в биологической теории стресса Г. Селье [Психология. 1990, с. 357]. Здоровье и благополучие в биологических концепциях связано с сохранением постоянства внутренней среды человека, которое не должно нарушаться в процессе интенсивного взаимодействия с внешней средой.

Изучение проблемы нормального функционирования в контексте теории приспособления человека как вида предполагает рассмотрение индивидуального развития человека как неотъемлемой составляющей единого биологического процесса (теория биосферы В.И. Вернадского; концепция «космопланетарного феномена человека» В.П. Казначеева и Е.А. Спирина).

Социальный аспект адаптационной модели здоровья базируется на всесторонней социализации личности. Социологический подход абсолютизирует идею социальной детерминации индивида. При таком подходе исследование любой сферы человеческого духа вскрывает его социальную сущность. Идеи Э. Дюркгейма, М. Вебера о примате социальной реальности по отношению к индивидуальной лежат в основе обозначенного аспекта [Энциклопедический социологический словарь, 1995, с. 84, 191]. Позднее была разработана концепция «социального конструирования реальности» (П. Бергер, Т. Лукман), в свете которой любая специфическая форма проявления человеческой природы выступает как продукт социокультурной детерминации и не существует вне взаимосвязи с социальным окружением [Энциклопедический социологический словарь, 1995, с. 70, 360]. Эта концепция послужила основанием для социального конструктивизма. Согласно этому подходу, любые проявления человеческой природы – это социально-сконструированные феномены. П.Д. Тищенко, В.М. Рогозин применяют теорию социального конструирования реальности к изучению феноменологии здоровья. В общих чертах В.М. Рогозин приходит к выводу, что здоровье не является естественным феноменом, это социальный артефакт, неразрывно связанный с социальными (медицинскими) технологиями. Но осознается этот артефакт как естественный из-за необходимости оправдать «медицинские технологии природой человека» [Васильева, 2001, с. 85].

Применение социологической системы интерпретаций в анализе проблем здоровья как одного из составляющих благополучия, здорового функционирования психики приводит к смещению фокуса внимания в ин-

терсубъективную область индивидуального существования, в сферу социальных и межличностных отношений субъекта. Социологический подход предполагает рассмотрение проблемы здоровья, социального здоровья в контексте проблем социализации и социального взаимодействия. В отличие от античной модели здоровья, в данном случае, оно определяется внешними по отношению к субъекту интерессубъективными факторами.

Согласно Дюркгейму, благополучие субъекта в значительной мере определяется степенью сплоченности общества, а различные аномалии душевной жизни могут рассматриваться как отражения социальных аномий, следствия нарушения основных общественных норм и ценностей. Индивид определяется как функциональная единица социума, актуальное состояние которой всегда детерминировано состоянием макросистемы и характером ее структурных связей. На первый план выходит соответствие индивидуальных проявлений личности устоявшейся системе социокультурных норм. В социальном плане здоровье понимается как нормальное состояние, а болезнь – отклонение от нормы. С социальной точки зрения, здоровый человек – это тот, который эффективно функционирует. Согласно такому нормоцентрическому подходу, любое нарушение психического здоровья равнозначно отклонению от принятой в обществе нормы и предполагает снижение социальной эффективности субъекта, потому может рассматриваться как определенная форма социальной дезадаптивности.

Таким образом, адаптационная модель подчеркивает социальное значение здоровья, его роль в ежедневной практике социального взаимодействия индивидов. Предложенная Дюркгеймом социологическая схема провоцирует рассмотрение социального благополучия в целом и таких его показателей как психологическое благополучие в контексте наиболее устойчивых социальных отношений.

Такой социально ориентированный подход нашел отражение в психотерапевтической системе А. Адлера, который указывает на то, что психика не может действовать самостоятельно, перед ней постоянно возникают проблемы, связанные с логикой нашей

общественной жизни. Требования общества влияют на личность, но редко позволяют ей влиять на общество [4, с. 12; 7, с. 9]. Поэтому, считает А. Адлер, необходимо принять логику общественной жизни как абсолютную истину и инициировать стремление к солидарности и кооперации с другими людьми, развивая социальное чувство. Подход Адлера представляет собой выражение крайнего социологизма, при котором абсолютизируется социальный аспект адаптированности человека, а общество является единственным полноправным арбитром в вопросах здоровья и болезни [Васильева, 2001, с. 98].

Многочисленные психологические теории описывают адаптационные процессы в рамках различных направлений и школ. Представители бихевиоризма подчеркивают исключительно поведенческий аспект жизнедеятельности индивида, а вся феноменология духовной жизни сводится к совокупности поведенческих реакций, которые могут быть либо адекватными по отношению к вызвавшим их внешними стимулами, либо нет. В первом случае поведение будет адаптивным. Бихевиористы уделяют наибольшее внимание адаптационным возможностям группы, по существу игнорируя роль самостоятельной и активной личности (Б. Скиннер, Дж. Вольпе, Р. Хэнкли) [Психология, 1990, с. 42, 364].

Исследовательская установка, характерная для бихевиоризма была преодолена в рамках интеракционистской концепции адаптации, в которой содержится идея активности адаптирующейся личности, имеющей творческий и целенаправленный характер. Индивид в данном случае помещен не только в систему общественных функций и обязанностей, но и в поле социальных ожиданий других людей, с которыми он активно устанавливает определенные социальные отношения [Васильева, 2001, с. 90; 4, с. 145; 6]. Согласно взглядам интеракционистов (Л. Филипс, Т. Шибутани), выделяются два основных признака эффективной адаптированности:

- 1) адаптированность в сфере «внеличностной» социально-экономической активности, где индивид приобретает знания, умения, навыки, достигает умения и мастерства;
- 2) адаптированность в сфере межлич-

ностных отношений, где устанавливаются интимные, эмоционально-насыщенные связи с другими людьми и требуется социально-психологическая компетентность, эмпатия, способность к пониманию и сотрудничеству.

Таким образом, адаптирующаяся личность должна эффективно приспосабливаться не только к системе социальных норм и требований, формирующих культуру конкретного общества, но и к системе межличностных отношений, в рамках которой осуществляется социально-психологические взаимодействия разной степени сложности. В свете интеракционизма процесс адаптивности представляется не как вынужденное приспособление индивида к специфическим условиям окружающей среды, а как полноценное и творческое раскрытие личности во взаимодействии с другими людьми. Согласно этому подходу, способность к установлению эффективных и гармоничных межличностных взаимоотношений в значительной мере определяет социальную адаптированность и психологическое благополучие личности.

Те же проблемы взаимодействия индивида с социальным окружением являются объектом исследования в классическом психоанализе. По сути З. Фрэйд рассматривал первичную коммуникативно-интерактивную сферу ребенка как определяющую и моделирующую по отношению к будущему психическому здоровью индивида, поэтому можно говорить, что в учении З. Фрэйда интегрированы элементы античного и адапционного эталонов [Васильева, 2001, с. 92; 4, с. 429, 430].

Глубинный конфликт социализации заключается не только в подавлении биологических инстинктов и деформации человеческой сущности, но также в неспособности построить доверительные, открытые, основанные на любви отношения с другими людьми, в неумении обрести собственное устойчивое положение в мире людей. Поэтому успешная адаптация в сфере межличностных отношений рассматривается как необходимое условие душевного здоровья и психологического благополучия личности (З. Фрэйд, Г.С. Салливан, К. Хорни).

1. Аналогичный подход, трактующий

разнообразные феномены здорового и патологического функционирования психики как производные от социальных связей индивида, заложен в основании транзакционного анализа Э. Берна [Берн, 1992, с. 37]. Согласно его теории, полноценное существование индивида, его психологическое благополучие невозможно без постоянного контакта с социальной средой и представляет собой сложную социальную игру, которая может быть успешной адаптацией, либо привести к психологическому заболеванию.

Наиболее целостная и завершенная психологическая концепция адаптации, учитывающая ее индивидуально-личностный аспект, была предложена Э. Эриксоном. Согласно его эпигенетической теории и концепции идентичности каждая из возрастных стадий развития личности представляет собой возможность усиления адаптационных возможностей, хотя главные достижения и даются ценой кризисов [Эриксон, 1996; Психология, 1990, с. 465].

Каждый человек на любой из этих стадий делает выбор между двумя альтернативными способами решения возрастных и ситуативных задач развития. Характер выбора отражает на всей последующей жизни в плане ее успешности, продуктивности, здоровья, благополучия. Значимость теории Эриксона в том, что она показывает, как социокультурные и межличностные механизмы, определяющие индивидуальное развитие, на каждом жизненном этапе действуют в неразрывной взаимосвязи и приводят к интеграционному результату – формированию неповторимой идентичности, представляющей образ собственного «Я» во всем богатстве отношений личности к окружающему миру. Жизненные циклы, по сути, представляют собой витки адаптационной спирали, проходя которые личность выходит наиболее высокий уровень психологической зрелости.

В целом, основываясь на адаптационной модели, здоровье человека синонимично понятию «полноценность». Поскольку адаптация включает в себя два аспекта, то и полноценность как показатель успешности адаптации понимается с одной стороны, как полноценность организма, с другой, как соци-

альная полноценность личности. В отличие от античной модели, где здоровье понимается как интегральная согласованность души и тела, адаптационная модель рассматривает эти составляющие отдельно, выделяя физическое и психическое здоровье в самостоятельные, хотя и взаимосвязанные категории. Здоровье определяется характером соотношения биологического и социального компонентов.

Васильева О.С. и Филатов Ф.Р. выделяют в качестве основных аспектов адаптационной проблематики здоровья: экологический, нормативный и коммуникативно-интерактивный; а также четыре основных параметра здоровья: приспособленность к природному окружению; нормальность; способность поддерживать функционирование организма и психики на оптимальном уровне; гармоничная включенность в человеческое сообщество [Васильева, 2001, с. 102]. Выделенные характеристики обеспечивают здоровое существование человека, его социальное благополучие.

Еще одна модель, разрабатываемая Васильевой О.С. и Филатовым Ф.Р., на основе принципов интегративного, комплексного подхода – психологическая модель здоровой личности [Васильева, 2001, с. 262]. В данном случае уделяется большее внимание изучению такого компонента, показателя психологического благополучия человека как психологической здоровь личности. Исследуется проявление социокультурных аспектов в сфере психологического здоровья отдельной личности и в психологическом пространстве ее фундаментальных отношений с миром. Основанием для применения данного подхода является наличие поливариантности научных интерпретаций различных аспектов здоровья. Такой подход соответствует принципу единства и целостности психики, которого придерживаются отечественные психологи – Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн.

Б.Г. Ананьев настаивал на необходимости исследования целостной личности как многоуровневой системы, отличающейся по многим параметрам неповторимым своеобразием [Психология, 1990, с. 20,21]. Данная модель объясняет взаимоотношение здоровья (многоаспектного феномена) с целостной струк-

турой личности и определяет его не только как социокультурную переменную или интегральный семантический конструкт, но и как интегративную характеристику личности, охватывающую различные уровни индивидуального бытия.

Определяются основные принципы построения психологической модели здоровой личности:

- холистичность – рассмотрение здоровья как системного качества, характеризующего личность в ее целостности;

- учет изначальной поливариантности интерпретаций – интеграция на едином концептуальном основании различные трактовки здоровья, соответствующие разным ее аспектам;

- структурность и динамизм как взаимодополняющие аспекты проблемы – осмысление проблемы и аналитически, и процессуально.

Последний принцип особенно важен для построения обозначенной модели, поскольку, по мнению авторов, она демонстрирует как основные характеристики социокультурных эталонов здоровья соотносятся со структурой и динамикой личности, т.е. как осуществляется социокультурная детерминация личности в сфере здоровья и болезни или как проявляются социокультурные эталоны здоровья в качестве основных детерминант индивидуально – личностной регуляции здоровья.

Необходимость сочетания структурного и процессуального (динамического) подходов определяется необходимостью изучения как актуального, устоявшегося в данный момент соотношения структурных компонентов психики, так непосредственный результат взаимовлияния основных процессов, поддерживающих единство личности и обеспечивающих ее развитие. В качестве объединяющей выступает идея согласованности, активно проявляющаяся в античной модели. Согласованность при этом распространяется не только на структурные элементы личности, предполагая их иерархию, но и на основные процессы, приводящие к согласованию. Динамический аспект согласованности состоит в достижении согласованного протекания процессов саморегуляции, социальной адаптации и самореализации. Структурная согла-

сованность предполагает выделение определенных структурных элементов личности, в данном случае в этом качестве выступают уровни функционирования психики. Авторы рассматривают личность как целостную и самоорганизующуюся систему, включающую следующие уровни:

- уровень телесных ощущений и реакций;
- уровень образов и представлений;
- уровень самосознания и рефлексии;
- уровень межличностных отношений и социальных ролей;
- уровень социальной детерминации личности;
- уровень экзистенциальных (сущностных) или трансперсональных переживаний;
- уровень самоактуализации.

Каждому уровню личности соответствует определенная подсистема потребностей и ценностей.

1. Физиологические «витальные» потребности и материальные ценности.
2. Познавательные, когнитивные потребности и соответствующие им ценности восприятия и познания.
3. Потребности в самопознании и самоуважении «ценности Эго»: идентичность, самообладание, самопринятие.
4. Потребности в общении, признании и социальных связях – ценности коммуникаций и отношений: взаимопонимание, уважение, дружба, любовь.
5. Потребность в культурной и этнической принадлежности – ценности культуры.
6. Метапотребности и бытийные ценности (в терминологии Маслоу), например, потребности в осмысленности существования, идеалах.
7. Потребности в самоактуализации – «абсолютные» ценности: истина, полнота, гармония, самореализация.

Ценностные ориентации личности в различных психологических теориях сопоставляются либо с представлениями, мнениями, убеждениями, либо с социальными установками, либо с потребностями и мотивами [Психология, 1990, с. 201].

Ценности и потребности представляют собой всегда соотнесенные друг с другом структурные и динамические аспекты лич-

ности, согласованием которых достигается ее интегрированность и стабильность. Они не только обеспечивают функционирование психики в пределах каждого конкретного уровня, но и детерминируют личность как целостную систему, обеспечивают иерархичность, которая выражается в различных уровнях системы. Психическое и психологическое здоровье как показатели психологического благополучия личности исследуются также в медицине, где они обращены к различным сторонам нормального и аномального функционирования. Традиционная медицинская модель рассматривает психическое здоровье как меру вероятности развития болезни, используется «негативное» определение здоровья, как отсутствие здоровья. В психоанализе представление о здоровье как о таковом вообще отсутствует; каждый человек выступает как носитель того или иного «патоса», потенциальной болезни, переходу которого в «нозос» – актуальную болезнь – препятствует сбалансированный режим функционирования психологической защиты и компенсации в индивидуальной психодинамике. Для бихевиоризма характерно сведение личности к ее социальному функционированию и определению нормы (здоровья и благополучия) через понятие равновесия со средой, с использованием таких критериев, как адаптация, стабильность, успешность, продуктивность, конформность. Развитие идей гуманистической и экзистенциальной психологии и привело к появлению концепции позитивного психического здоровья и зависящего от него психологического благополучия, в которой делался акцент на специфически человеческом способе существования. В центр этого подхода был поставлен анализ здорового функционирования как позитивного процесса, обладающего самостоятельной ценностью и содержательно описываемого через понятия самореализации, самоактуализации (К. Гольдштейн, А. Маслоу, Ш. Бюллер), полноценного человеческого функционирования (К. Роджерс), аутентичность (Дж. Бюдженталь), стремления к смыслу (В. Франкл). Однако характерной чертой моделей позитивного психического здоровья являлся преимущественно их описательный характер; перечни черт, характери-

зующие здоровую личность, не позволяют ответить на практический вопрос о механизмах поддержания и восстановления психического здоровья при его нарушениях.

Выделяется группа концепций социальной обусловленности нарушений здоровья.

Н.М. Римашевская и О.А. Кислицина разработали концепцию различий в состоянии здоровья на основе неравенства и несправедливости. Внимание фокусируется на распределении ресурсов, которые, в конечном счете, воздействуют на неравенство в здоровье, то есть на неравенство в здоровье между социальными группами, находящимися в более или менее выгодном положении. Выделяются несколько детерминант неравенства в здоровье:

- поведение, наносящее ущерб здоровью, выбранное самим индивидом (вид спорта, связанный с риском);

- временное преимущество одной группы над другой;

- поведение, наносящее ущерб здоровью, когда выбор индивидом образа жизни существенно ограничен;

- подверженность нездоровым, стрессовым условиям дома в семье и на работе;

- неадекватный доступ к услугам здравоохранения;

- определяемая здоровьем социальная мобильность, включая тенденцию для больных людей сдвигаться вниз по социальной шкале.

Различия в здоровье, вызванные первыми тремя факторами, обычно не рассматриваются как несправедливость в здоровье, остальные факторы определяются в качестве устранимых и считаются несправедливыми.

Еще одна концепция социальной обусловленности здоровья постулирует, что социальный слой предлагает определенные объективные условия жизни, влияющие не предрасположенность к заболеваниям и продолжительность жизни (Г. Штайнкамп).

В рамках модели стрессовой уязвимости (П. Ормел, П. Неелеман, Д. Виерсм) выделяются главные группы детерминант здоровья: демографические факторы (пол и возраст); психобиологические факторы (сопротивляемость, пластичность индивида); социальные

факторы (социальный статус, условия проживания, этничность, семейное положение, социальная поддержка); социально-культурные факторы (жизненные события, стрессовые события). Детерминанты последней группы могут быть, в зависимости от характера их связей с психическим нездоровьем, усиливающими или поддерживающими его.

Различные модели психического здоровья обращены к различным уровням, регулирующим активность субъекта и, соответственно, к различным мишеням воздействия. Б.С.Братусь предложил многоуровневую модель психического здоровья, выделив несколько уровней структуры личности, каждому из которых соответствует свое понимание психического здоровья. Согласно этой модели, высший уровень личностного здоровья, отвечающий за производство смысловых ориентаций, определение общего смысла жизни, отношение к себе и к другим, оказывает регулирующее влияние на нижележащие уровни, характеризующие степень адаптации и психофизиологическое состояние.

Еще один уровень психологического благополучия – психологическое здоровье, характеризующее процесс и результат нормального развития субъективной реальности в пределах индивидуальной жизни. Эллис выделяет следующие критерии психологического здоровья:

1. интерес к самому себе: чувствительный и эмоционально здоровый человек ставит свои интересы немного выше интересов других, в некоторой степени жертвует собой ради тех, о ком заботится, но не полностью.

2. общественный интерес: если человек поступает безнравственно, не отстаивает интересы других и поощряет социальный отбор, маловероятно, что он построит себе мир, в котором сможет жить уютно и счастливо.

3. самоуправление (самоконтроль): способность брать на себя ответственность за свою жизнь и одновременно стремление к объединению с другими без требования значительной поддержки.

4. высокая фрустрационная устойчивость: представление права себе и другим совершать ошибки без осуждения своей личности или личности другого.

5. гибкость: пластичность мысли, открытость изменениям; человек не ставит себе и другим жестких неизменных правил.

6. принятие неопределенности: человек живет в мире вероятностей и случая, в котором никогда не будет существовать полной определенности.

7. ориентация на творческие планы: творческие интересы занимают большую часть существования человека и требуют с его стороны вовлеченности.

8. «научное» мышление: стремление быть более объективным, рациональным. Регуляция своих чувств и действий посредством реагирования и оценивания их последствий в соответствии со степенью их влияния на достижение близких и далеких целей.

9. принятие самого себя: отказ от оценки своей внутренней ценности по внешним достижениям или под влиянием оценки со стороны других; стремление скорее радоваться жизни, чем утверждать себя.

10. риск: эмоционально здоровый человек склонен рисковать оправданно и стремиться делать то, что он хочет, даже когда существует возможность неудачи; он стремится быть предприимчивым, но не безрассудно храбрым.

11. длительный гедонизм: человек ищет удовольствия как от текущего момента, так и от возможного будущего; он считает, что лучше думать как о сегодняшнем дне, так и о завтрашнем, и не одержим немедленным получением удовлетворения.

12. нонутопизм: отказ от нереалистичного стремления к всеохватывающему счастью, радости, совершенству или к полному отсутствию тревоги, депрессии, унижения своего достоинства и враждебности.

13. ответственность за свои эмоциональные нарушения: склонность принимать на себя большую часть ответственности за свои поступки, а не стремление с целью защиты обвинять других или социальные условия [Elis & Dryden, 1987].

О.В. Хухлаева настаивает на описании и изучении психологического здоровья как системы, включающей в себя аксиологический, инструментальный и потребностно-мотивационный компоненты [Хухлаева, 2001]. При этом аксиологический компонент содержательно

представлен ценностями собственного «Я» человека и ценностями «Я» других людей. Ему соответствует как абсолютное принятие самого себя или достаточно полное знание себя, так и принятие других людей вне зависимости от пола, возраста, культурных особенностей. Безусловной предпосылкой этого является личностная целостность, а также умение принять свое «темное начало» и вступить с ним в диалог. Кроме того, необходимыми качествами являются умение разглядеть в каждом из окружающих «светлое начало», даже если оно не сразу заметно, по возможности взаимодействовать именно с этим «светлым началом» и дать право на существование «темному началу» в другом индивидууме так же, как и в себе.

Инструментальный компонент предполагает владение человеком рефлексией как средством самопознания, способностью концентрировать свое сознание на себе, своем внутреннем мире и своем месте во взаимоотношениях с другими. Ему соответствует умение человека понимать и описывать свои эмоциональные состояния и состояния других людей, возможность свободного и открытого проявления чувств без причинения вреда другим, осознание причин и последствий, как своего поведения, так и поведения окружающих.

Потребностно-мотивационный компонент определяет наличие у человека потребности в саморазвитии. Это означает, что человек становится субъектом своей жизнедеятельности, имеет внутренний источник активности и становится, по мнению В. И. Слободчикова, «автором собственной биографии» [Слободчиков, Шувалов, 2001].

Взаимосвязь психологического здоровья с духовностью рассматривается многими авторами, в частности, И.В. Дубровиной, которая утверждает, что следует уделить внимание психологическому здоровью с точки зрения богатства развития личности, включая в психологическое здоровье духовное начало. Таким образом, подчеркивается необходимость наличия у человека этической системы, ориентацию на абсолютные ценности: истину, красоту, добро [Хухлаева, 2001].

Не менее важным критерием социального благополучия является субъективное

благополучие, которое представляет собой интегральное социально-психологическое образование и определяется через систему представлений личности о себе, своей жизни, отношениях. Особенно важным в формировании благополучия выступает система смысловых образований личности и их качественных связей [Шамяонов, 2006].

Ценностно-смысловые характеристики личности могут выступать применительно к формированию субъективного благополучия двояко: с одной стороны, ряд исследователей считает их включенными в благополучие, рассматривая его как показатель осмысленности (Д.А. Леонтьев), другие – как фактор благополучия (М. Аргайл, В. Франкл). Неслучайно поиски смысла, формирование определенной упорядоченности ценностей и смысловых единиц в сознании человека сопровождаются дискомфортом состоянием и ощущением неблагополучия; тем не менее, в ряде случаев, именно эти моменты поиска по прошествии времени могут восприниматься как наиболее продуктивные, благополучные, характеризующиеся понятием «счастье». Эту особенность можно назвать эффектом отсроченного благополучия, так как прошлое воспринимается более полным, счастливым, если в нем можно отметить большее, по сравнению с настоящим, количество значимых событий. С другой стороны, наличие осмысленной жизнедеятельности планов, реализация которых предполагает опору на смысловые единицы, и, в особенности, убежденность в том, что намечаемое непременно сбудется, является фактором благополучия. Очевидно, что смысловая определенность является фактором благополучия, хотя не до конца ясна качественная характеристика этой связи. Люди, обладающие осмысленностью и пониманием происходящего, имеющие долгосрочные и близкие смысловые перспективы, испытывают дискомфорт и неблагополучие. Очевидно, по мнению А.Н. Леонтьев, это связано с тем, что наличие смыслового поля, еще недостаточно для того, чтобы выстроилась определенная целостность, включающая как самого субъекта, так и систему отношений с внешним миром.

Взаимосвязь субъективного благополучия личности и субъективного смыслообразова-

ния представляется важным для изучения в социально-психологическом контексте. Речь идет не столько о результате – определенности смысла бытия (т.к. наличие оформленной структуры жизненных смыслов является фактором благополучия), но о стратегиях наполнения этой структуры, о ее качественных составляющих [Шамяонов, 2006]. Действительно, как показано во многих исследованиях (С.Л. Рубенштейна, В. Франкла, М. Аргайла), смысловая определенность выступает регулятором отношений субъекта с внешним миром, а также направлений активности, ее качественных характеристик. Однако в реальном времени в значительной мере оказывает влияние на субъективное благополучие субъективная оценка конкретных действий, поступков, с точки зрения их значения, смысла. По мнению Р.М. Шамяонова, качественное содержание субъективного благополучия, его конструктов, зависит от высших диспозиций личности, ценностно-ориентационных комплексов.

Формирование субъективного благополучия обусловлено социальным познанием. Субъективное благополучие личности это качественная сторона субъективной реальности, выстраиваемой индивидом на основе социальных норм, установок, а также собственного опыта.

Важным аспектом изучаемой проблематики выступает соотношение представления о смысле жизни. На основе этого соотношения И.А. Джидарьян и Е.В. Антонова выделили два наиболее общих типа личности – «гедонисты» (основная установка которых – «жизнь выше смысла») и «эвдемонисты» («смысл выше жизни»). Очевидно, что данный подход применим лишь для определенной возрастной группы. Р.М. Шамяонов придает особое значение такому фактору субъективного благополучия как смысловая определенность в профессиональной и житейской сферах. Подчеркивает необходимость изучения взаимосвязи благополучия и смысловых образований, обусловленную различными преобразованиями в системе профессиональной деятельности человека и выявлению ее специфики на разных этапах профессиональной социализации.

В зарубежных исследованиях субъективного благополучия прослеживается ориента-

ция на его оценку самим индивидом с позиции ценностей и целей. Поскольку последние всегда индивидуальны, то универсальной для всех структуры благополучия быть не может, значит изучать можно только факторы, влияющие на это чувство счастья и удовлетворенности. В данном контексте употребляется термин «качество жизни, связанное со здоровьем», синонимами для которого являются понятия субъективного состояния здоровья и функционального статуса.

Выделяются такие показатели субъективного благополучия как а)самопринятие (позитивное отношение к себе и своему прошлому); б)автономность (самоопределение и независимость, способность противостоять социальному давлению);

в) компетентность (чувство мастерства и компетентности в овладении средой, осуществление разнообразных видов деятельности);

г) цели в жизни (чувство осмысленности

своего прошлого и настоящего, цели в жизни и чувство направленности);

в) личный рост (чувство продолжающегося развития и реализации своего потенциала).

Психологический контекст изучения различных показателей и уровней социального благополучия человека (психологическое благополучие; здоровье – психическое и психологическое; социальная адаптация; субъективное благополучие) предполагает в большей степени применение интегративного подхода, в том числе и потому, что здоровье, благополучие рассматриваются как интегративная характеристика личности, охватывающая как ее внутренний мир, так и все своеобразие взаимоотношений с окружением и включающая в себя физический, психический, социальный и духовный аспекты; как состояние равновесия, баланса между адаптационными возможностями человека и постоянно меняющимися условиями среды.

Библиографический список

- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Перевод с англ. / Под общей редакцией М.С. Мацковского. СПб.: Лениздат, 1992. – 400 с.
- Берн Э. Транзакционный анализ и психотерапия. Перевод с англ. – СПб.: Издательство «Братство», 1992. – 224 с.
- Васильева О.С. Филатов Ф.Р., Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. 450 с.
- Психология. Словарь / Под общей редакцией А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е издание, исправл. и допол. – М.: Издательский центр «Политиздат», 1990. с. 12,37,42,145,357,364,465,429,430,439.
- Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // вопросы психологии. 2001. №4. с 91-105
- Хухлаева О.В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции: Учебное пособие для студентов. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- Шамионов Р.М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере// Известия Саратовского университета. Т.6. №1-2. 2006. – С. 104-109.
- Шибутани Т. Социальная психология. / Перевод с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1999. – 544 с.
- Энциклопедический социологический словарь / Под общей редакцией Осипова Г.В., М.: 1995. с. 9,70,84,191,360.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Перевод с англ. / Под. Общей редакцией А.В. Толстых. М.: Издательство «Прогресс», 1996. – 344 с.
- Elis A. & Dryden W. The Practice of Rational-Emotive (RET). N.Y.: Springer Publishing Company, 1987, p. 18-20.

T.V. Chukanova
Altpa State University
Russia, Barnaul

THE PSYCHOLOGICAL CONTEXT OF STUDYING THE LEVELS AND CRITERIA OF HUMAN SOCIAL WELL-BEING

Abstract. The purpose of the article is a theoretical analysis of the phenomenon of social well-being, its components, from the point of view of various approaches and concepts. One of the indicators of a person's social well-being is studied in detail - health and its components - psychological health, psychological well-being. Based on the sociological approach, the problems of health and social health are considered in the context of the problems of socialization and social interaction. Sufficient attention has been paid to psychological theories that describe adaptation processes within various areas and schools. The levels of psychological well-being, an element of social well-being, are characterized. Structured and analyzed criteria for social well-being.

Keywords: social well-being, psychological health, psychological well-being, subjective well-being, criteria of subjective well-being.

Ю.В. Явинская

«Вечно бабочкой летать...» уподобление образов человека и бабочки в русской поэзии

Впервые опубликовано: Русская речь. № 3. 2018. – С. 24-29.

Аннотация. В статье анализируются примеры поэтической метаморфозы, понимаемой как прием развернутого параллелизма образов (сравнений-метафор), в конструкциях с прилагательным творительным падежом. Материал поэтического корпуса в рамках Национального корпуса русского языка позволяет описать в ди-ахроническом аспекте основные трансформации образов, представленных данной грамматической конструкцией.

Ключевые слова: тропы, сравнение, метафора, метаморфоза, параллелизм, поэтический текст, поэтический корпус.

Явинская Юлия Вадимовна,
кандидат филол. наук, доцент

Алтайский государственный
университет (Барнаул)

Руководитель информацион-
ного центра НОЦ алтаистики и
тюркологии «Большой Алтай»

E-mail: yavinska@mail.ru

В поэтическом корпусе русского языка в рамках Национального корпуса русского языка [2] встречаются 33 сравнения образов бабочки и человека (души) в конструкциях с творительным сказуемым. Большинство из них представлено в виде «точечных метаморфоз» (сравнений-метафор), однако в 14 контекстах сравнения можно считать «полными метаморфозами», по В.П. Григорьеву [1], или видами «развернутого во времени параллелизма», по Р.О. Якобсону [3].

В текстах XVIII-XIX веков в конструкциях с творительным частотны сравнения человека с бабочкой на основе внешних признаков и действий, активно употребляется застывшая метафора «порхать бабочкой» в значении «жить (любить) легко и беззаботно» (Курсив здесь и далее наш. – Ю.Я.):

Если б было в нашей власти
Вечно бабочкой летать
Не дивился бы я страсти
С тем любить, чтоб разлюбить. [Н.М. Карамзин, 1800]
Ты была, малютка, чудно разодета, –

В церковь *легкокрылой бабочкой порхнула*. [Л.Н. Трефолов, 1864]

Полные метаморфозы [не человек → а бабочка] строятся на основе мифологического сюжета, ср.: «Психею – душу или мечту – древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшейся с Купидоном» [К.Н. Батюшков, 1809]. Так, в пастушеской идиллии XVIII века влюбленные, подражая бабочкам, в итоге превращаются в них:

«Ах! станем подражати,
– Сказал он, – свет мой, им;
И резвость съединяти
С гулянием своим;
И, бегая лесочком,
Чете подобясь сей,
Я буду мотыльчком,
Ты – *бабочкой моей*». [М.И. Попов, 1765]

В основе обращенного параллелизма [не человек → а бабочка] может лежать «биологический» сюжет о превращении гусеницы в бабочку, ср. стихотворение А. Фета со знаковым названием «Превращение»:

Давно, в поре ребяческой твоей,
Ты червячком мне пестреньким казалась
<...>

И вот теперь ты, куколка моя,
Живой души движения скрываешь <...>
Постой, постой, порвется *пелена*,
На божий свет с улыбкою проглянешь,
И, весела и днем упоена,
Ты яркою нам бабочкой предстанешь. [А.

Фет, 1859]

Метаморфоза, заданная конструкцией с творительным предикативным, может не разворачиваться по пути «зоологической конкретности», а, наоборот, обернуться в тексте «философской» генитивной метафорой:

Что счастливее сей доли,
Как бы бабочкою быть,
На своей всегда жить воле
И любви лишь сладость пить?
Я бы пил, – и, вновь влюбляясь,
Лишь в веселье дни провел
И, с духами сочетаясь,
Был нетления символ. [Г. Р. Державин,
1802]

В поэзии XX века метаморфоза [не человек → а бабочка] в конструкциях с творительным развивается, как правило, на основе «биологического сюжета» (кокон → гусеница → бабочка) и в большей степени связана с темой смерти. Это, во-первых, могут быть «точечные метаморфозы», не раскрытые полностью в тексте:

те кто возвращается во снах
бабочкою об одном крыле
как перелетели этот страх
снова очутиться на земле? [В. Б. Кривулин, 1998]

Во-вторых, это могут быть полные метаморфозы, реализованные в тексте, например, образ стоящей на пороге перехода в другую жизнь «старой мамы» поэта у Д. Самойлова:

Как червячок,
Закутавшийся в кокон,
Полуслепая

И полуглухая,
Она *грызет* тихонько
Домик свой,
Чтоб *маленькою бабочкой взлететь*
И, *шелк* судьбы оставив, умереть. [Д. Самойлов, 1984]

Интересен пример отрицательного параллелизма, при котором «отвергается ряд метафорический во имя ряда реального» [3], в стихотворении О. Мандельштама, где представлена точечная метаморфоза [не бабочка → а я (тело)]:

Не *мучнистой бабочкою белой*
В землю я заемный прах верну – Я хочу,
чтоб мыслящее тело

Превратилось в улицу, в страну:
Позвоночное, обугленное тело,
Сознающее свою длину. [О.Э. Мандельштам, 1935-1936]

В данном примере неполная метаморфоза на основе отрицательного параллелизма сменяется полной метаморфозой на основе обращенного параллелизма [не я (тело) → а улица, страна].

В поэзии XX века в качестве базовых сюжетов метаморфозы в конструкциях с творительным встречаются сюжеты о бабочке, летящей на огонь, о бабочке, попадающей в эфир, ср.:

Когда б вы были бабочкой ночной,
я б стал *свечой*, летающей пред вами! [Л. Л. Аронзон, 1969]

Кроме того, для данного периода характерно включение образа бабочки в ряды сравнений (и/или метаморфоз) с другими образами природного мира – птицей, пчелой. Это могут быть точечные метаморфозы:

Пунш – и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И – как призрак –
В полукруге арки – *птицей* –
Бабочкой ночной – Психея! [М. Цветаева,
1920]

А также целые ряды возможных перевоплощений [не человек → а...]:

Влекусь рекой, цвету сиренью,
Пылаю солнцем, льюсь луной,
Мечусь костром, беззвучу тенью
И вею бабочкой *цветной*. [И. Северянин,
1909]

Тенденция к перечислению точечных метаморфоз у поэтов начала XX века имеет отсылку к архаике, к «первобытному», иногда об этом прямо говорится в самих текстах. Мотив оборотничества в конструкциях с творительным метаморфозы отсылает к известным образам «Слова о полку Игореве» (ср. работы А. А. Потебни). Многочисленные перевоплощения образа поэта «во всех и во все» в данном случае обусловлены особой «подражательной» природой поэтического творчества, а также могут быть связаны с мотивом «другой реальности» – сна, грезы и т. п.:

Прекрасен, как ворон, стою в вышине,
Выпуклы архаически очи.

Вот ветку прибило, вот труп принесло,
И снова тина и камни.

И важно, как царь, я спускаюсь со скал
И в очи свой клюв погружаю.

И чудится мне, что я пью ясный сок,

Что бабочкой переливаюсь. [К. К. Вагинов, 1926]

Кроме того, в этот период в русскую поэзию проникает китайская притча о превращении человека в бабочку во сне, и этот сюжет становится базовым для полной метаморфозы [не я → а бабочка] в нескольких контекстах, например:

И сон один припомнился мне вдруг:

Я бабочкой летала над цветами.

Я помню ясно: был зеленый луг,

И чашечки цветов горели словно пламя.

Смотрю теперь на мир открытыми глазами,

Но, может быть, сама я стала сном

Для бабочки, летящей над цветком? [Е. И. Дмитриева, 1927]

В поэзии XX-начала XXI века в конструкциях с творительным для рассматриваемых метаморфоз характерны процессы расщепления и логизации. Так, в стихотворении Арс. Тарковского точечная метаморфоза реализуется по пути отрицательного параллелизма [не

бабочка → а женщина], при этом происходит расщепление образа бабочки на отдельные характеристики человека:

Ты, что бабочкой черной и белой,

Не по-нашему дико и смело,

И в мое залетела жильё,

Не колдуй надо мною, не делай

Горше горького сердце мое.

Чернота, окрыленная светом,

Та же черная верность обетам

И платок, ниспадающий с плеч.

А еще в трепетании этом

Тот же яд и нерусская речь. [А. А. Тарковский, 1946]

Примером логизации предполагаемого превращения «я» в бабочку может служить пример из современной поэзии:

Гусеницей стать немислимо,

бабочкою – не резон:

дня в разгаре шелковистого

накрывают картузбм.

Вся крылатая беснуется

ослепленная братва.

Кто же к ним, болезным, сунется

с пожеланием родства? [М. Н. Айзенберг, 2015]

В данном случае метаморфоза [не я → а бабочка], заданная в первой строфе, остается не реализованной, поскольку далее содержатся логический и метафорический аргументы «против» подобного превращения.

Таким образом, на примере конструкций с творительным сказуемым можно увидеть пути развития параллелизма образов человека и бабочки от мифологического уподобления – до логического объяснения невозможности уподобления. Подобный анализ важен для понимания видов и способов трансформации тропов внутри поэтического текста.

Библиографический список

Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. С. 237.

Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>

Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 280.

Yu. V. Yavinskaya
Altai state University
Russia, Barnaul

«FOREVER A BUTTERFLY TO FLY ...» SIMILARITY OF IMAGES OF A MAN AND A BUTTERFLY IN RUSSIAN POETRY

Abstract. The paper considers the examples of poetic metamorphose which is understood as a device of parallel images (similes- metaphors) explication in the Verb + Ablative grammar constructions. The examples of the Poetic Corpus in the National Corpus of the Russian Language let the author describe the main transformations of images in this grammar construction in a diachronic aspect.

Keywords: tropes, simile, metaphor, metamorphose, parallelism, poetic text, the Poetic Corpus.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Научный журнал

Terra Scimus

Выпуск IX

Коллекция избранных трудов ученых алтайской филологической научной школы

К 50-летию Алтайского государственного университета

Под ред. Н.В. Халиной

Адрес редакции издателя:
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66

Подписано в печать 02.06.2023 г. Дата выхода в свет 28.06.2023 г.
Усл.-печ. л. 19,99. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитуры: Cambria, Segoe UI.
Тираж 100 экз. Заказ № 443

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66